НАУКА И РЕЛИГИЯ

4

1991

ISSN 0130-7045

В НОМЕРЕ:

Николай Бердяев
О Декларации митрополита Сергия

Иван Ефремов и «Агни Йога»

Был ли Рюрик?

Под какой звездой родился Иисус?

Болгария.
Рильский монастырь.
Фото Т А С С.

«ВАЖНЕЕ ВСЕГО — ЛЮБОВЬ»

Елена АНДРЕЕВА

В Рильский монастырь, игуменом которого был отец Мефодий, я приехала с моим другом, московским поэтом. Наш общий знакомый, болгарский переводчик, описал архимандрита как человека широких взглядов, радушного, но аскетически строгого.

Не без трепета постучались мы в массивные двери настоятельских парадных покоев. Однако отец Мефодий вышел к нам совсем из другой двери, ведущей в скромную монашескую келью. На нем была простая черная ряса и маленькая круглая шапочка. Высокий, худощавый, с огромными проницательными глазами, с пышной седой бородкой, он так доброжелательно, но в то же время испытующе посмотрел на нас, что в первый момент я раскаялась в своей дерзости. Тут идет своя, отрешенная от суеты жизнь, а мы бесцеремонно врываемся в нее. Но ведь не праздное любопытство, а глубокий интерес к истории Болгарии привел нас сюда, в этот затерянный среди высоких гор уединенный монастырь, построенный в глубине страны как оплот болгарского духа, хранитель национальных традиций и культуры, убежище тех, кто не желал смиряться с гневом иноземных поработителей. Здесь не раз укрывались бунтовщики и повстанцы. В давние времена монах Паисий Хилендарский написал здесь первую книгу на кириллице — «Историю славяно-болгарскую», совершившую истинно культурную революцию в годы, когда службы в храмах велись и книги печатались на непонятном болгарам греческом языке.

Наверное, отец Мефодий угадал, какие чувства одолевали меня, — он улыбнулся и пригласил нас в парадные апартаменты — с коврами, уникальными иконами, старинной мебелью. Извинившись, удалился переодеться. Вернулся в шелковой голубой рясе, шитой серебром, высоком клобуке с длинной шелковой вуалью, большим распятием на груди. Пригласил осмотреть монастырь.

Крест-распятие на груди монаха привлек внимание ребятишек, которые приехали сюда на экскурсию с родителями, и пока те осматривали храм и древнюю Хрельову башню, вертелись во дворе, норовя забраться по лестнице наверх, на галерею, вдоль которой находятся кельи монахов, или заглянуть в огромную прокопченную монастырскую кухню с массивной плитой и отверстием-вытяжкой в потолке.

Один из сорванцов осмелился подойти к величавому старцу и спросил:

— Дедушка, что у тебя на груди? Твой портрет?

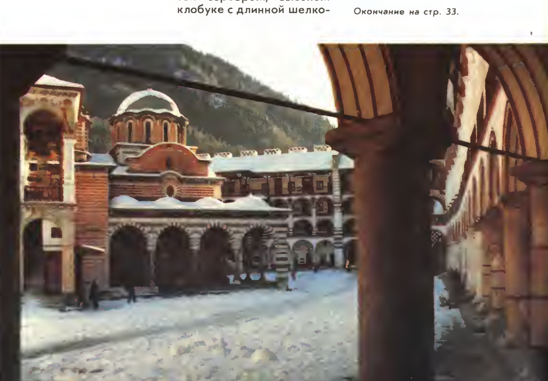
— Это распятие, отрок.

— И я хочу такое же!

— Хочешь, да нельзя... Мне его дали потому, что я тут — начальник.

Архимандрит сказал это шутливо, на понятном мальчугану языке, а мне стало как-то не по себе от простодушной фамильярности ребенка. Отец Мефодий, принявший монашеский сан по глубокому внутреннему убеждению, не раз говорил при мне своему знакомому — переводчику: «Для вас в конце жизни — темная бездна, а для меня — сияющие врата, к которым я иду всей своей жизнью».

Окончание на стр. 33.



НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати за № 732

Издается с сентября 1959 года

в номере

4 АПРЕЛЬ '91

На 1-й странице обложки картина Александра Рекуненко «Лакшми». О ней читайте на с. 32.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва, Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-40-91

Сдано в набор 20.01.91.
Подписано к печати 14.03.91.
Формат 60×90/8.
Бумага офсетная № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,0.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,38.
Тираж 791 260 экз.
Заказ 01070041.
Цена 60 к.

Журнальный комплекс издательства «Радянська Україна».
252146, Киев-146, ул. Героев космоса, 6.

100 лет со дня рождения С. И. Вавилова

Если в прежние времена только немногие — Галилей, Ломоносов, Эйлер, Мечников, Тимирязев — умели писать так, что они были понятными и глубоко интересными и для широких кругов, то в наше время это должно стать обязанностью каждого советского ученого.

С. И. ВАВИЛОВ

Первый председатель

24 марта 1891 года в Москве на Красной Пресне родился Сергей Иванович Вавилов. От ученого до руководителя науки — таков его жизненный путь. Учителями С. И. Вавилова были выдающиеся ученые П. Н. Лебедев и П. П. Лазарев. Исследования в области фотометрии и атомной физики, фундаментальные исследования по люминесценции и философские проблемы науки — вот лишь некоторые из направлений его деятельности.

Но кроме того он был президентом Академии наук СССР, руководителем крупнейших научно-исследовательских институтов, главным редактором «Большой советской энциклопедии»...

Но сегодня мы вспоминаем С. И. Вавилова не только как физика и организатора науки.

В 1947 году, а точнее — 1 мая, ряд деятелей отечественной науки, литературы и искусства предложили создать Общество по распространению политических и научных знаний. Группу этих деятелей возглавлял Сергей Вавилов — президент АН СССР. Общество было создано. Это известное теперь общество «Знание». Первым председателем общества стал С. И. Вавилов. По его предложению «Знанию» было передано здание Московского Политехнического института, в котором оно располагается и сегодня.

За те три с половиной года, в течение которых Вавилов возглавлял общество «Знание», были созданы республиканские общества и почти 200 филиалов. Более 300 тысяч деятелей науки и искусства, лекторов и учителей, изобретателей и новаторов вступило в общество «Знание».

С. И. Вавилов явился инициатором выпуска популярных книжных серий «Классики науки», «Литературные памятники», «Мемуары» и т. п.

Деятельность С. И. Вавилова на этом посту прервали болезнь и смерть, последовавшая 25 января 1951 года.

Сергей Иванович жил в непростое время, окончательные итоги которого подведут наши потомки. Но при всех обстоятельствах, его вклад в развитие науки и ее популяризацию остается несомненным. Слова, приведенные в начале очерка, взяты из статьи, написанной С. И. Вавиловым в 1949 году. Они актуальны и сегодня. Если не популяризировать науку, то интерес к ней неизбежно упадет, а значит и приток свежих сил иссякнет. А это губительно не столько для науки как таковой, сколько для общества, науку недооценивающего.

Фнзнк, академик С. И. Вавилов, нсторнк Б. Д. Греков, пнсатели Н. С. Тнхонов и А. А. Фадеев, академикн Тарле Е. В., Опарнн А. И. н другне деятелн наукн и культуры в мае 1947 г. подпнсалн Обращение к советской интеллнгенцнн. «Мы предлагаем создать Всесоюзное общество по распространенню полнтнческих и научных знаний...». Общество, девнзом которого стал «Союз труда н культуры», было создано.

Многообразны формы и методы работы общества «Знанне»: лекцнн, общественно-полнтнческие чтения, кнноцнклы, экскурснн, вечера вопросов н ответов, устные журналы, беседы за «круглым столом», днспуты, школы передового опыта. Дома знаний, лекторнн, дома научного атеизма, дома научно-технической пропаганды, планетарнн, научно-техническне центры н кабинеты, музен, выставкн — далеко не полный перечень актнвных «очагов знаннй».

Сегодня в стране насчнтывается около 48 тысяч народных уннверситетов, чнсло нх слушателей превышает 18 мнллнонов человек.

Более 200 мнллнонов экземпляров брошюр, кинг, журналов, наглядных пособнй выпускает ежегодно нздательство «Зианне».

X внеочередной съезд

Всесоюзного общества «Знание» прошел в Москве 22—23 января 1991 года. Его открыл новый председатель Правления Общества Константин Васильевич ФРОЛОВ. В своем докладе он затронул актуальные проблемы, стоящие сегодня как перед учеными страны, так и перед нашим обществом в целом.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты его выступления.

● ...Всесоюзное общество «Знание» было и остается уникальной просветительской организацией. Уникальность общества «Знание» заключается в том, что оно как независимая общественная организация является объединяющей силой интеллектуального потенциала Академии наук СССР и высшей школы, а также различных отраслей народного хозяйства...

Наши выдающиеся ученые, стоявшие у истоков общества «Знание»,— президент Академии наук СССР академик Вавилов, вице-президенты — академики Семенов, Кириллин, выдающиеся ученые академики Опарин, Артоболевский, Басов, несмотря на свою занятость, в высшей степени серьезно относились к просветительской работе, следуя завету М. В. Ломоносова — «науки производить и оные распространять».

● ...Из лекторов общества «Знание» могли бы быть сформированы институты независимых экспертов, для которых объективность и истина дороже всего и которые могли бы во взаимодействии с другими организациями, в том числе и с зарубежными, оценивать приоритетность, существо и продуманность многих проектов...

● ...Но у нас часто получается так, что небольшая статья имеет пять—семь рецензий, отзывов и заключений, а крупнейшие проекты типа дамбы в Ленинграде,

практически проходят мимо нашего общественного и сознания, и внимания, и оценки. Нам надо очень серьезно задуматься над этим.

● ...Сегодня нам крайне необходимо более широко практиковать молодежные научно-технические обмены с зарубежными странами. Мы об этом много говорим, но практически все это реализуется пока недостаточно. Думаю, что общество «Знание» может играть активную роль в недавно созданной при поддержке Академии наук СССР новой неправительственной организации «Форум ученых и специалистов за советско-американский диалог». В этом направлении уже проводится определенная практическая работа. Но в то же время создается большое количество общественных научно-технических организаций. Многие из них условно называются академиями. А у меня в тексте это слово стоит в кавычках...

● ...Уже формально создана инженерная академия, то есть технологическая, и одновременно создается технологическая академия. Как это понять? Отдельно создается химико-техническая, отдельно — академия научно-технического творчества, академия изобретателей и другие...

● ...Конечно, все это вызывает беспокойство общественности и не только у нас в стране, но и за рубежом. Наспех созданные академии вызывают обоснованные опасения, и последствия могут быть самыми непредвиденными. Не исключено, что эти академии создаются не ради активизации научных исследований, развития нашей творческой мысли, повышения авторитета науки в обществе и внедрения ее достижений в практику, а лишь для удовлетворения некоторых частных амбиций...

● ...Мы рассматривали эти вопросы на Президиуме Академии наук и на общем собрании. По традиции, которая сложилась еще со времен Петра I,— понятие академии в нашей стране связано с самым высоким уровнем научных и технических разработок, высочайшей ответственностью за научные результаты, проекты и экспертизы. Мы не должны допустить девальвации этих понятий! Этого делать нельзя...

● ...Нам нужно через общество «Знание» шире пропагандировать необходимость повышения духовности нашего общества, возрождения в нем принципов милосердия и доброты, спасения человека и окружающей среды от влияния вредных техногенных факторов...

● ...Деятельность общества «Знание» в современных условиях должна строиться на основе развития всех сторон жизни, включая политику, экономику, науку, религию, воспитание, образование. Нам надо возродить традиции отечественного культурного наследия. Культуру требуется взращивать и лелеять, через умение говорить правду себе и другим. И пусть эта правда поможет нам понять, что плевок на алтарь и плевок на пол — это звенья одной цепи нашей безнравственности. Мы, например, так и не научились писать и публиковать критические рецензии...

● ...Общество «Знание» прежде всего — независимая общественная организация. Мы не зависим ни от системы высшего образования, ни от системы управления Академиями наук, ни промышленности. Почему же мы не высказываем открыто то, что на самом деле происходит в нашей среде?..

● ...Пора нам научиться прислушиваться к меньшинству, отрешиться от снобистского отношения к предложениям наших изобретателей и людей, не обремененных учеными званиями и степенями. Они часто дарят человечеству золотые зерна. Наука может развиваться лишь в процессе конструктивных дискуссий. Нам надо утвердить дух соперничества...

● ...Я хотел бы привести только один пример: к одному из ученых в свое время пришел человек и сказал: «Я хочу выступить о том, что только что открытый пенициллин обязательно принесет вред», в смысле тех последствий, которые мы сейчас видим. Ему ответили: «Нет, нет, у нас общество «Знание», здесь такие лекции не читают». Но прошли годы, и мы убедились, что этот человек был прав...

● ...Сегодня в стране идет непростой процесс обновления, освобождения от догм и стереотипов, мифов и фальши прошлых лет, поиск нового творческого осмысления проблем развития нашего общества и современного мира, освоение всего богатства идей, выработанного отечественной и мировой мыслью...

● ...Главная задача просветительства в данном направлении — поиск новых дискуссионных альтернативных форм подачи глубоко научных по содержанию знаний. Прежде всего население волнует будущее советского общества, его место в современной цивилизации. Понятно, что гуманному взаимодействию общества, государства и человека в рамках обновления цивилизации видятся основные ориентиры просветительской работы обществоведов...

● ...Вся деятельность общества «Знание» должна носить строго научный характер, основывающийся на анализе объективной деятельности и фактах. Нам надо всерьез подумать и о том, чтобы наши обществоведы больше опирались на возможности точных наук, на анализ ситуации с использованием модельных представлений, современной компьютерной техники. Общество «Знание» может сыграть здесь очень большую роль...

● ...Особое значение имеют исследования различных аспектов и последствий перехода к рынку. Необходим объективный и научный анализ, достоверная оценка исторических процессов, проблем межнациональных отношений. Предстоит существенно расширить исследования в области политологии, социологии, социальной психологии и в области отечественной и мировой культуры...

● ...Процесс преодоления вульгарно-агрессивного отношения к религии, к ее роли в духовной жизни и культурным традициям часто сопровождается другой крайностью — нетерпимостью к материалистическому мировоззрению, что является прямым нарушением нового закона СССР о свободе совести...

● ...Важным направлением в деятельности общества «Знание» всегда был анализ международного положения, разъяснение советского внешнеполитического курса. Мир, в котором мы живем, в конце XX столетия вступил в полосу глубоких перемен. Сейчас очень быстро меняется весь уклад нашей жизни. Приближающийся к своему завершению век не имеет себе равных во всемирной истории по масштабам и основательности преобразований, совершенных людьми...

● ...Двадцатый век показал ограниченность рамок человеческого дома и необходимость решения всех возникающих проблем только мирными средствами. Этому надо уделить особое внимание и довести до понимания широких слоев общества происходящие в мире процессы...

● ...Отныне общество «Знание» выступает как независимая, самоуправляющаяся, просветительская общественная организация, строящая свою работу целиком и исключительно на основе Конституции СССР, законодательных актов и Устава Общества. Я хотел бы, чтобы слова «независимая организация» понимались нами в более широком смысле...

● ...Однако я хочу подчеркнуть, что независимость не должна означать гарантированного права на бесконтрольность и бездеятельность. И главная наша задача — распространение подлинных знаний. Она должна быть подчинена интересам нашего общества и направлена на удовлетворение острейших потребностей в получении достоверной, оперативной и точной информации по всем направлениям нашей богатой событиями жизни...

● ...С другими политическими партиями и общественными организациями, движениями общество «Знание» будет сотрудничать на основе партнерства и взаимной заинтересованности...

● ...В дни работы IV съезда народных депутатов создана и официально зарегистрирована наша парламентская группа «Знание», насчитывающая пока 77 депутатов высшего органа государственной власти. Я думаю, что создание столь представительной депутатской группы поможет решению наших кардинальных проблем в области образования, науки, культуры, внутренних проблем общества...

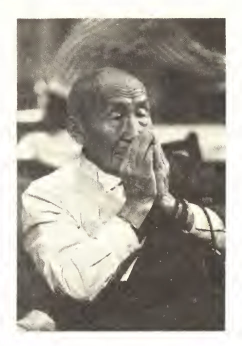
НОВЫЙ ГЛАВА СОВЕТСКИХ БУДДИСТОВ

В Улан-Удэ на съезде буддистов СССР, где было представлено 19 буддийских общин из различных городов страны, включая Москву и Ленинград, были избраны новый глава Центрального духовного управления буддистов СССР — Хамбо-лама и его заместитель — Дид Хамбо-лама.

Новым главой буддистов СССР стал (вместо почившего Жимба-Жамсо Эрдынеева) 83-летний лама Иволгинского дацана Мунко Цыбиков, а его заместителем — Шираб-Жамсо Самаев, только что вернувшийся после учебы в школе Далай-ламы в Индии.

Мунко Цыбиков еще семилетним мальчиком стал хувараком (послушником) Эгитуйского дацана в Еравне (север Бурятии). В 1930 году он был удостоен монашеского чина Гэбши. Но в 1936 году дацан ликвидировали, а молодой лама в числе других был отправлен на принудительные работы на лесозаготовках. Потом последовал арест и долгие годы магаданских лагерей. Только в 1957 году Мунко Цыбиков, отбывавший срок за свои религиозные убеждения, вернулся в родные края и стал служить в единственном на всю Бурятию Иволгинском дацане.

«Я вступаю в должность Хамбо-ламы в очень сложное время,— заявил при вступлении в новый сан Мунко Цыбиков. — Но в условиях



демократизации общественной жизни в стране роль религии, в том числе буддийской, возрастает, и мы, следуя заветам нашего Учителя, должны укреплять веру в душах страждущих. Мы живем в большой, многонациональной стране и, несмотря на все существующие сложности, должны находить возможность жить в мире и согласии между собой. Я верю, что буддизм, религиозные, этические и философские идеи которого сегодня все более привлекают людей, может быть одной из основ, на которых будет строиться дружба народов в нашей стране».

В условиях перестройки наряду с другими религиями в СССР возрождается и буддизм. Регистрируются новые общины. Только на территории Бурятии сейчас ведется строительство 16 новых дацанов — молельных домов и монастырей. В Ленинграде городскими властями принято решение о передаче буддийской общине старого дацана, построенного в северной столице Российской империи известным тибетским врачом Бадмаевым в начале нашего века. Правительством Бурятии принято решение возвратить дацанам их реликвии из музейных фондов.

И еще одна новость. Недавно в Бурятии побывал святейший лама Духгва Ринпоче из Непала. Его визит был связан с намерением одной из общин восстановить в Кижингинском районе уникальную копию ступы Чжарункхасцор — буддийской святыни, находящейся в Непале. Кижингинская ступа была построена верующими в начале века и разрушена в 1918—20 годах во время гражданской войны в Сибири. Новая ступа, место для которой освятил Ринпоче, будет высотой 33 метра, а периметр ее в основании составит 176 метров.

Я. Николаев

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Среди дипломных работ выпускников Ленинградского института имени И. Е. Репина в прошлом году всеобщее внимание привлекла скульптурная композиция Светланы Серебряковой «Крещение Руси». Впервые за тридцатилетнюю историю института высшую оценку получило произведение на религиозную тему (руководил дипломной работой профессор института С. А. Кубасов).

Молодая художница избрала язык аллегории. Византия, воплощенная в царственной фигуре прекрасной женщины, бережно передает Храм Божий юной деве, олицетворяющей начало новой культурной традиции, обогащающейся тысячелетним опытом христианской истории. Их развевающиеся одеяния напоминают крыла архангелов, как бы позволяя ощутить незримое присутствие Святого Духа.

Храм в центре композиции, по мысли автора, воплощает

духовное совершенство, божественную Премудрость — Софию, именем которой были названы первые киевские и новгородские храмы. Это и дом молитвы и дом духовного прикосновения к тому высшему и недоступному, что во все времена и влекло, и страшило человека.

Работу высоко оценили представители Русской православной церкви. В обсуждении замысла принимали участие ректор Ленинградской Духовной академии о. Владимир (Сорокин) и известный иконописец — монах Псково-Печерского монастыря о. Зенон. Есть надежда, что возрождается добрая традиция Академии художеств, мастера которой создали выдающиеся произведения на библейские и евангельские сюжеты.

В. АХУНОВ,
старший научный сотрудник Государственного Русского музея
Ленинград

Декларация митрополита Сергия (1927 г.): споры и оценки

Сложный, зачастую мучительный процесс переосмысления своего настоящего и прошлого, своей истории переживает ныне наша страна. Предметом такого переосмысления стала и история государственно-церковных отношений последних семидесяти лет, история, полная драматических столкновений, трагических ошибок и прямых преступлений. Пожалуй, наиболее острые споры ведутся здесь вокруг Декларации митрополита Сергия (1927 г.). Начались они более 60 лет назад, можно сказать, тотчас после ее опубликования. Хотя Декларация продолжала линию патриарха Тихона, призвавшего верующих в 1923 году поддержать Советскую власть как власть действительно народную — линию, которую в целом одобрили епископат, духовенство и церковный народ,— позиция митрополита встретила противодействие со стороны части верующих, а многие епископы вообще отказались признать его административную власть и положили начало так называемой катакомбной (т. е. тайной) Церкви.

Бурно реагировала на действия митрополита Сергия и русская эмиграция. Но при этом среди основных церковных течений выявились существенные различия. С предельной категоричностью отвергла курс митрополита Сергия «карловацкая» группа, ставшая основой нынешней синодальной зарубежной Церкви. Значительно более сдержанной и компромиссной была реакция «парижской» церковной группы, возглавляемой митрополитом Евлогием (ныне находится в юрисдикции Вселенского Константинопольского патриарха), а также «американской» группы, выросшей впоследствии в православную Американскую Церковь.

Такова в самых общих чертах история внутрицерковного спора, возникшего в связи с Декларацией митрополита Сергия и его политикой, ставшей на многие годы официальной политикой Московской Патриархии.

Полагаем, что публикуемые материалы помогут читателям составить собственное представление о позициях спорящих сторон. Особый интерес, на наш взгляд, представляет впервые публикуемая в отечественной прессе статья Н. Бердяева, написанная в 1927 году для газеты П. Милюкова, издававшейся тогда в Париже. Текст ее предоставил редакции наш постоянный автор М. И. Одинцов.

ИЗ ПОСЛАНИЯ («ДЕКЛАРАЦИИ») ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ, МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ ОТ 16/29 ИЮЛЯ 1927 г.

«...Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи...

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Советской власти многим представляется каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели... Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное сообщество, как наша Православная Церковь со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти.

...Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (22 апреля / 5 мая 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже раскол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии...»

«...Декларация митрополита Сергия (впоследствии — патриарха), о тождестве интересов Церкви и безбожного государства, лежит до сих пор в основе их отношений. Она лишает Московскую Патриархию свободы, оправдывая полный произвол правителей в делах Церкви.

Мы знаем о том, что декларация эта не была принята в свое время на родине большинством иерархов-исповедников, верным им клиром и паствою, в силу чего они окончили жизнь свою мученически, в страшных лагерях смерти...

При создавшемся тогда положении соловецкие узники видели единственный выход из положения — полный и последовательно проведенный в жизнь закон об отделении Церкви от государства.

Этого же хотят теперь, через шестьдесят с лишним лет, лучшие люди России...»

Из «Послания Архиерейского Синода Православной Церкви Заграницей к пастырям и пастве Русской Православной Церкви» (1987 г.)

«Если новоизбранный патриарх действительно желает объединения с нами, то пусть он отречется от принципов, внесенных в 1927 году митрополитом Сергием...»

Из «Послания Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей верным чадам Православной Церкви в Отечестве и в рассеянии сущим» (1990 г.)

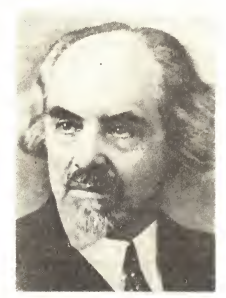
«Декларация 1927 г. ... сиюминутного реального плода не принесла. Но курс, намеченный еще патриархом Тихоном и развитый митрополитом Сергием, все же помог сохранить церковь и дожить до сегодняшнего дня. Этот курс был — брать на свою совесть грех, дабы избежать греха большего. Так солдат на войне убивает (и это грех!), но отдать на погубление врагу своих ближних, с точки зрения церкви, были бы грехом несравненно большим. Личное совершенство иногда приходится принести в жертву ради блага других. Патриарх, или митрополит, подставляющий под заведомый разгром свою паству, согрешил бы перед Богом, людьми, Россией больше, чем если бы компромиссом он заслонил церковь. А заслонить приходилось разными путями, в том числе и провозглашением лояльности.

Это — больно. Но не может многомиллионная церковь в тоталитарном государстве уйти в катакомбы. Мы грешили. Но виновны мы не перед народом. Ради него, ради возможности не уходить окончательно из реальной жизни сотен миллионов людей иерархи церкви брали грех на душу — грех молчания, грех неправды. И за него перед Богом мы каялись всегда».

Из интервью патриарха Московского и Всея Руси Алексия II (1990 г.)

Николай БЕРДЯЕВ

ВОПЛЬ РУССКОЙ ЦЕРКВИ



Послание митрополита Сергия, ныне фактически возглавляющего Русскую Православную Церковь, и волнение, которое оно вызвало в русских православных кругах за рубежом, является фактом несоизмеримо более значительным, чем церковная распря, вызванная Карловацким епископатом. Смысл нового события в церковной жизни эмиграции совершенно ясен. Хочет ли зарубежная Православная Церковь до конца разделить мученическую и страдальческую судьбу Православной Церкви в России? Сейчас наступил решительный момент в церковном сознании православной части эмиграции, от которого зависит духовное ее будущее. Многими в эмиграции послание митрополита Сергия и предъявленное им требование митрополиту Евлогию было воспринято как окрик, как приказание, как насилие над совестью. И вот, прежде всего хочется сказать, что внутренний смысл этого послания совсем иной. Понять это до конца могут лишь люди, которые прожили годы в советской России и потому способны воспринимать события, там происходящие, изнутри, а не извне.

В действительности послание митрополита Сергия есть вопль сердца Православной Церкви в России, обращенный к Православной Церкви за рубежом: сделайте, наконец, что-нибудь для нас, для Церкви-Матери, подумайте о нас, облегчите нашу муку, принесите для Русской Церкви хоть какую-нибудь жертву, до сих пор безответственные слова ваших иерархов (Карловацкий Собор и Синод) вели нас в тюрьму, под расстрел, на мученичество, подвергали Православную Церковь в России опасности быть совершенно раздавленной и уничтоженной, да не будет этого больше. Карловацкий Собор был виновником ареста Патриарха и гонений против Церкви. Я был в это время в Москве и знаю, как это воспринималось Православными кругами России.

Нужно, наконец, до конца понять великую разницу в положении Православной Церкви в России и в эмиграции. Православная Церковь в России есть Церковь мученическая, проходящая свой крестный путь до конца. Православная Церковь в эмиграции не мученическая церковь, ее епископы не знают, что такое мученичество, они в прошлом привыкли к господствующему и привилегированному положению в государстве, а за границей живут в атмосфере свободы. Это есть заметное для всех различие в положении. Но есть другое различие, которое не все понимают. Православная Церковь в России жертвенна в совсем ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя охранения ее в эти страшные годы испытаний. Митрополит Вениамин был мучеником и мученичество его было явлением красоты и чистоты его человеческого образа. Но патриарх Тихон был мучеником в ином смысле, и мученичество его было более страшным и тяжелым.

Во имя Церкви, забыв о себе, патриарх Тихон согласился пожертвовать красотой и чистотой своего образа, согласился говорить языком, который у многих мог вызвать нравственное и эстетическое отталкивание. Мы здесь, за границей, на свободе, можем говорить, что хотим, языком чистым и красивым, можем представляться себе людьми, не способными ни на какие компромиссы. Но красота и чистота нашего языка, непримиримость наших выступлений не имеют большого нравственного веса. Совсем иной вес все имеет там, в России. Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митро-

---

Печатается по: «Последние новости», Париж, 13.09.27.

полит Сергий — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергий. Некогда эту жертву принес Св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву. Свобода слова есть великое благо. Главное оправдание эмиграции в том, что в ней, может быть, очаг свободной мысли. Но все эти категории неприменимы к жизни Церкви. Эмигрантской Церкви быть не может. Эмиграция есть понятие политическое или бытовое, но не церковное. Существует Русская Церковь за границей, как органическое ответвление Матери-Церкви в России, она не имеет самостоятельного источника бытия. Церковными кругами эмиграции должно быть, наконец, осознано, что двойное мученичество Русской Церкви есть ее религиозное и нравственное преимущество перед Церковью заграничной, а привилегированное положение Церкви заграничной в отношении свободы и чистоты слова значит только то, что она находится в лучшем внешнем положении, но не то, что она лучше и чище. Да и драгоценным даром свободы слова эмигрантские правые круги очень плохо воспользовались, они создали и на свободе застенок, удушающий всякую свободу мысли.

Таким представляется мне нравственный смысл послания митрополита Сергия. Но какие же практические выводы отсюда вытекают? Православная Церковь не только переживает очищающее ее мученичество, она переживает один из величайших моментов своей исторической судьбы. В кровавых муках освобождается она от власти царства кесаря. Мы живем в эпоху углубления церковного сознания, очищения Церкви от искажавших ее исторических наслоений. Разрыв обязательной связи Православной Церкви с самодержавной монархией, которая длинному ряду поколений представлялась абсолютной и почти догматической по своему значению, есть великое благо. Церковь возвышается над царством кесаря, в какой бы форме оно ни являлось, и она может существовать при какой угодно природно-исторической среде. И вместе с тем она действует в истории и тысячами нитей переплетается с царством кесаря. Отсюда бесконечная сложность исторической судьбы Церкви, ее видимая замаранность. История Церкви полна соглашениями и конкордатами, которые не менее тягостны, чем лояльность в отношении советской власти. Церковь всегда будет стремиться христианизировать всякую природно-историческую среду, всякое общество, всякое государство, всякую культуру, но она не может признать вполне и окончательно своей, христианской, никакую природно-историческую среду, никакое государство.

Та природно-историческая среда, то царство кесаря, с которым Церковь встретилась в римской империи или в средневековом феодальном обществе или в капиталистическом обществе нового времени, сами по себе не более христианские, чем рабоче-крестьянское государство, чем коммунистическое общество, если бы оно когда-либо осуществилось. Капиталистическое государство с церковно-христианской точки зрения не имеет никакого преимущества перед социалистическим государством. Церковь стремится только изнутри духовно христианизировать всякую встретившуюся ей природно-историческую среду и всегда удается это ей лишь отчасти вследствие сопротивления человеческого греха. Церковь не может иметь никакого политического идеала и не может быть связана ни с какой политической партией. Положительный идеал Христовой Церкви есть Царство Божие, т. е. личное, социальное и космическое преображение, обожение, новое небо и новая земля. Все земные политические формы для церкви преходящи. Церковь лояльна в отношении государственной власти, хотя бы то была власть языческого кесаря Нерона или власть антихристианского Совета народных комиссаров, в том лишь смысле, что она не ведет политической борьбы, не может быть одной из сторон в столкновениях, происходящих в царстве кесаря. Оценки Церкви остаются исключительно религиозными и нравственными.

Иным является положение членов Церкви и православных людей. Они, конечно, могут принадлежать к разным политическим партиям и вести политическую борьбу, могут быть монархистами, республиканцами-демократами и даже коммунистами, при обязательном условии согласования своей политики с требованиями христианской совести. Лояльность по отношению к Советской власти со стороны Православной Церкви означает лишь то, что Церковь не участвует в политической борьбе против нее и не может благословлять никакой формы борьбы, кроме духовной, что Церковь принимает факт образования новой природно-исторической среды и может стремиться лишь к христианизации этой среды изнутри, духовно борясь против безбожия и растления во имя Христовой Правды. Коммунистическая власть родилась в состоянии смертного греха, она совершила много преступлений, убивала, истязала людей, развращала души детей, отравляла опиумом безбожия народную душу. Церковь не может не осуждать духовно зла и греха, не может не бороться духовно против дехристианизации русского народа. Но это не означает политической борьбы Церкви против советского строя, против рабоче-крестьянского государства, не означает склонности Церкви к контрреволюции и реставрации. Террор для Церкви всегда греховен, будет ли он левым или правым, и она может его осуждать, не вмешиваясь в политику. Церковь может примириться и с коммунизмом, как природно-историческим фактом, стремясь его христианизировать. Но Церковь остается непримиримой в отношении антихристовой коммунистической идеологии. И это всего менее означает, что Церковь хочет реставрации, восстановления монархии или капитализма. Пусть будет и коммунистическое общество, но не безбожное и не бесчеловечное, не угашающее дух, не отравляющее злобой и ненавистью, не подвергающее гонению Церковь Христову.

Вот церковное сознание, которое вырабатывается в России в эпоху революции. В известном смысле именно Церковь может более принять факт совершившейся революции, чем разные общественные группы и политические партии, именно потому, что Церковь стоит над политикой, над борьбой интересов, что она не от мира сего, что цели ее лежат в вечности. Революция всегда совершается в кровавых насилиях, в одержимости злобой и ненавистью, она есть состояние смертного греха. В этих кровавых насилиях, в этой злобе и ненависти, в этом смертном грехе пробиваются к исторической активности новые социальные слои. Церковь призывает к покаянию и к очищению, и духовному преображению, но она не восстает против новых социальных слоев, против роли этих слоев в новом государстве, она хочет их лишь христианизировать изнутри. И спасение России придет от христианизации новых социальных слоев, от духовного перерождения рабоче-крестьянского общества.

Эмигрантские церковные круги до сих пор мешали этому духовному выздоровлению русского народа, здоровому его развитию, пугая его призраками связи Церкви с реставрацией, мешали жизни и делу Русской Церкви. Об этом напомнил митрополит Сергий. Некоторые места послания митрополита Сергия шокируют, подписка, которую он предлагает дать, лишена отчетливости и юридического смысла. Но нужно внутренне понять, что все это значит. Митрополит Сергий даже лишен возможности назвать Россию по имени и принужден называть ее Советским Союзом. Но мы должны увидеть за этим Россию и признать ее радости и печали своими. Практически пойти навстречу призыву митрополита Сергия — значит отныне совершенно прекратить в зарубежной Церкви великокняжеские и царские молебны, носящие характер политических демонстраций (само собой разумеется, что панихиду по каждом отдельном человеке Церковь должна служить, будь он царь или крестьянин), что не должны быть допускаемы проповеди в церквах или речи на епархиальных съездах, которые носят политический характер. Это есть ликвидация в зарубежной Церкви периода, связанного с гражданской войной. На этот путь уже вступил митрополит Евлогий, и этот путь должен быть завершен. И этим Церковь лишь освободится от тех соглашений и компромиссов, к которым она была вынуждена в прошлом. И это будет нашим духовным возвращением на Родину.

Под какой звездой родился Иисус?

С. МЯГКОВ

Один из главных обрядов христиан — обряд празднования рождества Христова. Праздник отмечается каждый год 25 декабря, т. е. в тот день, когда миновала самая короткая ночь в году и стал увеличиваться световой день. Это событие неизменно символизирует победу света над тьмой, связываемую с рождением «Сына Божия», принесшего впоследствии свет на землю и спасение всему человечеству.

Евангелист Матфей рождение Иисуса Христа описывает так: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему... Тогда Ирод тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды... И, се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою» (Мф. 2:1—10).

О рождении Иисуса волхвам возвестило небо появлением некоей звезды, взошедшей на востоке, причем сами волхвы пришли с востока и в то же самое время шли за звездою на восток. Как могли идти волхвы с востока на восток? И что означает: звезда шла перед ними до места, где был младенец, и вдруг они обрадовались, увидевши звезду?

Возможно вкралась ошибка либо переводчиков, либо переписчиков. Но зто с точки зрения современного читателя, у которого при упоминании звезды возникают ассоциации с ночным небом. А ведь в древности не разделяли ночные и дневные небеса. Вспомним хотя бы зодиакальные созвездия. Это те созвездия, через которые проходит Солнце в результате годового вращения Земли, т. е. на ночном небе будет созвездие, противоположное дневному, из зодиакального круга. Например: если говорится, что солнце находится в созвездии Козерога, то на ночном небе в северном полушарии будет созвездие Рака и наоборот.

Известное выражение астрологов «под каким созвездием родился» подразумевает следующее: если человек родился в июле, тогда говорят, что он родился под созвездием Рака, в то же время ночью в июле на небосклоне зтого созвездия не найти, а увидим мы его лишь зимой.

Следовательно, волхвы могли идти по звезде, закрываемой блеском Солнца, т. е. на запад. В момент, когда звезда находилась в зените, они подошли к месту, где родился Иисус, и «принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:11).

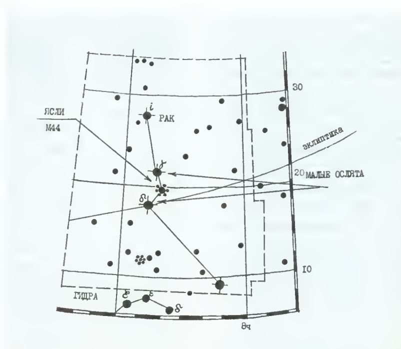
В Евангелии от Луки говорится не о волхвах, а о пастухах.

Волхвы, по Матфею, пришли с востока и не являлись пастухами. А по версии Луки, пастухи были «в той стране», где предстояло родиться Иисусу, и о рождении Христа они узнали не благодаря своей мудрости и проницательности, а вследствие «явления Ангела Господня» возвестившего великую радость. И еще, у Матфея ничего не говорится о яслях, в которые якобы положила Мария первенца своего, но часто упоминается некая звезда. Напротив, у Луки, ничего не говорится о звезде, но многократно утверждается, что после рождения Иисус был положен в ясли. И даже находится очень простое и правдоподобное объяснение: «потому что не было им места в гостинице».

И зтот простой и легкообъяснимый факт служит таинственным знаком Господа для пастухов. «И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях » (Лк. 2:12).

Почему же евангелист Лука так настаивает на версии явления младенца Иисуса в яслях? Попытаемся объяснить зто с точки зрения древних астрологов.

По мнению древних астрологов, существует в созвездии Рака некоторое темное пространство или точка, из которой прилетают с неба на Землю невидимые души, которые вселяются в новорожденных. У древних астрологов эта точка — звездное скопление, подобное Плеядам, которое имеет название — Ясли. Описание зтих звезд можно найти у Плиния Старшего: «В знаке (созвездии) Рака есть две малень-



Созвездие Рака в звездном атласе.

кие звездочки, называемые Ослятами, а среди них маленькое облачко, которое называют Яслями.»

По всей видимости евангелист Лука, обобщая устные предания, выражение «родился в Яслях» понял буквально и даже попытался объяснить этот факт с общечеловеческой точки зрения. А между тем это выражение означает: «родившийся под мудрой звездой», подобно: «родился под счастливой звездой». И относится к человеку, наделенному необычайными способностями.

И не случайно в Иерусалим Иисус въезжает на молодом осле. Это опять указывает на связь со звездами, ведь Ясли окружены двумя Ослятами, «кормящимися» из них. И в Евангелиях поэтому есть ссылка на более древние писания: «Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле».

Вернемся к созвездию Рака, которому принадлежит звездное скопление Ясли. Египтяне считали рака священным существом и именно в созвездии Рака около 2000 лет назад находилась точка летнего солнцестояния (самый длинный световой день), и Солнце после прохождения этой точки начинало, подобно раку, «пятиться» назад.

В результате прецессии, явления, связанного с движением Солнца вокруг центра Галактики, точка летнего солнцестояния за 2000 лет сместилась в созвездие Близнецов. Следовательно, в I веке н. э. зимнее солнцестояние сопровождалось появлением на ночном небе созвездия Рака со звездным скоплением Ясли. А отсюда можно сделать вывод, что в момент появления на свет Иисуса, на небосклоне появилось звездное скопление Ясли, видимое невооруженным глазом и похожее на облачко.

П. Брейгель. Поклонение волхвов.

У Матфея речь идет о звезде Иисуса, но не говорится о ее названии, напротив, время ее появления сохраняется в тайне. «...Ирод тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды». У Луки ничего не говорится о звездах, но весьма часто упоминаются «ясли», причем специально находятся доступные и не вызывающие сомнений объяснения.

Можно предположить, что рождение Иисуса Христа в доевангельскую пору связывалось со звездным скоплением Ясли, а не с хлевом.

Выражение «родился под счастливой звездой» в настоящее время предполагает ту звезду, которую проходит Солнце в момент рождения. Если за звездой наблюдали ночью, то рождение младенца приходилось на зиму, если днем — на лето.

Согласно Матфею, волхвы шли за звездой ночью, так как после принесения даров новорожденному отошли ко сну и получили во сне откровение не возвращаться к Ироду. Согласно Луке, Ангел Господень является «пастухам, которые содержали ночную стражу».

Итак, рождение Иисуса Христа в I веке н. э. пришлось на период зимнего солнцестояния, когда на ночном небе восходило звездное скопление Ясли, окруженное Малыми Ослятами.

В XX веке можно наблюдать на ночном небе созвездие Рака с принадлежащими ему Яслями и Малыми Ослятами в зимний период с декабря по март. Скопление Ясли невооруженным взглядом видно как отдельная, несколько размазанная звездочка. Конечно, если ночь безоблачна и безлунна.

Удивительиое явлеиие, имеиуемое полтергейст, прочио вошло в думы и заботы иаши. Дня ие проходит, чтобы в прессе ие мелькиуло сообщеиие о иовых «барабашках», о самодвижущейся мебели, о мелких, ио вредиых чудесах... Мы уже обращались к этой теме, ио ясиости ие прибавилось. Однако читательский иитерес по-прежиему велик, а группа по изучеиию параиормальиых явлеиий при журиале просто завалеиа письмами о событиях загадочных и малоприятных. И поэтому мы вновь возвращаемся к теме. Но объясияют ли гипотезы эти страиные события — судите сами...

РЕПОРТАЖ О ПРИЗРАКАХ, или или Полтергейст в российской глубинке

Анатолий КАРТАШКИН,
член группы по изучению паранормальных явлений при журнале «Наука и религия»

События

О полтергейсте в селе Мадаево сообщил Эдуард Ермилов — каиндат техинческих наук, доцеит Ннжегородского полнтехинческого ннстнтута, председатель Ннжегородской секции по нзучеиию параиормальиых явлеиий.

— Все иачалось после звонка нз Москвы,— сказал ои. — Якобы хотел прнехать брат — так оии поиялн. Точиее, так было сказаио по телефону. Муж отправился встречать, ио прождал зря — брат ие появнлся. Встревожеииый, ои заказал разговор с Москвой, и тогда выясинлось, что брат вовсе и ие думал прнезжать. Мало того — ои даже ие звоиил.

М-да... «Факты — воздух учеиого» — так, кажется, говорится? Я поиитересовался:

— Кто подиимал трубку в Мадаево?

— Это мие ие нзвестио,— ответнл Эдуард Аидреевич. — Туда езднлн двое иашнх ребят из секции, ио я еще не совсем в курсе.

— В голосе из Москвы прослушивалнсь металлическне иоткн? — задал я еще однн вопрос.

— Не выяснил,— произиес Ермнлов. — Если хотнте, можете съезднть туда самн.

— Хочу,— сказал я.

Мадаево — это прнмерио 112 километров от Арзамаса на юго-восток — до райцеитра Ужовка, а после, ие доезжая до Ужовкн пару кнлометров — поворот иаправо, в сторону Байкова. Но до Байкова — 6 километров, а до Мадаева — 20. Российская глубиика...

Я трясся в обшарпанном запыленном автобусе, а за окиом тянулась открытая всем ветрам русская земля. Сгустки лесов проплывали за окном, н деревья, казалось, пелн песнь, услышаниую поэтом:

Был светлый день. Пустые облака,
Как пузыри морщинистые, вылетали.
Шел ветер, огибая лес.
И мы стояли, тонкие деревья,
В бесцветной пустоте небес.*

Тот день, 13 октября 1990 года, оказался неустойчнвым — утром проглянуло улыбающееся солнышко, к полудню небо затяиулось тучамн и засвнстел ветер, а двумя часами позже пространство заполиилось крутящнмнся белымн хлопьями — снегом. А в нзбе Ивааа Цыгаиова было тепло — топнлась печка.

— Кто подходнл? — спрашивает Иваи. — Да Валя подходнла...

Вале 13 лет, она стонт иеподалеку, снмпатнчиая и улыбчивая.

— ...Дядя Вася, говорит, звоинл — иужио встретнть. Когда звоиил? Да в четверг, часов около шестн вечера...

В четверг — это зиачит 30 августа 1990 года.

— ...Сколько разговор продолжался? Да секуид десять, быстро. Что сказал? Валя! Как ои сказал? Ну вот, да — «Пусть Иван меия встретнт». И время иазвал, когда встречать — завтра с 11 до 13 дня, ждать с Арзамаса. Голос? Валя! Какой голос? Ну да, мягкий, как у дяди, ие металлическнй. Кто повеснл трубку? Он, кажется... Валя! Да ои. Ну что — я поехал. Вериулся, а тут уж иачалось...

Сиег за окиом прекратился. Сидеть в тепле было прнятио. Но я подумал, что Иван Мнхайловнч, ие однн раз повторявшнй «не дай бог еще такое пережнть» н ие разрешнвшнй мие фотографнровать следы полтергейста, мог иепронзвольно переставнть событня, ненароком нсказнть нх — пснхологнческн объяснимая вещь, н потому попроснл его проводнть меия к кому-ннбудь из односельчан. Взгляд со стороиы всегда полезеи. Мы оделнсь н вышлн иа осеиикою слякоть.

* * *

Начали летать предметы. Удивительиым образом.

Иваи Цыгаиов вериулся к мотоцнклу, поставленному во дворе. Исчезновеиие предметов из-под его рук началось тотчас же. А потом появление тех же предметов — метрах в 15-тн. Зубнла, гаечные ключн, точнльные бруски... Нниколая Сазаиова, соседа Цыгановых, ключ стукнул по спние н упал около ног. Интересио, что ключ только дотронулся до туловнща н тотчас упал иа землю. Соседке, прнщедшей к Цыгановым, попало бруском. И опять — предмет не бил, ио лншь касался тела н падал на траву.

— А траекторнн не было видно,— уточинл Иваи Мнхайлович.

— Как летелн — ие вндио; появлялнсь, лишь коснувшись человека, — это говорит Геннадий Сбитиев. — Зато паденне прослежнвалось хорошо.

Хм... «Воздух учеиого». Не иадышаться, а задохиуться можно от такнх фактов. Чудеса! Но это еще не все.

— И в самую последнюю очередь прииялнсь летать курнные яйца,— дополиил картнну Сбнтиев.

— Слышу — кок! — сказал Иван Михайловнч. — Бросаюсь в сенн, а там на полу около стены — яйцо разбнтое. Начииаю нскать — откуда взялось. И выясняется — нз холоднльинка.

Цыганов показал мне н холоднльннк, н стеиу. Купленные в магазнне курнные яйца летелн в сторону жнлой комнаты почти иа 180 сантнметров.

— Я не вндел, как онн летелн! — продолжал Иваи Мнхайловнч. — Делал внд, будто смотрю в телевизор, а сам поглядываю в зеркало, вот в это — в нем холоднльннк заметеи. Ждешь когда мннут 20, а когда — час. Интервалы разные. Снжу, караулю, н вдруг — пок! Выскакнваю нз комнаты — готово. Разбнлось, течет. А дверь-то холоднльннка закрыта. Поначалу я подумал, что ие нз него, взял н иа всякий случай сниим фломастером пометнл все яйца в холоднльннке. Так н удостоверился — кокиется, а иа нем моя синяя отметка. И в холоднльинке иа одио меньше, значнт, оттуда. До двух часов иочи летали...

Я долго расспрашивал Цыгаиова. Страино, что уж очеиь аккуратно раскалывалнсь яйца. И острый н тупой купол яичной скорлупы оставалнсь иа полу целымн. «Вот как янчинцу готовншь иад сковородкой — ножом иеснльио р-раз, н яйцо вылнлось,— пояснил Иваи Мнхайловнч. — Так и тут».

Но н это — ие все. Яйца леталн к соседнему дому, до которого более двадцатн метров — опять-такн по невнднмой глазу траекторин. Через забор, между прочим. И вновь очень деликатно, как в нзбе Цыгаиовых, «кокалнсь» о дверь соседне-

* Здесь и далее стихи Н. Заболоцкого.

го жилища — хотя если бы их кинуть рукой — должны были разлететься в брызги.

Потом в хлеву скамейка перелетела загородку — сама собой. Свеча с полки перелетела на стол — хотя вторая свеча, стоявшая рядом, не шелохнулась. И Гудок, пятилетняя черная лайка, прежде лаявшая на всех, теперь жалась в конуру.

— Я сроду ее такой не видел, будто пришиб кто,— пожаловался Иван Михайлович. — Как вареная, никакой реакции.

— Как вы думаете, в чем причина? — спросил я.

И Цыганов ответил:

— Люди говорили — колдуны, что ли, завелись... Нет, не надо вспоминать. Страшно. Мороз по коже.

Его слова могли бы повторить многие, испытавшие полтергейст. Но именно потому это явление и требует серьезного изучения.

Версия

Есть такая гипотеза о происхождении полтергейста — виноваты души умерших.

Предполагается, что в момент смерти некая энергетическая субстанция покидает физическое тело человека и начинает самостоятельное существование в околоземном пространстве. «Я оглянулась назад и увидела, что мое тело лежит без чувств и движения. Подобно тому, как если бы кто, сбросивши с себя одежду, смотрел на нее, так и я смотрела на свое тело, будто на одежду, и очень удивлялась этому»,— это из рукописи X века, фрагмент описания посмертного состояния Блаженной Феодоры.

— Как вы объясняете тот поразительный факт, что больные видели самих себя со стороны, а некоторые даже наблюдали поведение родственников, находившихся в другой комнате? — такой вопрос был задан директору Института общей реаниматологии, академику АМН СССР В. А. Неговскому, и Владимир Александрович ответил:

— Все это пока объяснению не поддается. В этом явлении пока еще множество загадок.

Души мертвых? Но давайте сравним — подсчитаем, сколько людей (лет, скажем, за десять) умерло в данном регионе, после чего сопоставим эту цифру с количеством полтергейстов в том же районе. И сразу же выяснится их несоизмеримость, потому что полтергейст — явление весьма редкое. Что, если поставить вопрос шире?

А я все жив! Все чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.

Эти строки — о высокой духовности, об ощущении бытия, о его осмыслении. О духе.

Духовность — особое понятие. Приверженность возвышенной идее, внутренняя принципиальность, стремление к гармонии. «Одним своим появлением Александр Суворов поднимал дух солдат» — известная цитата. А вот еще одна — «Дух, полный разума и воли».

Теперь — о другом. О физическом теле — как ни странен переход. О мышцах, наливающихся силой. О мускулах, стремительно посылающих бегуна в стартовый рывок.

Сопоставим дух и тело. Неважно, что дух, вероятно, является полевой структурой или образованием плазменного типа, а физическое тело с известной натяжкой можно рассматривать как порождение белковых веществ или углеродистых соединений. Заострим внимание на факте ином. На том, что дух и тело — не одно и то же. Они — не тождественны.

У каждого человека — свой дух и свое тело. Можно негодовать, если например, в здоровом теле оказался не очень здоровый дух, или соглашаться, что в красивом теле обязан находиться совершенный дух — но все это частности, детали, уточнения. Важнее другое — в одном индивидууме могут уживаться разнородные субстанции. Этого достаточно для последующих рассуждений.

Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим
дом —
Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная
в теле.

Следующий логический шаг — почти автоматический. Между духом и телом должна существовать какая-то связующая «прокладка», сливающая их в индивидуальность, некий промежуточный «буфер», позволяющий им взаимодействовать: телу — влиять на состояние духа, а духу — облагораживать действия тела. Пока речь не идет о физической природе указанного сопрягающего образования.

Гармония этого триединства — духа, объединительной субстанции и физического тела — составляет сущность древнеиндийского подхода к разгадке феномена по имени «Человек».

Позже исследователи так называемого оккультизма подобрали название к промежуточному «буферу» — астрал.

Астрал — понятие сложное, многослойное...

— Но ведь это — мистика! — воскликнут некоторые из сугубых материалистов. — Это пропаганда сверхъестественного!

Обратимся к писаниям оккультистов.

«Оккультизм решительно отрицает существование чего-нибудь сверхъестественного в мире,— пишет С. Тухолка в книге «Оккультизм и магия», изданной в Санкт-Петербурге в 1907 году. — Нужно признать, что вообще этот термин весьма неудачен: все, что существует или происходит, тем самым уже входит в число естественных явлений». А ведь разумно сказано!

— Все равно! — не сдаются оппоненты. — В целом оккультизм явно антинаучен!

Снова Тухолка:

«Оккультизм далек от отрицания научных данных,— замечает он. — Наоборот, он стремится поставить свои выводы в связь с наукой и часто вносит в психический мир те понятия, которые уже составляют достояние физических наук».

— Нет, нет и нет! — машут руками отрицатели. — На самом деле все это не так!

Но ведь предполагается всего лишь гипотеза, а не теория. «Безумна» ли она? Возможно, она вполне может выглядеть таковой. Но ведь великий физик Нильс Бор как раз и предлагал обращаться именно к «безумным» предположениям. Попробуем?

Я основываюсь на опытах французского психолога и гипнотизера Г. Дюрвилля, проводившего эксперименты в начале нашего века. Они описаны в его книге «Призрак живых», изданной в Петрограде в 1915 году и репринтно воспроизведенной СП «Вся Москва» и СП «Терра» в 1990 году.

Вот суть опытов. Дюрвилль погружал подопытного (в подавляющем количестве случаев — женщину) в гипнотический сон особого рода, и в результате добивался появления ...призрака. Как это происходило?

Одни испытуемые проходили через все стадии классического гипноза, другие — нет. А в результате — «при сохранении обычного сознания чувствительность субъектов, исчезнувшая с их кожи в начале сеанса, излучается теперь вокруг них на расстояние до 2,5 и даже 3 метров. Начиная с известного момента, эта ч у в с т в и т е л ь н о с т ь, которую все субъекты видят в форме тумана, беловатого, серого или сероватого флюида, иногда со слегка радужными оттенками, сгущается и располагается по обеим их сторонам, на расстоянии от 20 до 80 сантиметров». Наверное, это видение вызывало странные ощущения: «Флюидические массы, которые сгущаются по сторонам субъектов, скорее походят на колыхающуюся колонну с неправильными контурами, чем на половину человека».

Вероятно, эти строки Дюрвилля вызывали не менее странные ощущения у его оппонентов — ведь призрачность проявлялась воочию! Дюрвилль, безусловно, предчувствовал возмущение противников. Видимо, оттого и появились в его книге такие строки: «Моя искренность будет очевидна для всех, но отрицатели конечно не преминут утверждать, что я сам обманулся или был обманут. Для меня это — безразлично».

Но все только начиналось. Далее фантомные «колонны» начинали соединяться — «правая колонна проходит обыкновенно позади субъекта, чтобы соединиться с левой, с которой она сливается, но бывает много исключений». Случается, что «обе колонны стремятся соединиться». Не редкость также, что «правая колонна проходит впереди субъекта». Ну, прошли, и что? Когда «колонны» соединились, происходит главное — «эта флюидическая масса не похожа на человека: это неопределенная масса, туманная колонна, заметно выше и обширнее субъекта. Под действием магнетизирования последнего эта масса уменьшается в объеме, становится блестящей и постепенно принимает человечес-

Продолжение на с. 31

ПРИЧИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Как возникла жизнь на Земле? Как, вообще, возникла наша Вселенная? На эти вопросы по разному отвечают материалисты и теологи. При этом обе стороны зачастую опираются на факты и гипотезы современной науки. Наш век породил удивительное явление — научный креационизм, попытку научного доказательства акта творения Вселенной и нас с вами в результате целенаправленного действия высших сил. Полагаем, что публикуемые материалы помогут читателям сопоставить доводы креационистов и сторонников материалистического объяснения мира.

Было ли у Вселенной начало?

Уильям КРЕЙГ

Расширение Вселенной

Вплоть до двадцатых годов ученые считали, что Вселенная в целом статична и никуда не движется. Но в 1929 году астроном Эдвин Хаббл заметил, что свет далеких галактик несколько краснее ожидаемого. Это привело его к выводу, что свет звезд потому смещается в красную сторону спектра, что они удаляются от нас. Что Вселенная расширяется, иначе говоря.

Но вот что интересно: Хаббл доказал не только то, что Вселенная расширяется, но и то, что она расширяется одинаково во всех направлениях. Чтобы понять, как это происходит, вообразите воздушный шарик с нарисованными на нем точками. Вы надуваете шарик — и точки раздвигаются все дальше и дальше. Эти точки можно уподобить галактикам в космическом пространстве. Все тела во Вселенной разбегаются друг от друга. Таким образом, взаимное положение объектов во Вселенной не меняется — меняются только расстояния.

Поразительное значение этого факта состоит вот в чем. В прошлом существовал момент, когда вся Вселенная была сосредоточена в одной точке. Чем дальше идти в прошлое, тем плотнее становится Вселенная. И в конечном счете мы достигнем точки бесконечной плотности, откуда Вселенная начала разбегаться. Это первоначальное событие получило название «Большой Взрыв».

Когда он произошел? Знаменитые астрономы Сендидж и Тамманн вычислили, что «Большой Взрыв» произошел примерно 15 миллиардов лет назад. Астрономы описывают это так:

«Вселенная началась с состояния бесконечной плотности. В момент этого события были созданы пространство и время, равно как и вся материя во Вселенной. Бессмысленно спрашивать, что происходило до «Большого Взрыва» — это было бы сродни вопросу о том, что находится к северу от северного полюса. Аналогичным образом лишен смысла вопрос — где это случилось. Вселенная-точка не была изолированным в пространстве объектом — это была вся Вселенная, и единственно возможный ответ состоит в том, что «Большой Взрыв» произошел везде».

Это событие, положившее начало Вселенной, изумит нас еще более, когда мы поймем, что состояние «бесконечной плотности» равнозначно понятию «ничто». Ни один предмет не обладает бесконечной плотностью: ибо если у него есть хоть какой-то объем, он уже не бесконечно плотен. Следовательно, указывает астроном Фред Хойл, теория «Большого Взрыва» требует создания материи из ничего. Потому что, углубляясь в прошлое, мы достигаем момента, когда, по словам Хойла, Вселенная «съеживается до полного несуществования». Таким образом, согласно теории «Большого Взрыва», Вселенная имела начало и сотворена из ничего.

Идея возникновения Вселенной из ничего устраивает далеко не всех. Для атеистического сознания это слишком уж похоже на христианское учение о сотворении мира. Но если отвергнуть модель (гипотезу) «Большого Взрыва», остаются лишь два варианта: модель стационарного состояния и модель пульсирующей Вселенной.

Согласно модели стационарного состояния, Вселенная никогда не имела начала и всегда пребывала в одном и том же состоянии. Эта модель (выдвинутая в 1948 году) никогда не отличалась убедительностью. Согласно историку науки С. Яки, эта гипотеза так и не была подтверждена «ни единым экспериментальным доказательством». Она всегда пыталась скорее замять факты, чем объяснить их. По мнению Яки, авторы этой теории на самом деле руководствовались «откровенно антибогословскими, даже точнее — антихристианскими побуждениями».

Серьезный удар этой гипотезе был нанесен подсчетом галактик, излучающих радиоволны. Он показал, что в прошлом было больше источников радиоволн, чем сегодня. Так что Вселенная оказывается не статичной.

Но последний гвоздь в гроб теории стационарного состояния был забит в 1965 году, когда А. Пензиас и Р. Уилсон обнаружили, что вся Вселенная омывается фоновым микроволновым излучением. Эта фоновая радиация указывает на то, что Вселенная некогда пребывала в сверхгорячем и сверхплотном состоянии. Но гипотезе стационарного состояния это противоречит: ведь она утверждает, что Вселенная извечно была одной и той же.

Ну, а гипотеза пульсирующей Вселенной? Вот как описывает эту модель Джон Гриббин: «Самая крупная проблема в теории происхождения Вселенной путем «Большого Взрыва» носит философский, и даже богословский характер: что же было до этого взрыва? Одной только этой проблемы хватило для возникновения нужды в теории стационарного состояния. Но поскольку сегодня эта теория пребывает в печальном конфликте с результатами наблюдений, то этого исходного затруднения легче избежать моделью, по которой Вселенная расширяется, затем вновь сбегается, и так без конца».

По этой модели Вселенная напоминает пружину, которая вечно растягивается и сжимается.

За последние несколько лет эта модель была в основных чертах опровергнута. Весь вопрос здесь в том, «открыта» Вселенная или «закрыта». Если она «закрыта», разбегание достигнет определенного предела, а затем сила тяготения вновь стянет все вместе. Но если Вселенная «открыта», то разбегание никогда не прекратится и будет продолжаться вечно.

Ясно, что если Вселенная «открыта», то модель пульсирования ложна: ведь в этом случае Вселенная никогда не сбежится вспять. О чем же говорят научные факты?

Основным фактом здесь является плотность Вселенной. Если в среднем по Вселенной на кубический метр приходится по три атома водорода, то Вселенная закрыта. Казалось бы, немного, но следует помнить, что Все-

Фрагмент из книги: У. Крейг. Самое начало. Чикаго, 1989.

ленная — это в основном пустое пространство.

Согласно же научным данным, для того, чтобы Вселенная была закрытой, ей следует быть в десять раз плотнее, чем она есть. Поэтому Вселенная несомненно открыта.

Вот заключения, к которым пришел Аллан Сендидж:

1) Вселенная открыта;

2) ее расширение необратимо;

3) Вселенная возникла лишь однажды, и ее расширение никогда не прекратится.

Таким образом, факты исключают модель пульсирования, потому что для нее нужна закрытая Вселенная.

Итак, научные факты, относящиеся к расширению Вселенной, указывают на абсолютное начало Вселенной около 15 миллиардов лет назад; и как модель стационарного состояния, так и модель пульсирующей Вселенной противоречат фактам космологических наблюдений. Мы вновь приходим к заключению: Вселенная имела начало.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ — ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

История поиска жизни во Вселенной — это драматическое повествование, в котором чередуются надежда и отчаяние, взлет оптимистических прогнозов и уныние из-за «молчания» Вселенной.

Между тем ученые спокойно продолжают изучать проблему. И некоторые новые исследования позволяют более оптимистично относиться к биоастрономии.

Так, например, А. Дюкануа и М. Мэйор утверждают, что 65% звезд типа нашего Солнца могут иметь планетные системы. С этими исследованиями, проведенными в Женевской обсерватории, перекликаются и результаты наблюдений астрономов из Чили. Они отработали методику обнаружения затмений, которые могут происходить при прохождении планеты между светилом и земным наблюдателем.

К проблеме возникновения жизни подходят и с «другого конца». Специалисты, изучающие метеориты и кометы, уверены, что жизнь зародилась в космическом пространстве. Кроме того, некоторые ученые полагают, что именно кометы доставили на Землю воду и органические соединения. Если вспомнить, что комета Галлея, например, на 80% состоит из воды, то звучит убедительно.

Что касается проблемы жизни в Солнечной системе, то, исключая Землю, разумеется, наиболее вероятным кандидатом является спутник Сатурна Титан. Метан и аммиак в его атмосфере — весьма благоприятны для образования органических соединений. Точный ответ на многие вопросы будет получен после 2002 года, в процессе реализации проекта «Кассини». Спускаемый модуль проведет анализ состава атмосферы Титана, если, разумеется, все пройдет успешно.

Что касается Марса, то и он не вполне «безнадежен» на предмет жизни. Более трех миллиардов лет тому назад на нем была вода, много воды. Осталась ли она в виде засыпанных песком ледников, есть ли на красной планете хотя бы примитивные формы жизни — на это, возможно, даст ответ марсианская программа.

И, конечно, самое захватывающее мероприятие, длящееся уже более 30 лет, — поиск внеземных цивилизаций. Несмотря на десятилетия полного отсутствия каких-либо следов деятельности братьев или сестер по разуму, многие биоастрономы, как ни странно, уверены, что такие сигналы рано или поздно будут обнаружены. Уверенность им придает новая сверхчувствительная аппаратура, которая может одновременно прослушивать до 10 миллионов частот. Другой вопрос — почему внеземные цивилизации должны непременно использовать радиосвязь? Это немного напоминает поиск выпавшей из кармана монеты под единственным фонарем на темной улице.

Что же касается НЛО и прочих «неформальных» поисков и контактов, то ученые оставляют их энтузиастам и газетчикам.

Второй закон термодинамики

Согласно второму закону (началу) термодинамики, процессы, происходящие в замкнутой системе, всегда стремятся к равновесному состоянию. (Иными словами, если нет постоянного притока энергии в систему, идущие в системе процессы стремятся к затуханию и прекращению).

Например, если бы у меня был баллон с вакуумом внутри, и я поместил бы туда какое-то количество молекул газа, этот газ распределился бы внутри баллона равномерно. Практически невозможно, чтобы молекулы, к примеру, собрались в одном конце баллона и там оставались. Для литрового баллона газа вероятность того, что вместо 100% объема газ заполнит лишь 99,99%, составит $1:(10^{10})^{20}$.

Тогда понятно, почему воздух в комнате никогда не разделяется внезапно на кислород в одном углу и азот в другом. По той же причине вы, ступая в ванну, находите ее приятно теплой, а не заледеневшей в одном конце и кипящей в другом. Очевидно, что жизнь без второго закона термодинамики была бы невозможна.

Теперь такой вопрос: что происходит, когда действие этого закона распространяется на Вселенную в целом? Вселенная — гигантская замкнутая система, поскольку в ней содержится все существующее, и вне ее ничего нет. Это, видимо, означает, что, по прошествии достаточного времени, все процессы во Вселенной замедлятся и постепенно прекратятся. Настанет так называемая «тепловая смерть Вселенной», когда никакие дальнейшие перемены не будут возможны. Вселенная будет мертва.

Ученые признают два варианта тепловой смерти. Если Вселенная «закрыта», то она погибнет «горячей» смертью.

Вот как описывает это состояние Б. Тинзли: «Если средняя плотность материи во Вселенной достаточно высока, взаимное гравитационное притяжение между телами постепенно замедлит расширение и остановит его. Потом Вселенная сожмется в раскаленный огненный шар. Нам неизвестен никакой физический механизм, который мог бы обратить вспять это катастрофическое «большое сжатие». Ясно, что если Вселенная достаточно уплотнится, ей не избежать горячей смерти».

Таким образом, если Вселенная закрыта, то ее ожидает огненная гибель, после которой она уже не воскреснет.

Но как мы видели, более вероятно, что Вселенная «открыта». Вот как описывает Б. Тинзли конец такой Вселенной: «Если плотность Вселенной невелика, ее гибель будет холодной. Она будет вечно расширяться — все медленнее и медленнее. Весь галактический газ превратится в звезды, а звезды догорят. Наше Солнце станет холодным мертвым куском шлака, парящим среди трупов других звезд среди все более одинокого Млечного Пути».

В конечном счете везде установится равновесие, и вся Вселенная достигнет конечного состояния, исключающего возможность любых перемен.

Следующий вопрос: если Вселенной по прошествии достаточного времени предстоит тепловая смерть, то почему же, если она существует вечно, она не мертва уже сейчас? Если Вселенная не имела начала, она уже должна пребывать в состоянии равновесия, вся полезная энергия должна быть израсходована.

Если я слышу, как тикает мой заводной будильник (что, уверяю вас, не так уж трудно), то знаю, что в какой-то момент в недавнем прошлом он был заведен и с тех пор идет, раскручивая пружину. Вселенной движет тот же принцип. Поскольку ее пружина еще раскручивается, то справедливо изречение одного озадаченного ученого: «Каким-то образом Вселенная должна была быть заведена!»

Некоторые ученые пытались избежать такого вывода. Они предположили, что Вселенная пульсирует взад-вперед — вечно, никогда не достигая состояния окончательного равновесия.

Я уже отмечал, что подобная модель Вселенной невозможна физически. Но даже если бы она и была возможна, термодинамические свойства такой модели все равно требуют того самого начала Вселенной, которого пытаются избежать ее авторы.

Дело вот в чем. Как отмечает ряд ученых — каждый раз, когда (по этой модели) Вселенная расширяется, она

должна расширяться несколько больше, чем в предыдущий раз. Если рассмотреть прошлые разбегания, можно обнаружить, что,чем глубже в прошлое, тем они меньше.

Таким образом, по словам выдающихся советских физиков из Института прикладной математики АН СССР, «мультицикловая модель дает бесконечное будущее, но лишь конечное прошлое». Другой автор указывает на то, что модель пульсирующей Вселенной все же требует точки ее происхождения перед самым малым циклом.

Таким образом, какую модель ни выбирай: закрытую, открытую или пульсирующую — из второго закона термодинамики следует, что Вселенная имела начало.

Против зтого аргумента существуют два традиционных возражения.

Первое: «аргумент недействителен, если Вселенная бесконечна». На зто есть два ответа.

1. Реально бесконечная Вселенная влечет за собой все противоречащие здравому смыслу парадоксы, связанные с существованием реально бесконечного в реальном мире. Поэтому реально бесконечную Вселенную невозможно себе представить. Это вдвойне справедливо для модели «Большого Взрыва», ибо кто потребует от нас допущения Вселенной с плотностью, близкой к бесконечной. Но такое мнение не учитывает всех вариантов, допускаемых топологией пространства-времени.

Если пространство-время седловидно, то зто действительно требует открытой и бесконечной Вселенной. Но если пространство-время имеет форму тора («бублика»), то Вселенная может быть и открытой, и в то же время конечной. Поскольку зти различные теоретические модели равно возможны, логичнее принять ту модель, которая не чревата противными здравому смыслу парадоксами (связанными с существованием реальной бесконечности).

ХИРОН — КОМЕТА БЕЗ ХВОСТА ИЛИ ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АСТЕРОИД?

1 ноября 1977 года астрономы обнаружнлн иекнй темный объект размером около 200 кнлометров в поперечинке. Находнлся он тогда иа расстоянии от Солнца в 18 астрономнческнх еднниц. (1 астрономическая еднннца равна расстоянню от Солнца до Землн). Сейчас он уже прнблнзнлся до 11 единиц.

Предположнлн, что объект (его назвалн Хирон) — комета. Но у него нет хвоста! Правда, некоторые нсследователн счнтают, что это просто комета с необычными свойствамн.

Другое предположенне — астероид. Но так далеко астероиды не залетали, они в основном пребывают в поясе между орбитамн Марса н Юпитера. Есть, конечно, исключення, некоторые астероиды пересекают даже орбиту Земли. Известен только один астероид, который доходит до орбиты Сатурна. Хирон же достнгнет орбиты Сатурна на расстоянин 9,6 астрономических еднннц в 1992 году.

Интересно, где окажется Хирон в 2000 году?

2. Даже если Вселенная бесконечна, она все равно придет в состояние равновесия. Как объяснил мне в письме профессор Лондонского университета, если каждая конечная область Вселенной придет в равновесие, то придет в равновесие и вся Вселенная. Это будет справедливым даже для бесконечного числа конечных участков. Ведь если каждая доска забора зеленеет, то зеленым станет и весь забор; каждую конечную область во Вселенной постигнет тепловая смерть, то же самое произойдет и со всей Вселенной.

Другое возражение: нынешнее состояние Вселенной — «нетипично» для нее, зто только флуктуация, т. е. крохотное отклонение от общего состояния равновесия. Иными словами, ныне наблюдаемые свойства знергии можно сравнить с мелкой рябью на поверхности пруда, в целом спокойного.

Такое возражение чудовищно искажает все пропорции и масштабы. Флуктуации, реально известные физикам, настолько малы, что они могут иметь хоть какое-то значение лишь для систем, состоящих из нескольких атомов, не больше. В равновесной Вселенной обнаружить флуктуации будет практически невозможно.

Итак поскольку существующая ныне Вселенная равновесной не является, то что же из зтого следует?

Согласно английскому ученому П. Девису, Вселенная, совершенно очевидно, была создана конечное время назад и находится сейчас в процессе достижения равновесия. По его словам, нынешнее неравновесное состояние не может быть отклонением от предыдущего состояния равновесия, поскольку до момента своего создания Вселенная просто не существовала. Таким образом, заключает Девис, знергия Вселенной была «попросту заложена в ней при создании, в качестве начального условия».

МАТЬ ЗАСУХА

Днректор парижского Музея человека профессор Ив Копэн выдвинул оригинальиую гипотезу о происхождении человека.

Точкой отсчета он полагает Восточноафриканский разлом, образовавшийся 7 миллионов лет назад. Дожди перестали орошать восточную окраину разлома, и могучие леса стали исчезать.

Возникла саванна. И тут эволюция пошла двумя путями — обитатели лесов на западе породили современных обезьян — горилл и шимпанзе, а на востоке — сначала пралюдей, а затем и людей. Иными словами, люди — дети засухи.

Копэн утверждает, что все характерные отличия человека: опора на две конечности, развитый мозг, всеядность и изобретение орудий труда — плоды приспособления к среде, более сухой, чем густые влажные леса. Именно тогда и возникли австралопитеки. Все это подтверждается строением скелетов австралопитеков.

Ну, а потом начал развиваться мозг, адаптируясь к сухости, изменились дыхательные пути, гортань опустилась ниже — а это уже прямая дорога к возникновению речи.

Мы установили, что термодинамические соображения говорят в пользу начальности Вселенной, и что традиционные возражения против зтого несостоятельны. Поскольку Вселенная, существующая вечно, не могла бы находиться в нынешнем неравновесном состоянии, мы обязаны, уже в четвертый раз, прийти к выводу, что она имела начало.

Итак, мы нашли два научных подтверждения начальности Вселенной: разбегание ее, плюс тот факт, что ее до сих пор не постигла тепловая смерть.

В свете зтих фактов, в сочетании с двумя изложенными выше логическими аргументами, можно считать доказанным ответ на наш первый вопрос: да, Вселенная имела начало.

Сознательная причина Вселенной!

Первый шаг в ходе наших рассуждений был самым трудным: он требовал строгого и подробного доказательства. Дальше будет гораздо легче.

Итак, если Вселенная имела начало, то одно из двух: она либо была сотворена (т. е. ее появление было вызвано какой-то причиной), либо нет. Это наш второй шаг.

Нужно ли подробно останавливаться на поисках ответа? Не думаю. Ибо вряд ли кто, в здравом уме, станет всерьез утверждать, что такая Вселенная могла возникнуть беспричинно, просто из ничего. Даже знаменитый скептик Давид Юм признавал: предположение, что нечто может возникнуть без причины,— нелепо.

Это тем более справедливо по отношению ко всей Вселенной. Английский философ К. Брод писал: «Я не могу всерьез верить, что нечто начало существовать, не имев причины в чем-то таком, что существовало прежде и вплоть до момента возникновения данного предмета». А вот что сказал другой философ: «Мне кажется невероятным, чтобы наша Вселенная возникла из абсолютной пустоты. Уж если что и кажется нам невероятным, так зто возникновение чего бы то ни было из ничего».

Окончание на с. 19

Человек — продукт миллиардов лет естественного отбора или плод божественного творения? На этот вопрос пытаются ответить — каждый со своих позиций — двое видных ученых: доктор Дуэйн ГИШ, директор Института по изучению мироздания (есть и такой институт в США!) и известный ученый-эволюционист и биохимик Айзек АЗИМОВ, скрестившие шпаги на страницах американского журнала «Сайенс Дайджест».

СПОР О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Говорит Д. Гиш

Говоря по большому счету, есть всего два ответа на вопрос о происхождении Вселенной и населяющих ее живых существ. Верно одно из двух: либо мироздание образовалось в ходе механического процесса естественной эволюции, либо было сотворено сверхъестественным образом. Ни один человек не присутствовал ни при рождении Вселенной, ни при появлении жизни на Земле, ни даже при возникновении какого-либо одного вида животных или растений. Это — уникальные, неповторимые события, которые нельзя ни наблюдать в природе, ни воспроизвести в лаборатории. Следовательно, ни теорию эволюции, ни теорию сотворения нельзя считать, строго говоря, научными. Обе они, скорее, религиозны, ибо зиждятся на вере, на предположении. Как заметил известный философ и методолог науки Карл Поппер, учение об эволюции — это не научная теория, подлежащая объективной проверке, а некая исследовательская программа, в основе своей метафизическая. Преподавать в государственных школах одну из этих двух взаимно противоположных теорий, полностью отвергая другую, означает нарушение прав либо науки, либо религии, недопустимое в обществе плюралистической демократии. Школьники и студенты должны быть ознакомлены с обеими точками зрения, с обеими системами аргументации.

Для начала приведу научные факты, согласующиеся с теорией сотворения.

Термодинамика. Второе начало термодинамики гласит, что во всякой изолированной системе ее сложность может лишь убывать с течением времени, и никогда — возрастать. Никто, заметьте, не провозглашал этот закон более настойчиво, чем сам доктор Азимов. «Второе начало термодинамики,— писал он,— может быть сформулировано и таким образом: Количество беспорядка во Вселенной увеличивается. В этой формулировке Второе начало говорит и о нас с вами. Мы то и дело замечаем, сколь трудно содержать в порядке дома, машины, да и свое собственное тело; насколько легче привести их в состояние негодности! Достаточно просто-напросто ничего не делать,— и любая вещь сама собой со временем стареет, портится, разрушается,— в этом и состоит суть Второго начала термодинамики».

Однако, если Второе начало термодинамики в самом деле является непреложным законом науки, тогда теория эволюции находится в явном противоречии с этим законом. Ведь она подразумевает, будто те же самые естественные законы, которые ведут к разрушению и распаду всякой замкнутой системы, каким-то образом привели вначале к возникновению самой Вселенной, а затем к ее постепенному усложнению и усовершенствованию! Такое допущение было бы абсолютно нелогично, но именно к нему и сводится учение эволюционистов о саморазвитии Вселенной и жизни в ней.

Если до конца следовать научной логике, Вселенная не могла образоваться естественным путем; значит, она была создана путем сверхъестественным.

Science Digest, October 1981, pp. 82—87.

Отвечает А. Азимов.

Астрономы вовсе не считают, что Вселенная возникла в беспорядочном, хаотическом виде. Напротив, она была высоко упорядоченным образованием. Отход от этого первозданного порядка, иначе говоря, появление разнородности,— привел к формированию звезд и галактик. Этот процесс шел в полном согласии со Вторым началом термодинамики. Ученые пока еще не знают, **как** возникло это первоначальное упорядоченное состояние, но нам ли, ученым, привыкать к неполноте знания? Мы стремимся к восполнению этого недостатка. Нам предлагают — признав свое незнание, вслед за тем уверовать в Творца. Что ж, это наиболее простой выход. На вопрос «Отчего светит солнце?» легче всего ответить: «Это делает Бог Солнца». «Отчего идет дождь?» — «Это делает Бог Дождя» и так далее...

Вслед за одним ошибочным выводом — «Вселенная не могла образоваться естественным путем» — креационисты делают еще один ошибочный вывод: «Следовательно, она была создана путем сверхъестественным».

Д. Гиш пишет о вопросах и недоумениях, возникающих у различных специалистов по поводу тех или иных научных теорий или постулатов. Что же, бо́льшая или меньшая степень неполноты знаний будет ощущаться всегда. Иначе в науке не может быть.

Законы вероятности. Человеческое тело слагается из 30 триллионов клеток более чем двухсот разновидностей. 12 миллиардов клеток составляют человеческий мозг; в нем примерно 120 триллионов нервных связей. Эволюционисты полагают, что все это сложнейшее устройство образовалось путем отсева многих миллионов случайных неудачных проб и выбора наилучших вариантов. С помощью теории вероятности можно рассчитать, что для такого отбора потребовалось бы более чем 5 миллиардов лет, т. е. чем предполагаемое время существования Земли.

Биолог Х. П. Йоки, используя методы теории информации, подсчитал вероятность случайного возникновения молекулы ДНК. Если исходить из 95%-ного уровня вероятности, принятого в математической статистике, то в обозримые сроки могла бы случайным образом сложиться последовательность, самое большее, из 49 аминокислот. Для сравнения напомним, что большинство генов, ответственных за построение отдельных белков, состоят каждый из 100—300 аминокислот. Даже для того, чтобы соединить уже готовые участки ДНК в правильной последовательности, потребовались бы многие миллионы лет — срок, несоизмеримый со временем существования жизни на Земле.

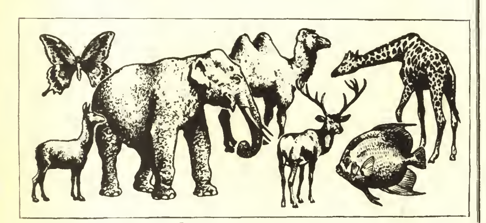
Сходное вычисление произвел Х. Дж. Моровиц, подсчитав возможность самопроизвольного соединения частиц вещества в тело бактерии. Получилось 10 в степени 10^{11}, то есть всего одна возможность на колоссальное число, выраженное единицей со ста миллиардами нулей!

Из всего сказанного следует вывод, что эволюционистская теория происхождения жизни — не более как мифология XX века.

Молекулярная биология. Факты молекулярной биологии также свидетельствуют против теории эволюции. Недавно стало известно, что процессы синтеза информационной РНК принципиально различаются у прокариотов (одноклеточных организмов, не обладающих отчетливо выраженным клеточным ядром) и эукариотов (организмов, имеющих клеточные ядра). Это значит, что одни из этих организмов (вторые) никак не могли произойти от других (первых), как считалось прежде. Вообще по мере изучения процессов синтеза ДНК и РНК становится ясно: процессы эти в действительности гораздо сложнее, чем считалось раньше, и протекают у разных типов живых существ совершенно по-разному.

Создается впечатление, что чем больше мы узнаем о клеточном синтезе, тем больше появляется оснований для отрицания той идеи, будто бы все формы жизни произошли от общего предка.

Эмбриология. «Закон рекапитуляции признаков», по которому на определенных стадиях развития человеческий зародыш якобы напоминает рыбу, амфибию, рептилию и, наконец, млекопитающее,— не более чем заблуждение, в последнее время он решительно отвергается наукой, и настала пора исключить его из учебников биологии.



Гомология. Положение эволюционной биологии о том, что гомологичные, то есть сходные органы и структуры существуют у разных животных благодаря наличию у них общего предка, ныне опровергнуто наукой по целому ряду позиций. Сэр Гавен де Беер назвал свою книгу «Гомология: нерешенная проблема» (1971). Одно из противоречий состоит в следующем. Гомологичные органы, имей они общее происхождение, должны бы были контролироваться гомологичными генами. На деле же это не так. К примеру, у человека и рыбы сходные глаза, но генетические аппараты у этих двух живых существ совершенно различны.

Креационисты, хватаясь за эти отдельные пробелы в знаниях, непременно «всовывают» туда Бога-творца. Примерно с тем же основанием они могли бы, выудив из массы материалов об убийстве президента Кеннеди несколько статей, ставящих под сомнение роль Ли Харви Освальда в этих трагических событиях, сделать отсюда решительный вывод: «Следовательно, президента Кеннеди убил сам Создатель!»... Нелепая логика, верно?

Что касается конкретно вопроса о вероятности комбинации молекул в живую клетку, то математическая оценка этой вероятности в немалой степени зависит от учета большого количества условий и допущений, принятых в той или иной теории. Причем сторонники «сотворения» выбирают из множества существующих моделей те, которые им более всего на руку.

Креационисты бдительно следят за развитием науки. Стоит появиться в печати сообщению о новом научном открытии, удачно вписывающемся в «теорию сотворения», как они во всеуслышание объявляют: «Этот новый факт свидетельствует в пользу нашей теории!» Между тем наука не стоит на месте, и каждый новый факт рано или поздно находит в ней объяснение. Различия, обнаруженные между прокариотами и эукариотами, конечно же, очень интересны, но никто из микробиологов, работающих в этой области, не пытается представить их в виде непроходимой пропасти, подрывающей основы теории эволюции.

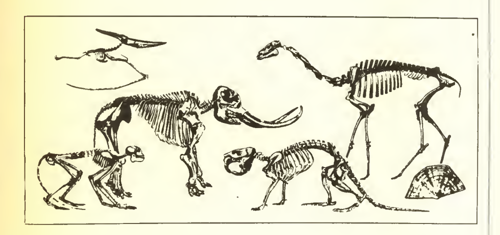
Я, честно говоря, не знаю, что́ именно в учении о рекапитуляции признаков в ходе эмбриогенеза «решительно отвергается» современной биологией. Человеческий зародыш по-прежнему на определенной стадии развития имеет хвост и жаберные щели, и остается лишь гадать, зачем «Создателю» понадобилось снабжать его этими органами.

В какой мере «опровергнута» идея общего происхождения гомологичных органов, для меня тоже загадка. Верно лишь то, что в этой сфере пока еще остаются нерешенными некоторые частные вопросы,— что ни в коей мере не означает, будто бы проблема не разрешима в принципе и требует непременного привлечения мифического «Создателя».

Палеонтология. Если миллионы современных видов формировались постепенно в течение сотен миллионов лет, то бессчетное число вымерших промежуточных форм должно было дойти до нас в виде ископаемых останков и окаменелостей. Казалось бы, музеи должны быть переполнены этими промежуточными формами. Где же они? При раскопках обычно обнаруживаются останки сложно организованных животных и растений, и никакого намека на более простые предковые формы. Не найдено, скажем, никаких переходных форм между беспозвоночными и позвоночными животными. Строго говоря, такой вещи, как «эволюционное дерево», в действительности не существует.

Сами палеонтологи-эволюционисты мало-помалу разочаровываются в своей самой заветной мечте, той, что они лелеяли со времен Дарвина,— составить полную «ископаемую летопись» эволюции видов... Судя по имеющимся ископаемым образцам, виды появлялись и исчезали, не оставляя промежуточных форм. Следовательно, палеонтология фактически на стороне креационизма и против теории эволюции.

То же самое можно сказать о предполагаемой эволюции человека. За исключением нескольких ископаемых приматов, которые принято рассматривать как предковые формы, ничего большего раскопки предоставить не могут. Лорд Золли Цуккерман, проведший много лет в поисках ископаемых «предков» человека, был вынужден в конце концов сделать следующее заявление: если исключить акт божественного творения, то человек, по-видимому, произошел от обезьяноподобного предка; но если так оно и было в действительности, то этот процесс не оставил никаких вещественных следов...



Пытаясь преодолеть возникшую дилемму, эволюционисты возвращают из небытия различные варианты давнишней «теории катастроф» или прибегают к новейшим ухищрениям вроде «теории пунктирного равновесия» («punctated eguilibria»), по которой эволюция будто бы движется неровно, толчками, скачкообразно. Но разве можно всерьез допустить скачкообразное нарастание мутаций в степени, достаточной, скажем, для рождения птицы из яйца, отложенного рептилией? Мутации мутациями, но все же природа устроена так, что из яйца рептилии всегда выходит рептилия, а не птица.

Теория эволюции страдает многими недостатками, между тем как теория сотворения — неуязвима. Недаром сегодня в числе ученых — тысячи убежденных креационистов, и с каждым днем их число умножается.

Продолжение следует

Известно громадное множество промежуточных форм, и музеи **действительно** переполнены ими. Креационист, естественно, предпочитает этого не замечать.

Нужно учитывать, что образование отпечатков и окаменелостей — процесс, зависящий от многих условий, поэтому далеко не все формы сохранились до наших дней. Ну и что же? Многие люди не могли бы назвать имена всех своих восьми пра-прадедушек, а кое-кто, вероятно, не назовет ни одного из этих восьми имен; что, согласитесь, никоим образом не означает, что у данного человека вовсе не было этих восьми (заметьте, не столь уж далеких) предков. Просто-напросто воспоминаний о них не сохранилось.

Чепуха! Известны живущие **в настоящее время** переходные формы между позвоночными и беспозвоночными. Примеры: морской червь баланоглосс и еще одно морское животное, называемое оболочником. Оба они сочетают в своем строении черты, присущие как иглокожим (отряд беспозвоночных, к которому относятся, например, морские звезды), так и позвоночным животным, к каковым и относят их систематики.

Д. Гиш цитирует отдельные высказывания палеонтологов, разочаровавшихся в поисках переходных форм. Я мог бы с неменьшим успехом подобрать цитаты из современных богословских трудов, где выражается сомнение в существовании «Творца».

«Не оставил следов»?! А неандертальский человек, «Homo erectus» («Человек прямоходящий»), австралопитек — что это как не вещественные следы эволюции человека?

Здесь, как и повсюду, креационист Гиш указывает на слабые места в эволюционном учении, но ничем не обосновывает преимущества своего собственного подхода. Допустим, теория эволюции «не работает». Но укажите взамен хоть какие-нибудь конкретные признаки своего «Создателя»! **Когда** Он сотворил Вселенную? Быть может, шесть тысяч лет назад? Какое время длился процесс творения? Шесть дней? Что было создано вначале: Солнце или Земля? Расскажите нам о сотворении Адама и Евы. Правда ли, что Ева была создана из ребра Адама? Принимаете ли вы библейскую версию сотворения в целом или сохраняете лишь саму абстрактную идею «Творца», ничего не зная о нем самом и о том, **как именно** Он «творил» все сущее?

Что ж, поделитесь с нами своими соображениями на сей счет, мы готовы внимательно выслушать все ваши аргументы.

БЫЛО ЛИ У ВСЕЛЕННОЙ НАЧАЛО!

Начало на с. 13

Правота старинного принципа «ничего не возникает из ничего» настолько очевидна, что серьезное возражение против него практически невозможно.

Атеиста это ставит в щекотливое положение. По словам Антони Кенни, «сторонник теории Большого Взрыва», по крайней мере если он атеист, обязан верить, что материя во Вселенной возникла из ничего и посредством ничего». Легко ли проглотить такую пилюлю?

Задумайтесь: во что легче поверить: в сверхъестественного Творца Вселенной — или в такую Вселенную, которая либо возникла без причины и из ничего, либо вообще не возникала, а существовала всегда? Эти два последние варианта требуют от меня гораздо большей веры, чем вера в существование мыслящего Творца.

Но в любом случае — мы полагаемся не только на то, в какой вариант легче поверить. Ведь мы уже видели, что как философские, так и естественнонаучные аргументы указывают на начальность Вселенной.

Так что у нас есть лишь две альтернативы: либо была причина, вызвавшая существование Вселенной, либо около пятнадцати миллиардов лет назад она возникла без причины из ничего. Первая из этих альтернатив представляется во всех отношениях более вероятной.

Очень интересно наблюдать, как ученые реагируют на философские и богословские следствия из их же собственной модели «Большого Взрыва». Такие следствия, очевидно, существуют, ибо, как замечает один ученый «проблема происхождения Вселенной включает в себя определенный метафизический аспект, который может оказаться либо привлекательным, либо отталкивающим».

К сожалению, человек науки, по замечанию Альберта Эйнштейна,— плохой философ. Ибо такие следствия, похоже, либо ускользают от внимания большинства ученых, либо не интересуют их. Поскольку нет никакой эмпирической информации о том, что предшествовало «Большому Взрыву», ученые попросту игнорируют этот вопрос. Так например, Ф. Хойл, объяснив, что модель «Большого Взрыва» не дает нам сведений о том, почему произошел этот взрыв и откуда взялась материя, замечает: «В современной космологии ответа на этот вопрос искать не принято — считается, что и сам вопрос и ответ на него выходят за рамки научных поисков».

Но если такая позиция устраивает астронома или физика, она никогда не удовлетворит философа. Как признает один ученый, модель «Большого Взрыва» описывает обстоятельства возникновения Вселенной, но не может их объяснить. Другой астроном заключает: «Вопрос о том, как возникла сама материя, остается без ответа».

Таким образом, наука самоустраняется от ответа на важнейший из всех вопросов: откуда возникла Вселенная? Научные факты лишь указывают на существование начальной точки Вселенной — и все. Конечно, как естествоиспытатели мы имеем право на этом остановиться и от дальнейших изысканий отказаться. Но как мыслящие существа — не обязаны ли мы шагнуть дальше, копнуть глубже, доискаться причины возникновения Вселенной?

Дочитав до этой страницы, непредубежденный читатель должен, мне кажется, согласиться, что существование Вселенной имеет причину. Это вывод огромной важности. Он означает, что существование Вселенной вызвано чем-то не меньшим, чем она сама, притом лежащим за ее пределами. Это должно насторожить нас, ибо не секрет, что Библия начинается со слов: «В начале сотворил Бог небо и землю».

Шаг третий (и последний)

Поняв, что Вселенная имела начало и что у такого события должна была быть причина, мы сделали первые два шага.

Прежде чем перейти к третьему, нам надо мимоходом ответить на один вспомогательный вопрос: была эта причина вечной — или сама имела начало?

Разумеется, если время и пространство возникли вместе с материальной Вселенной, то все, что существовало до этого, и следовательно, до (точнее — вне) времени, будет вечным уже по самому определению. Это наводит нас на подозрение, что причина возникновения Вселенной должна быть вечной.

Но главное даже не в том. Допустим, что эта причина не вечна. Значит, она возникла в какой-то момент до появления Вселенной. Однако в этом случае именно ее возникновение и надо считать самым первым событием. Тогда мы снова будем искать причину — уже этого события. Но ведь так не может продолжаться вечно. Почему? Да потому, что, как нам уже известно, ряд событий, не имеющий начала, не может существовать.

Вывод один: причина существования материального мира — вечна, она существует без начала.

Но тогда перед нами проблема (и она подведет нас вплотную к третьему шагу): если причина существования Вселенной вечна, то как же может следствие из нее (т. е. сам материальный мир) быть не вечным?

Я вижу лишь один выход из этой проблемы: допустить, что причина эта является сознательной и создает Вселенную во времени по Своему выбору. Таким образом, Творец может существовать без перемен от века, но принять решение создать Вселенную во времени. Вот поэтому и существует мир, имеющий начало. При этом причина получается вечной, а следствие — нет. Мне кажется, что Вселенная могла возникнуть только так: волевым актом сознательного Творца.

И тогда нам уже ничто не мешает назвать этого сознательного Творца Вселенной — словом «Бог».

Ответ на вопрос, поставленный в начале нашей книги (Существует ли Бог?), таким образом, найден.

ТРАНСПЛУТОН И ПОТОП

В XIX — начале XX веков астрономы наблюдали нарушения в движении планет Уран и Нептун. Может быть, их причина — влияние еще не открытой планеты, расположенной за Плутоном? Поиски десятой планеты в нашем столетии пока не дали доказательств ее существования. А что, если эта планета периодически воздействует на Землю, вызывая катаклизмы? Если она вращается вокруг Солнца по сильно вытянутой орбите, то она будет приближаться к нашей планете всего раз или два за период своего обращения. Не поискать ли следы Трансплутона в знаниях древних?

Публикации в периодике последних лет позволяют предположить, что о десятой планете знали шумеры. Их наследие восприняли Вавилон и Ассирия, отчасти древние евреи. В «Откровении» Иоанна Богослова (пророчестве о конце света, о катаклизме!) говорится о тайне «вавилонской блудницы» и «зверя, носящего ее, имеющего семь голов и десять рогов» (Откр. 17,7). Что скрывается за этим образом?

Если «вавилонская блудница» олицетворяет почитавшуюся в Месопотамии Луну, то ее «тайна» — это четыре основные фазы Луны. Дни и месяцы лунного календаря, а также фазы Луны повторяются в прежнем порядке через 532 солнечных года (индиктион). Может быть, это и есть «голова» зверя, а его «рога» символизируют 28-дневные лунные месяцы? Тогда получим искомую «тайну»:

(532 . 7) + (28 . 10) + 4 = = 4008.

Пожалуй, для библейской хронологии это число не характерно. А вот в мифах Древней Мексики промежуток между глобальными катаклизмами определялся именно в 4008 лет! Может быть, это период обращения десятой планеты? Если она стала, помимо прочего, причиной гибели Атлантиды в 9612 году до н. э. (дата, принятая многими атлантологами), то очередное приближение грозного светила к Земле нужно ожидать в 2412 году.

М. БУДАРИН

Михаил ***ПИОТРОВСКИЙ,***
доктор исторических наук

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ В КОРАНЕ

Беседа 3-я

КРАСАВЕЦ ЙУСУФ И «ЛУЧШАЯ ИЗ ИСТОРИЙ»

Библейскому Иосифу (в Коране — Йусуф) посвящена целая сура — 12-я, названная его именем «Йусуф». Суру эту открывает знаменитая фраза о том, что Коран ниспослан на арабском языке: «...Это — знамения книги ясной. Мы ниспослали ее в виде арабского Корана — может быть, вы уразумеете!» (12:1—2)[1].

Рассказывают, что однажды слушавшие Мухаммеда люди предложили ему не поучать их, а рассказать какую-нибудь интересную историю. Ответом на это было откровение от Аллаха: «Мы рассказываем тебе лучшим повествованием, открыв тебе этот Коран!» (12:3), а вслед за ним — по воле самого Мухаммеда или стараниями собирателей текста Корана — красивая, трогательная и назидательная история о Йусуфе.

Цельностью и художественными достоинствами она превосходит другие сказания Корана. Все в ней подчинено главной идее — показать, что беды, постигшие Йусуфа, не случайны. Его жизнь была предопределена Аллахом и служила возвышению пророка в назидание людям.

Однажды Йусуф, когда был еще мальчиком, рассказал отцу — Йакубу (Иакову) свой сон: ему поклонились одиннадцать звезд-планет, солнце и луна. Отец понял, что сыну предназначена особая судьба, но просил не рассказывать о видении братьям, чтобы не позавидовали. Братья же и без того не любили Йусуфа, потому что отец в нем души не чаял. Они сговорились от него избавиться — убить или отослать в дальние страны.

Отправляясь на пастбище, братья уговорили отца отпустить с ними Йусуфа. А по дороге бросили его в колодец. Домой вернулись с окровавленной рубашкой брата, объявив, что мальчика загрыз волк, они же, увлекшись бегом наперегонки, недоглядели.

Тем временем мимо колодца шел караван, и оттуда послали человека зачерпнуть воды. Так обнаружили Йусуфа. Торговцы забрали его с собой, отвезли в Египет и там продали в рабство.

Купил Йусуфа египетский вельможа, который поручил жене воспитать его как сына. Она же воспылала к нему любовью и попыталась совратить. Йусуфа удержал от греха Аллах, который открыл ему неприглядность ситуации,— и юноша бросился бежать. Жена вельможи схватила его за рубашку и порвала ее. Тут в дверях появился хозяин дома,— жена, разумеется, обвинила Йусуфа в насилии. Тот оправдывался: «Она соблазняла меня». Кто-то из домочадцев сказал, что если рубаха порвана сзади,— прав Йусуф, а если — спереди, то он лжет. Хозяин поверил — рубаха была порвана сзади. Жена покаялась.

Тем временем в городе стали судачить о том, как жена вельможи влюбилась в раба. Ее осуждали. Тогда она позвала женщин к себе в гости, усадила, стала угощать фруктами, дав каждой в руки нож. А Йусуфу приказала войти к ним. Дамы были так потрясены красотой юноши, что от волнения порезали себе руки. «Благородный ангел!» (12:31),— восклицали они.

Йусуф молил Аллаха помочь ему не поддаться соблазнам, пусть даже для этого заключат в темницу. Аллах дал ему силы и стойкость. И в темницу его заключили. В Коране не объяснено, почему Йусуф оказался в ней. Видимо, это было сделано, чтобы его красота не смущала знатных дам.

Вместе с Йусуфом в заключении оказались двое, они рассказали ему свои сны, а он взялся их истолковывать. Одному снилось, что он выжимает виноград. Ему Йусуф предрек, что он снова будет поить вином своего господина, то есть — фараона, и попросил при случае напомнить царю о том, что он заточен без вины. Второму привиделось во сне, что он несет на голове хлеб, который едят птицы. Йусуф объяснил, что его распнут, а птицы будут клевать его голову. Оба толкования сбылись, но оставшегося жить шайтан заставил забыть о просьбе Йусуфа. Вспомнил он о ней, только когда никто не смог объяснить смысл сна, виденного однажды царем.

Семь тощих коров поедали семь тучных. Привиделись царю еще и семь зеленых и семь сухих колосьев. Обратились к Йусуфу, и он истолковал сон так: после семи урожайных лет наступят семь неурожайных. Поэтому надо в благополучные годы сделать запасы и тем спасти народ от голода.

Узнав об этом толковании, царь потребовал к себе Йусуфа. Его привели, и царь обласкал юношу и назначил, по его же просьбе, управлять царскими хранилищами. А жена вельможи призналась в своих кознях и засвидетельствовала невиновность Йусуфа. «Так утвердили мы Йусуфа на земле»,— этими словами Аллаха кончается первая часть рассказа.

Однажды по торговым делам в Египет прибыли братья Йусуфа. Они его не признали, но он их узнал. По завершении торговой сделки он потребовал, чтобы в следующий раз они привезли с собой младшего брата, иначе им будет запрещено торговать в Египте.

Дома братья стали уговаривать старика Йакуба отпустить с ними младшего брата. Отец отказывался, боясь, что и этот сын пропадет, как пропал Йусуф. Но они соблазняли его возможностями выгодной торговли, и он согласился, потребовав, чтобы они не возвращались домой без младшего брата, и посоветовав им войти в город через разные ворота.

В Египте Йусуф радостно принял брата, открылся ему и просил его не отчаиваться, что бы ни случилось. А тем временем по приказу Йусуфа в один из его вьюков подложили чашу из царского имущества. Стража обыскала уходивший караван, чашу нашли, и младший брат был задержан. Братья поверили в то, что он совершил кражу, и, несмотря на обещание, данное отцу, бросили его в беде и, вернувшись домой, рассказали ему о преступлении сына.

Йакуб же почувствовал, что все происшедшее как-то связано с Йусуфом, ибо никогда не верил, что его любимец погиб. Он приказал сыновьям вернуться в Египет и разузнать все о брате. Так они и сделали.

Беседа 1-я опубликована в № 11, 1990; 2-я — в № 1, 1991.

[1] *Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского по изданию 1986 г. (М., «Наука»). Первая цифра — номер суры, после двоеточия — номера аятов.*

Йакуб и Йусуф. Персидская миниатюра. XIV в.

На этот раз Йусуф открылся им и послал их за престарелыми родителями. Он дал братьям свою рубашку, велев накинуть ее на лицо отцу,— она должна была вернуть ему зрение. Еще до возвращения сыновей Йакуб почувствовал, что к нему идет весть о живом Йусуфе. Он простил своих старших сыновей. Слепота его излечилась, и все вместе они отправились в Египет.

Йусуф тоже простил братьев. И так сказал павшему перед ним ниц отцу:

«О мой отец! Это — толкование моего сна прежде. Аллах сделал его истиной и оказал мне милость, когда вывел меня из темницы и привел вас из пустыни, после того как сатана устроил ссору между мной и моими братьями. Ведь Господь мой благосклонен, к чему захочет. Поистине, Он — знающий, мудрый» (12:100/101).

Следующие за этим несколько аятов обращены к Мухаммеду. Они как бы подводят итог всему рассказанному: «А когда посланники отчаивались и думали, что их сочли лжецами, к ним приходила Наша помощь, и бывали спасены те, кого Мы пожелали» (12:110).

Библейская история изложена в Коране весьма подробно и украшена многими деталями из позднейших сказаний. Рассказывая о Йусуфе, Мухаммед как бы показывает слушателям, что Аллах поведал ему знаменитую историю о герое иудеев лучше, подробнее, сообщив ему такие детали, о которых не знают и они сами. Сказание о Йусуфе содержит весь набор характерных признаков, присущих кораническому тексту: здесь не просто рассказывается о событиях, они получают глубинное толкование — таавиль. Суть его в том, что все совершается по воле Аллаха. За каждым почти эпизодом в рассказе следуют соответствующие назидания. Есть тут и «Коран в Коране»: проповеди Йусуфа в тюрьме, речи Йакуба.

Вставки-разъяснения выявляют сходство между судьбами Йусуфа и Мухаммеда. Какими бы ни были неудачи, Аллах непременно приведет пророка к победе. Враждебное отношение родственников — мотив, близкий к ситуации, сложившейся вокруг Мухаммеда в Мекке, особенно в последний период его пребывания там,— к нему и относится появление суры «Йусуф». Прощение, которое возвысившийся Йусуф дарует братьям,— это как бы предвестие того, как поступит и сам Мухаммед. После покорения Мекки он не только простил, но и возвысил своих соплеменников-курайшитов, в том числе и тех, которые были его яростными врагами.

В сказании о Йусуфе нет признаков долгого аравийского бытования. Напротив, почти все его детали имеют близкие параллели в Агаде[2] и рожденной ею литературе. Мухаммед пересказывал историю явно иудейские и, видимо, слушатели их так и воспринимали. Разумеется, они хорошо их знали, но им было интересно, как перетолковывал историю Мухаммед.

ВОЛШЕБНИК И ВЕРОУЧИТЕЛЬ МУСА

О пророке и посланнике Аллаха — Мусе (библейский Моисей), родившемся в Египте, в Коране говорится чаще и больше, чем о каком-либо другом персонаже.

Египтом правили жестокий Фираун (Фараон) и его вазир Хаман. Особым гонениям подвергались евреи, от которых правитель требовал, чтобы они признали его богом. Однако Аллах доказал ничтожность претензий Фирауна. Для этого был избран Муса.

Когда он родился, Аллах внушил матери, что младенца надо положить в коробку и пустить плыть по реке. Ребенка подобрала жена Фирауна и решила воспитать его как собственного сына. Однако он отказывался брать грудь у кормилицы. Тут появилась сестра Мусы, знавшая, куда попал ее брат. Она пообещала найти хорошую кормилицу и привела свою собственную мать, которая, таким образом, сама и вскормила сына.

Муса вырос в доме Фирауна умным и смышленым. Однако однажды он вмешался в драку между египтянином и евреем и убил египтянина. Не желая далее участвовать в этой междоусобице и, боясь наказания за убийство, он бежал в Египет. В стране Майдан, в Аравии, он встретил у колодца двух девушек. Они никак не могли набрать воды: подойти к колодцу им мешала толпа пастухов. Муса помог девушкам и вместе с ними пришел к их отцу. Старик дал ему убежище и предложил жениться на одной из своих дочерей. Условием было, что Муса станет работать на старика восемь лет, а если захочет — еще два.

Выполнив условия, Муса отправился со своей семьей обратно в Египет. В священной долине Тува у склона горы он заметил огонь и пошел к нему, надеясь узнать дорогу и принести головню для собственного костра.

Однако из горевшего в кустах огня он вдруг услышал голос Аллаха. Бог объявил Мусе, что делает его своим

[2] *Агада (др. евр. — рассказ) — часть Талмуда, содержащая басни, притчи, изречения, популяризующие религиозные идеи и заповеди.*

посланником к Фираун и к народу Египта. Мусе были дарованы чудесные знамения: его посох, брошенный на землю, превращался в змею; рука его то белела, словно пораженная проказой, то вновь становилась нормального цвета.

Мусе было приказано отправиться к Фираун и призвать того вернть только в Аллаха, забыть о собственных претензиях на божественность. Муса поначалу отказывался, боялся наказания за прошлое убийство, к тому же он опасался, что не сможет убедить слушателей из-за своего косноязычия. Но ему в помощь был дан его красноречивый брат Харун (Аарон). И вот они предстали перед Фирауном. Чтобы доказать, что их поступками руководит Бог, они продемонстрировали чудесные свойства посоха и руки Мусы. Фираун решил, что Муса — великий волшебник, и собрал против него всех колдунов Египта.

Колдуны бросили на землю свои посохи. Как и у Мусы, они ожили и превратились в змей. Муса бросил свой посох — возникшая из него змея пожрала всех остальных. И тогда колдуны признали, что Муса сильнее их, и уверовали в Аллаха. Фираун же за это их жестоко наказал — кого четвертованием, кого распятием.

Веру Мусы принял его народ: евреи стали поклоняться Аллаху. Фираун их преследовал, истреблял мужчин, оставляя в живых женщин. Он хотел убить и Мусу, но за того вступился некий египетский вельможа, тайно веривший в Аллаха.

Фираун приказал вазиру Хаману построить из глины высокую башню, чтобы подняться по ней на небо и доказать, что там нет никакого Аллаха. Но башня эта, не достигнув небес, развалилась. В наказание за неверие Аллах наслал на Египет семь бед: «тяжелые годы», «уменьшение плодов», «потоп», «саранчу», «насекомых», «жаб», «кровь». Эти «знамения ясные» так испугали Фирауна, что и он согласился отпустить из Египта Мусу с соплеменниками. Но лишь только те двинулись в путь, он пожалел о своем решении и с войском бросился вдогонку. Аллах приказал Мусе не бояться и ударить посохом по воде моря, к которому они подошли. Он ударил, море расступилось, и Муса со своим народом прошли посуху. Войско Фирауна кинулось вслед за ними, но воды сошлись и поглотили его. В последний момент, погибая, гордый Фираун раскаялся в своих прегрешениях, смирился и уверовал в Аллаха. Хотя раскаяние было слишком поздним, Аллах, в назидание будущим поколениям, вернул его тело на берег.

Муса перевел сынов Исраиля — то есть потомков Йакуба (Иакова), чье прозвище было Исраиль,— на землю Синай, а сам поспешил на Синайскую гору, чтобы предстать перед Аллахом. Он просил Аллаха дать увидеть его, но Бог объяснил пророку, что это слишком страшно, вот он явился горе — и она рассыпалась в прах. Мусе оставалось только слышать голос Бога. Были ему ниспосланы тогда скрижали, где написано «всякой вещи увещевание и разъяснение для каждой вещи». Но Аллах сообщил Мусе, что его народ, оставленный им на попечение Харуна, уже отступил от веры.

В гневе Муса вернулся к сородичам и узнал, что они отвернулись от Аллаха и захотели иметь идола. Поддавшись уговорам некоего самаритянина, они сделали мычащего золотого тельца и стали ему поклоняться. Тщетно Харун пытался их образумить.

Муса уничтожил тельца, изгнал самаритянина и повел людей дальше по пустыне. Когда им не хватило воды, он ударил посохом по камню, и из него забило двенадцать источников. В жару Аллах закрывал тучей солнце, когда они хотели есть, посылал им с неба манну и перепелов.

Но «сынам Исраиля» всего этого было мало. Они требовали от Мусы такой пищи, к какой привыкли в Египте: «овощей, кабачков, чесноку, чечевицы и луку» (2:61/58). Они отказались принести в жертву Аллаху корову, требуя точных и подробных указаний о том, какой именно во всех деталях должна быть эта корова. А когда сородичи Мусы подошли к земле обетованной, дарованной им Аллахом, они не стали ее завоевывать из страха перед жившими там великанами. Муса жаловался на них Аллаху, и Бог после смерти Мусы обрек его народ на сорокалетние блуждания по пустыне — только после этого они смогли войти в обещанную (обетованную) им землю.

Таков цикл сказаний о Мусе. Но в Коране есть еще одна легенда, где действует Муса. Однако сюжет ее никак не связан ни с кораническим повествованием о Мусе, ни с библейским рассказом о Моисее. В суре «Пещера», рядом со сказаниями о спящих отроках и о Двурогом (Александре Македонском), без особого зачина вдруг начинается рассказ о том, как Муса сказал своему слуге, что хочет дойти до «места слияния двух морей». И оба действительно туда добираются. В одном месте они забыли на земле припасенную для еды рыбу, а она ожила и уплыла в море. Потому, вернувшись на то место, где они оставили рыбу, они не нашли ее, но встретили некоего «раба из Наших (т. е. Аллаха — **М. П.**) рабов», наделенного от Бога великой мудростью.

Муса попросился стать его спутником, чтобы учиться мудрости. Но тот говорил, что у Мусы не хватит терпения быть с ним, ибо его поступки будут Мусе непонятны. Муса настаивал, обещая быть во всем послушным, и «раб Аллаха» согласился. Условие было такое: ни о чем не спрашивать, пока ему не разъяснят. Муса, однако, обещания не сдержал и всякий раз громко удивлялся странным и неправильным, на его взгляд, поступкам своего наставника.

Они плыли на судне бедных рыбаков. Спутник Мусы продырявил дно. Они встретили мальчика, и спутник Мусы убил его. Когда же они остановились на ночлег в селении, жители которого отказали им в крове и пище, «раб Аллаха» починил там разрушенную стену, не взяв за это никакой платы.

Раздраженный постоянными недоумениями Мусы, «раб Аллаха» расстался с ним, а на прощание объяснил смысл своих поступков. Судно было испорчено, чтобы его не захватил гнавшийся за ними и отбиравший все суда царь-тиран. Убитый мальчик должен был стать неверующим на горе своим благочестивым родителям. После его смерти родители могли просить Аллаха даровать им другого сына, чистого и праведного. Стена в негостеприимном селении принадлежала двум сиротам, сыновьям праведного отца, в стене был клад, предназначенный для них Аллахом. Ее надо было сохранить целой, чтобы, достигнув зрелости, они нашли клад и смогли им воспользоваться. «Не делал я этого по своему решению. Вот объяснение того, чего ты не мог утерпеть» (18:82/81). То есть все, что делал «раб Аллаха», ему было велено делать.

Муса — главный персонаж сур мединского периода[3]. Мухаммед обратился к пророку иудеев тогда, когда отношения с иудеями у него особенно обострились. В Мекке о Мусе тоже рассказывалось много, но тогда, судя по тексту Корана, речь шла о вещах общеизвестных, в основном — о конфликте Мусы с Фирауном. Эта история — в ряду историй об отвергнутых пророках. В коранических текстах мединского периода появляется все больше деталей, свидетельствующих о том, что сведения теперь брались из иудейской среды и общеаравийским знанием не были. Коран как бы демонстрирует глубокое знание иудейских преданий и иудейских священных книг. Все это для того, чтобы показать неблагодарность иудеев, их нестойкость в собственной вере. Они недостойны своего замечательного пророка — вот что хочет сказать Мухаммед. Поэтому в мединский период особое внимание уделяется странствиям по пустыне, неверию и непослушанию спасенного Мусой народа.

Сам Муса в Коране, конечно же,— великий пророк. Он тоже «двойник» Мухаммеда, но есть и иные по сравнению с другими пророками линии сходства. Интересно сопоставить опи-

[3] После хиджры (622 г.) — переселения пророка и первых мусульман в Медину, где сильны были общины иудеев.

сание в Коране того, как был «призван» Муса, с тем, что́ известно о первых откровениях Мухаммеда. В истории Мусы фигурирует куст, в ранних видениях Мухаммеда — дерево. Первое видение Мусы — в священной долине Тува, у Мухаммеда — на почитаемой горе Хира. Откровения у того и у другого начались с приказа — у Мухаммеда: «Читай!», у Мусы: «Скинь сандалии!». Аллах говорит Мусе то же, что и Мухаммеду: ты избран посланником, поклоняйся только мне, наступит день Суда и т. д. Дядя жены пророка Хадиджи Варака успокаивал его после первого откровения тем, что ему явилось то же, что явилось Мусе. И самое главное, что связывало двух пророков,— якобы содержавшееся в писании, полученном Мусой, предсказание о появлении Мухаммеда (7:157/156).

Правда, порой Муса выглядит в чем-то хуже и слабее Мухаммеда. Вот например, свое посланничество он доказывает чудесами на грани фокусов. Мухаммед чудес не творил, отвергал сам принцип испрашивания у Аллаха чудес и главным чудом считал ниспослание Корана. Да и другие пророки, о которых рассказано в Коране, почти не демонстрировали чудес, в отличие от Мусы. Муса в начале жизни совершил преступление, которое Коран расценивает как грех (28:15/14—21/20). Муса стал причиной гибели египтян, приютивших его народ, и это особо подчеркнуто (26:18/17; 28:8/7). Муса не мог выполнять возложенные на него поручения без помощи брата — Харуна, он косноязычен, а порой труслив. Все это в глазах слушателей, конечно, принижало образ Мусы, Мухаммеда же немножко возвышало.

Муса был известен в Аравии и до Мухаммеда — и среди иудеев, и у христиан, и среди язычников. Эпизоды из его жизни есть в аравийской поэзии. Слушатели, видимо, иудеи, требовали от Мухаммеда чудес, подобных тем, что совершал Муса, доказывая свой пророческий сан. Коранический рассказ о Мусе довольно близко передает избранные места библейского повествования (особенно в истории с жертвенной коровой). Иногда без знакомства с библейскими параллелями текст Корана просто непонятен. К примеру, в Библии ясно, что на руке Мусы могла то появляться, то исчезать проказа. Именно это подразумевает Коран, когда сообщает, что рука белеет или темнеет. Однако уже средневековые комментаторы Корана не всегда объясняли это правильно: рассказывали, что Муса был от природы чернокожим, но мог менять цвет своей кожи. Иногда в кораническом предании собраны различные библейские эпизоды. Описание встречи Мусы с девушками в Мадйане, как считают, восходит не только к истории Моисея, но и к подобным описаниям встреч Иакова с Рахилью, Элизера, слуги Авраама, с Ревеккой.

Некоторые важные элементы коранического рассказа о Мусе не имеют прямых параллелей в Библии. Таков мотив спасения тела Фирауна, возможно, он связан с египетским обрядом мумифицирования, известным также и в Аравии. Неясно происхождение фигуры ас-Самири. Возможно, что это не «самаритянин», а искаженное имя какого-то демона. Не исключено, что Коран сохранил следы не дошедшего до нас целиком предания, которое связывало с самаритянами раскол в первой иудейской общине. Есть в предании о Мусе детали, характерные для христианских сказаний. Это особое выделение сестры Мусы (первой Марии для христиан). Это и объяснение убийства Мусой египтянина происками Сатаны (иудейское предание его просто оправдывает). Таким образом, даже в этом кораническом сказании о Мусе, столь тесно связанном с иудейской традицией, собраны детали из разных источников. Вернее — они черпались из того смешанного набора сюжетов и мотивов, которые были общим эпическим достоянием жителей Аравии, к каким бы религиям они себя ни причисляли.

Очень интересна «стратиграфия» рассказа о Мусе и «рабе Аллаха». Его начало — это один из эпизодов популярного на древнем и средневековом Востоке «Романа об Александре» (Македонском), только вместо Александра действует Муса. Александр, сопровождаемый слугой, отправился однажды на поиски источника вечной жизни. Он не опознал волшебный источник, но его свойства открылись благодаря ожившей рыбе. Выпил воду — и стал бессмертным слуга. Истоки этого сюжета глубже, чем роман об Александре, и следы этих древних корней сохранил Коран. Муса идет к «Маджмаа аль-бахрайн» — «месту слияния двух морей»— туда, где соединившиеся Тигр и Евфрат (пресное море) сливаются с Персидским заливом (соленое море). Там же, на Бахрейне, подземные воды Аравии выходят в море, создавая на дне его пресные родники. В представлении жителей древней Месопотамии именно здесь было место вечной жизни. С ними связаны сюжеты многих древних сказаний о поисках бессмертия, в том числе и «Песни о Гильгамеше».

Следующая далее легенда о «божеской мудрости» оказывается едва ли не самой «философской» частью Корана. В ней тоже удается обнаружить следы древнейшей мифологии. Корабль, стена, дом — эти первичные мифологические символы, распространенные на Ближнем Востоке,— складываются в образ потустороннего мира — мира воскресших душ. Связанная с ними идея воскресения мертвых была для Востока, в целом, традиционной. Но Мухаммеду было весьма сложно внушить ее людям. Его соотечественники упрямо отказывались верить в то, что после смерти возможна еще одна жизнь.

Посткоранические сказания помогли установить имя таинственного «раба Аллаха». Это аль-Хадир (Хидр) — мифологическая фигура, вечно живой волшебник, странствующий по миру и оберегающий путников.

Даты указаны по старому и (в скобках) новому стилю.

Мусульманский календарь

СВЯЩЕННЫЙ МЕСЯЦ РАМАДАН

Полон значения для последователей ислама девятый месяц мусульманского календаря рамадан. В этом году начало его — 16 марта, конец 15 апреля. Главное событие рамадана — ниспослание божественного откровения — Корана. Произошло оно в ночь, которая получила название ЛЕЙЛАТ АЛЬ-КАДР, что по-арабски значит ночь решения судьбы, ночь могущества, величия. Этой ночью месяца рамадана 610 года жителю Мекки Мухаммеду явился ангел по имени Джабраил и передал ему волю Аллаха: «Читай!» — сказал он. И Мухаммед произнес первые аяты священной книги. В Коране есть сура «Лейлат аль-кадр» (97-я):

Во имя Аллаха, милостивого,
милосердного!
Мы повелели снизойти Корану в ночь
аль-кадра.
Как объяснить тебе, что значит ночь
аль-кадра?
Дороже тысяч месяцев она.
В ночь эту ангелы и дух
Нисходят с неба с Божьего соизволенья,
Чтобы вершить все повеления Его.
И в эту ночь до появления зари
Мир воцаряется!

(перевод В. Пороховой)

В какую именно ночь священного месяца случилось ниспослание, точно неизвестно. Но отмечают ее обычно с 26 на 27 рамадана: проводят в молитвах и мольбах (желательно в мечети), ибо считается, что именно этой ночью Аллах принимает решение о судьбах людей.

Рамадан — это месяц поста. Есть и пить мусульманину дозволяется только в ночное время: «...Есть и пить дотоле можно вам, пока седая ночь зари не отойдет от черной нити ночи. От сей минуты до захода солнца должны вы пост держать» — так сказано о посте в Коране (сура 2, аят 187; перевод В. Пороховой).

По окончании поста наступает один из двух основных праздников ислама — ид аль-фитр — разговение (по-тюркски — ураза-байрам, шекер-байрам). Но он уже в следующем месяце мусульманского календаря — шаввале, и празднуется три его первых дня. В этом году эти дни 16, 17 и 18 апреля. Общая специальная молитва, праздничная трапеза, раздача милостыни, посещение могил родственников — вот основные черты ид аль-фитра.

Медицинская астрология, или Действие планет и знаков на тело человека

РАФАЭЛЬ

Глава XII

Болезни Марса

Планета Марс является основным виновником лихорадочных и острых заболеваний. Его природа горячая, экспансивная, побуждающая к действию, вызывает всяческие лихорадки, инфекционные и воспалительные болезни, все острые и внезапные болезни от избытка животного тепла, и такие болезни, как фистулы, ожоги, переломы, кровоизлияния и другие.

Когда Марс находится в шестом доме или поражен другой планетой, он может вызвать много внезапных и острых болезней как серьезных, так и нетяжелых в соответствии с силой планеты.

Следующие основные болезни дает Марс при расположении в 12 знаках.

ОВЕН — мозговые лихорадки, инсульты, мозговая закупорка, стригущий лишай, оспа, воспаления глаз.

ТЕЛЕЦ — дифтерия, тонзиллиты, воспаление гортани, камни в желчном пузыре, рожистое воспаление.

БЛИЗНЕЦЫ — бронхиты, воспаление легких, заражение крови, сыпь на руках и плечах.

РАК — желудочные воспаления, желчные расстройства, брюшной тиф, желудочные кровотечения. Женщинам предвещает опасности при родах, родовые горячки, выкидыши.

ЛЕВ — гипертрофия сердца, сердцебиение, малярия, аневризмы, обмороки, плеврит.

ДЕВА — диарея, воспаление кишок, перитонит, холера, грыжа, дизентерия, энтериты.

ВЕСЫ — воспаление почек, боли в поясничной области, склонность к лихорадкам из-за болезней почек.

СКОРПИОН — геморрой, фистулы, венерические болезни, камни в желчном пузыре, подагра, сепсис, у женщин воспаление матки, кровотечения, выкидыши и расстройства менструаций.

СТРЕЛЕЦ — ишиас, язвы на бедрах и ягодицах, лихорадки, воспаление легких, нарывы и болезни ануса.

КОЗЕРОГ — ревматические лихорадки, воспаления коленных суставов, желтуха, дизентерия и воспалительные заболевания кожи.

ВОДОЛЕЙ — варикозные расширения вен на ногах, перемежающаяся лихорадка, отравление крови, язвы на ногах, сердцебиения.

РЫБЫ — туберкулез, опухоли, инфекции, болезни из-за невоздержанности.

Глава XIII

Болезни Юпитера

Хотя Юпитер по природе благоприятен, он тем не менее оказывает отрицательное влияние, когда находится в шестом доме и поражает хилег или асцендент. Он умеренный и предохраняющий, приводит к изменению крови, скоплению жидкостей в виде опухолевых заболеваний или водянки. Он играет особую роль в управлении печенью и вызывает плевриты, нарывы, абсцессы.

Когда Юпитер находится в шестом доме и не поражен — это хорошее здоровье и защита от болезней, в то время как большинство заболеваний, связанных с его влиянием, возникает из-за невоздержанности в диете и т. п.

Ниже перечислены основные болезни Юпитера в зависимости от его положения в знаке.

Продолжение. Начало в № 8—12 1990.

ОВЕН — головокружение, обмороки, приливы крови к голове, закупорка мозга.

ТЕЛЕЦ — подагра, заболевания горла, болезни, вызванные перееданием и злоупотреблением удовольствиями.

БЛИЗНЕЦЫ — плеврит, болезни крови, заболевания легких.

РАК — водянка, несварение желудка, скопление газов, цинга.

ЛЕВ — плевриты, лихорадочное состояние крови, апоплексия, жировая дегенерация сердца, сердцебиение.

ДЕВА — слабость кишечника, заражение крови, болезни печени, абсцессы печени или кишечника, желтуха.

ВЕСЫ — болезни почек, диабет, опухоли в почках, закупорки.

СКОРПИОН — геморрой, мочеполовые болезни, извержение секрета, слизь в моче, абсцессы, водянка.

СТРЕЛЕЦ — боли и отечность ног, подагра, ишиас.

КОЗЕРОГ — экземы и болезни кожи из-за невоздержанности в пище, замедленная циркуляция крови.

ВОДОЛЕЙ — люмбаго, заражение крови, полнокровие.

РЫБЫ — отечность, опухоль, плохое состояние крови.

Глава XIV

Болезни Сатурна

Сатурн — основная планета, вызывающая болезни, по природе холодная и сжимающая. В этом смысле он является противоположностью другим светилам и, когда расположен в шестом доме или поражает хилег или асцендент, он вызывает простудные, затяжные и хронические заболевания.

Основные болезни возникают от холода, депрессии, подавлений и закупорки и включают хронические болезни: ревматизм, подагру, заикание и глухоту, параличи, атрофии, малярию, кожные болезни, туберкулез легких, гангрену и, так как Сатурн является основным управителем костей, все болезни, связанные с ними, такие как окостенение, омертвение и болезни позвоночника.

Следует обращать внимание на его положение в доме. Ниже дается перечень болезней, вызываемых этой планетой в зависимости от знака.

ОВЕН — болезни желудка и печени, простуды головы, зубная боль, церебральные болезни, глухота.

ТЕЛЕЦ — дифтерия, ангина, свинка, утрата голоса, ларингиты, болезни пищевода, глухота.

БЛИЗНЕЦЫ — туберкулез легких, пневмония, бронхиты, ревматизм рук и плечей, болезни дыхательных органов.

РАК — гастриты, пищеварительные и астматические болезни, рак груди, диспепсия, заболевания матки

ЛЕВ — органическая слабость сердца, обморок, желтуха, спинальные болезни, подагра, болезни печени.

ДЕВА — запоры, закупорки кишечника, плохое питание, катары кишечника и колики.

ВЕСЫ — болезни головы и почек, болезни крови, почечные воспаления, задержка мочи, геморрой, фистулы, камни в мочевом пузыре, у женщин — задержки менструаций и болезни матки.

СТРЕЛЕЦ — подагра, ишиас, болезни тазобедренного сустава, туберкулез легких, бронхиты, слабость нервной системы.

КОЗЕРОГ — ревматизм, малярия, болезни кожи, запоры и болезни кишечника, боли и хронические болезни, затрагивающие коленные суставы.

ВОДОЛЕЙ — судорога, анемия, болезни позвоночника, слабая циркуляция крови, болезни глаз, лодыжек и ног.

РЫБЫ — туберкулез легких, катары, подагра, ревматизм, слабые ступни, простудные заболевания из-за промокания ног.

Глава XV

Болезни Урана

Уран оказывает своеобразное влияние на человеческое тело и не вызывает болезней обычного характера.

Он ответствен за внезапные и спазматические болезни, такие как спазмы, судороги, переломы, сужение сосудов и т. п. Он оказывает сильное влияние на нервную систему, особенно на двигательные нервы. Уран в шестом доме вызывает болезни этого характера и затрагивает части тела согласно положению в знаке.

Ниже перечислены основные болезни Урана в 12 знаках.

ОВЕН — спазматические боли в голове, воспаление мозговых оболочек, паралич лицевого нерва.

ТЕЛЕЦ — болезни голосовых связок и двигательных нервов горла.

БЛИЗНЕЦЫ — судороги рук и плеч, астма.

РАК — судороги желудка, рак желудка, умственные иллюзии.

ЛЕВ — спазмы сердца, остановка сердечной деятельности или внезапная смерть.

ДЕВА — спазмы кишечника, дыхательные спазмы.

СКОРПИОН — спазмы мочевого пузыря, рак воспроизводительной системы, деформация матки у женщин.

СТРЕЛЕЦ — судороги ног и бедер, ишиас.

КОЗЕРОГ — судороги в коленях, их деформации.

ВОДОЛЕЙ — истерия, судороги лодыжек, нервные болезни.

РЫБЫ — слабость ступней, судороги ступней и пальцев ног, опухоли на большом пальце ноги.

Продолжение следует

ПАСХА

Каждую весну христиане всего мира празднуют Пасху, Светлое Воскресение Христово, старейшее и известнейшее из христианских церковных торжеств. Всем хорошо знакомы пасхальные обряды: всенощное бдение и крестный ход, печение куличей и крашение яиц, обмен поцелуями — христосование. «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»,— так в пасхальные дни приветствуют друг друга верующие.

Пасха — праздник воскресения Сына Божьего, Иисуса Христа, принявшего мученическую смерть на кресте.

Из легенд и мифов древнего мира известны и другие боги, также воскресавшие весной вместе с пробуждением и расцветом природы: Таммуз древних шумеров, финикийский Аттис, сирийский Адонис. Культ Адониса был одно время популярен и в Древней Греции, а Аттиса — в Римской империи. В жертву весеннему богу приносили в скотоводческих районах первенца из нового приплода скота, а в земледельческих — снопы из только что сжатых колосьев или хлебы, испеченные из зерна нового урожая. У древних евреев, чья культура была очень близка к ассиро-вавилонской. это был праздник опресноков, или мацы — лепешек, наскоро испеченных из пресного теста. Когда библейский Моисей уводил своих собратьев из египетского рабства, они взяли с собой в дорогу именно такие лепешки. В Библии (Исход, 12: 1—27) говорится, что сам Господь Бог повелел евреям в память этого события ежегодно отмечать праздник Пасхи, по-еврейски «Песах».

Имеет ли христианская Пасха что-либо общее с Пасхой иудеев, кроме названия? Да, несомненно. Во всех четырех евангелиях указано (Мф.. 26:2. Мк., 14:1, 15:42 и др.), что казнь Иисуса состоялась в пятницу, за два дня до наступления иудейского праздника Пасхи, а в пасхальную ночь он воскрес, и пришедшие оплакивать умершего увидели, что каменный гроб, куда был положен Иисус по снятии с креста, пуст. Так древний праздник наполнился новым содержанием, связанным со смертью и чудесным воскресением Иисуса Христа.

Пасхальные обряды очень сходны у всех христиан — православных, католиков, протестантов. В них легко различимы отголоски праздника древних скотоводов и земледельцев, приносивших в жертву богам плоды своего труда. На праздничном столе — яйца. окрашенные как бы кровью жертвенных животных (разноцветные писанки появились много позже и мало распространены, основная же окраска пасхальных яиц — именно красная), творожная «пасха», в Финляндии и Эстонии — ячменная каша и пресные ячменные лепешки, кое-где — пасхальная яичница. В разных странах известны свои рецепты пасхальных пирогов и прочих праздничных кушаний.

Наконец, о дне празднования Пасхи. Почему он непостоянен? Ответ мы снова найдем в древней истории. Шумеры, вавилоняне, иудеи, финикийцы, древние греки считали время по лунному календарю: началом каждого месяца служил день новолуния. Весенний праздник первого урожая справляли обычно в день первого весеннего полнолуния. По лунному календарю он всегда приходится на одно и то же число, по нашему же, солнечному,— на разные, и к тому же на разные дни недели. В 325 году Первый Вселенский собор христианской церкви (Никейский собор) постановил праздновать Пасху всегда по воскресеньям, а именно — в первое воскресенье, наступающее после первого весеннего полнолуния, и всегда после 21 марта, дня весеннего равноденствия. В православной церкви расчет пасхальных дат остается с тех пор неизменным; в западной же, католической, в формулу расчета вносились некоторые дополнительные уточнения. Поэтому дата наступления Пасхи в православном и католическом календарях не всегда совпадает.

В этом году еврейская Пасха — 30—31 марта, католическая — 31 марта, православная — 7 апреля.

А. СПИРОВА

Рисунки из чешской средневековой рукописи «Пассионал аббатисы Кунгуты (Кунегунды)», XIII—XIV вв.

Иисус на кресте.

Чудесное воскресение Христа.

КАНОН ПЕРЕМЕН

[№ 45] ЦУЙ. ВОССОЕДИНЕНИЕ.

Свершение. Царь подходит к обладателям храма [то есть к духам предков]. Благоприятно свидание с великим человеком. Свершение. Благоприятна стойкость. Необходимо великое жертвоприношение. [Тогда]— счастье. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. (Если) обладаешь правдой, (но) не до конца, то (может быть) как растерянность, так и воссоединение. Тогда воскликнешь, и все сразу соберутся, и будет смех.— Не бойся. (Если) отправишься, хулы не будет. (II) Шестерка вторая. (Дашь себя) увлечь — (и будет) счастье, и хулы не будет. Будь правдив, тогда благоприятно принести (даже малую) жертву. (III) Шестерка третья. Воссоединение — и вздохи! Ничего благоприятного. (Если) выступишь, хулы не будет, (а будет лишь) небольшое сожаление. (IV) Девятка четвертая. Великое счастье. Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Воссоединение (у того, кто) занимает престол. Хулы не будет. (Если все же) нет правды, (то будь от) начала и вовеки стойким, (тогда) раскаяние исчезнет. (VI) Наверху шестерка. Жалобы и стоны, и слезы до насморка. Хулы не будет.

[№ 46] ШЭН. ПОДЪЕМ.

Изначальное свершение. Благоприятно свидание с великим человеком. Не скорби. Поход на юг — к счастью.

(I) В начале шестерка. Как подобает, поднимайся.— Великое счастье. (II) Девятка вторая. Будь правдив, тогда благоприятно принести (даже малую) жертву. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Поднимешься в пустой город. (IV) Шестерка четвертая. Царю надо проникнуть к горе Ци.— Счастье, хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к счастью. Подъем на ступени. (VI) Наверху шестерка. Скрывающийся из виду подъем.— (Будет) благоприятен (он) от непрерывной стойкости.

[№ 47] КУНЬ. ИСТОЩЕНИЕ.

Свершение. Стойкость. Великому человеку — счастье. Хулы не будет. Будут речи, [но они] не верны.

(I) В начале шестерка. Сидение затруднено на пне. Войдешь в сумрачную долину. Три года не (будешь ничего) видеть. (II) Девятка вторая. Затруднения с вином и с пищей. Внезапно придет (человек в) алом переднике.— Благоприятствует необходимости приносить жертвы. Поход — к несчастью. Хулы не будет. (III) Шестерка третья. Преткнешься о камень и (будешь) держаться на терниях и шипах. Войдешь в свой терем и не увидишь своей жены.— Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Приход медлителен. Затруднишься из-за металлической повозки.— Сожаление. (Но дело) доведешь до конца. (V) Девятка пятая. (Казня), отрежут нос и ноги. Будет трудность от (человека в) красном переднике. Но вот понемногу наступит радость.— Благоприятствует необходимости (возносить) жертвы и моления. (VI) Наверху шестерка. (Будет) затруднение в запутанных зарослях; в неустойчивости воскликнешь: «Движение — к раскаянию». И будет раскаяние.— Но поход — к счастью.

[№ 48] ЦЗИН. КОЛОДЕЦ.

Меняют города, [но] не меняют колодец. [Ничего] не утратишь, [но ничего и] не обретешь. Уйдешь и придешь, [но] колодец [останется] колодцем. [Если] почти достигнешь [воды], но еще не хватит веревки для колодца, [и если] разобьешь свою бадью,— несчастье.

(I) В начале шестерка. В колодце — ил, (им) не напитаешься. При запущенном колодце не будет живности. (II) Девятка вторая. (Вода в) колодце падает, просвечивают рыбы (на дне). Бадья же ветхая, (и она) течет. (III) Девятка третья. Колодец очищен, (но из него) не напитаешься. В этом скорбь моей души: (ведь) можно (было бы) черпать (из него. Если бы) царь (был) просвещен, (то) все получили (бы) свое благополучие. (IV) Шестерка четвертая. Колодец облицован черепицей.— Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Колодец чист, (как) холодный ключ. (Из него) напитаешься. (VI) Наверху шестерка. Из колодца берут (воду), не закрывай его. Обладающему правдой — изначальное счастье.

[№ 49] ГЭ. СМЕНА.

[Если до] последнего дня будешь [полон] правды, [то будет] изначальное свершение, благоприятна стойкость. Раскаяние исчезнет.

(I) В начале девятка. Для защиты примени кожу желтого быка. (II) Шестерка вторая. (Лишь по) окончании дня (производи) смену.— Поход — к счастью. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Поход — к несчастью. Стойкость — опасна. Речь трижды коснется смены (и лишь тогда) будет права. (IV) Девятка четвертая. Раскаяние исчезнет. Обладая правдой, изменишь судьбу.— Счастье. (V) Девятка пятая. Великий человек подвижен, (как) тигр. И до гадания (он уже) обладает правдой. (VI) Наверху шестерка. Благородный человек подвижен, (как) барс, и у ничтожных людей меняются лица.— Поход — к несчастью. Стойкость пребывания на месте — к счастью.

[№ 50] ДИН. ЖЕРТВЕННИК.

Изначальное счастье. Свершение.

(I) В начале шестерка. Жертвенник опрокинут вверх ногами. Благоприятствует изгнанию упадка. Наложницу берут ради ее потомства.— Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Жертвенник наполнен. У моих противников нужда. (Но до) меня (им) не достигнуть.— Счастье. (III) Девятка третья. Ушки жертвенника изменены. В этом действии (будут) препятствия. Жиром фазана не напитаешься. Как только (будет) дождь, (так он и) иссякнет.— Раскаяние. (Но) в конце концов — счастье. (IV) Девятка четвертая. У жертвенника подломилась нога. Опрокинуты жертвы князей, и снаружи он выпачкан.— Несчастье. (V) Шестерка пятая. У жертвенника желтые ушки и золотая дужка.— Благоприятна стойкость. (VI) Наверху девятка. У жертвенника яшмовая дужка.— Великое счастье. Ничего неблагоприятного.

[№ 51] ЧЖЭНЬ. МОЛНИЯ.

Свершение. Молния приходит, [и воскликнешь испуганно]: о! о! [а потом] засмеешься: ха-ха! Молния и пугает за сотни верст, [но она] не приведет к утрате [и] ложки жертвенного вина.

(I) В начале девятка. Молния приходит, (и воскликнешь испуганно): о! о! (а) потом засмеешься: ха-ха! Счастье. (II) Шестерка вторая. (Когда) молния приходит, (она) опасна. (Ты можешь) сто тысяч (раз) утратить (свои) богатства, (но) поднимаешься на девятую высоту.— Не гонись. (Через) семь дней (и так) обретешь. (III) Шестерка третья. От молнии растеряешься. (Но, как) молния, действуй — и не (вызовешь) беды. (IV) Девятка четвертая. Молния попадает в ил. (V) Шестерка пятая. Молния отходит и приходит. Опасно. Хотя бы и в стотысячный (раз пришла), не утратишь уменья действовать. (VI) Наверху шестерка. От молнии потеряешь самообладание

Окончание. Начало в № 2, 3, 1991.

Перевод Ю. К. Щуцкого; сверка с оригиналом, исправление и редактирование А. И. Кобзева.

(и будешь) пугливо озираться вокруг.— Поход — к несчастью. (Если) молния (еще) не касается тебя самого, (а лишь) твоих соседей,— хулы не будет.— (Даже по поводу) брака будут толки.

[№ 52] ䷳ ГЭНЬ. СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ.

[Сосредоточишься на] своей спине. Не воспримешь своего тела. Проходя по своему двору, не заметишь своих людей. Хулы не будет.

(I) В начале шестерка. Сосредоточенность в своих пальцах ног.— Хулы не будет. Благоприятна вечная стойкость. (II) Шестерка вторая. Сосредоточенность в своих икрах. Не спасешь того, за кем следуешь: его сердце невесело. (III) Девятка третья. Остановка в своих бедрах. (Они) отходят от своей поясницы. Ужас опасности охватывает душу. (IV) Шестерка четвертая. Сосредоточенность в своем туловище.— Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Остановка в своих скулах. В речах пусть будет последовательность, и раскаяние исчезнет. (VI) Наверху девятка. Укрепи сосредоточенность.— Счастье.

[№ 53] ䷴ ЦЗЯНЬ. ТЕЧЕНИЕ.

Женщина уходит [к мужу]. Счастье. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Лебедь приближается к берегу. Малому ребенку (страшна) опасность. Будут толки.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Лебедь приближается к скале. В питье и в пище — уравновешенность.— Счастье. (III) Девятка третья. Лебедь приближается к суше. Муж уйдет в поход (и) не вернется. Жена забеременеет, (но) не выносит. Несчастье.— Благоприятно — справиться с разбойниками. (IV) Шестерка четвертая. Лебедь приближается к дереву. Может быть, (он и) достигнет своего сука.— Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Лебедь приближается к холму. Женщина три года не беременеет. В конце концов ничто ее не одолеет.— Счастье. (VI) Наверху девятка. Лебедь приближается к суше. Его перья могут быть применены в обрядах.— Счастье.

[№ 54] ䷵ ГУЙ МЭЙ. НЕВЕСТА.

[В] походе — несчастье. Ничего благоприятного.

(I) В начале девятка. (Если) отправляют невесту, (то)— с сестрицей. (Они — как) хромой, который может наступать.— Поход — к счастью. (II) Девятка вторая. (И) кривой может видеть. Благоприятна стойкость отшельника. (III) Шестерка третья. (Если) отправляют невесту, (то)— со служанками. (Если, не приняв, ее) отправляют назад, (то)— с сестрицей. (IV) Девятка четвертая. (Если в) отправлении невесты будет упущен срок, (то) попозже (ее) отправят.— Будет время. (V) Шестерка пятая. Государь И отправлял невесту. (Но) ее государев наряд не сравнится с блеском наряда её сестрицы. Луна почти в полнолунии.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. Женщина подносит корзину, (но она) не наполнена. Мужчина закалывает барана, (но) крови нет.— Ничего благоприятного.

[№ 55] ䷶ ФЭН. ИЗОБИЛИЕ.

Свершение. Царь приближается к нему. Не беспокойся. Надо солнцу быть в середине [своего пути].

(I) В начале девятка. Встретишь подобного тебе хозяина. Даже если (ты) равен (с ним), хулы не будет. (Если) отправишься, будет награда. (II) Шестерка вторая. Сделаешь обильными свои занавеси (так, что) среди дня увидишь Большую Медведицу. (Если) отправишься, попадешь под сомнение и ненависть. (Если) обладаешь правдой, будь открыт.— Счастье. (III) Девятка третья. Сделаешь обильным свой полог (так, что) среди дня увидишь (неяркую полярную звезду) Алькор. Сломаешь свой правый локоть.— Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. Сделаешь обильными свои занавеси (так, что) среди дня увидишь Большую Медведицу. Встретишь равного тебе хозяина.— Счастье. (V) Шестерка пятая. Придешь с блеском. Будет поддержка и хвала.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. Сделаешь обильным свое жилище. Сделаешь занавеси в своем доме. Взглянешь на свою дверь, и в тиши не будет никого. Три года никого не будешь видеть.— Несчастье.

[№ 56] ䷷ ЛЮЙ. СТРАНСТВИЕ.

Малому — развитие. В странствии стойкость — к счастью.

(I) В начале шестерка. (Если) в странствии (будешь) труслив в мелочах, то благодаря этому накличешь на себя стихийное бедствие. (II) Шестерка вторая. В странствии восстановишь порядок. За пазуху положишь свое состояние и обретешь стойкость слуграбов. (III) Девятка третья. В странствии спалишь этот порядок. Утратишь своих слуг-рабов. Стойкость опасна. (IV) Девятка четвертая. В странствии пребудешь на месте. Обретешь свои денежные средства (на странствие. Но в) собственной душе нет успокоения. (V) Шестерка пятая. Выстрелишь в фазана, и одна стрела погибнет. (Но) в конце концов благодаря этому (будешь) похвален свыше. (VI) Наверху девятка. Птицам спалили их гнезда. Странник сначала смеется, (а) потом (издает) крики и вопли. Утратив быка на площади.— Несчастье.

[№ 57] ䷸ СУНЬ. ПРОНИКНОВЕНИЕ.

Малому — развитие. Благоприятно иметь, куда выступить. Благоприятно свидание с великим человеком.

(I) В начале шестерка. (В) продвижении и отступлении благоприятна стойкость воина. (II) Девятка вторая. Проникновение находится ниже ложа. Применение писцов и волхвов (вызовет) смущение.— Счастье. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Многократное проникновение. — Сожаление. (IV) Шестерка четвертая. Раскаяние исчезнет. На охоте добудешь троякое. (V) Девятка пятая. Стойкость — к счастью. Раскаяние исчезнет. Ничего неблагоприятного. Завершишь и то, что не начато (тобою. Но обдумай это дело) и за три дня, и через три дня.— Счастье. (VI) Наверху девятка. Проникновение находится ниже ложа. Утратишь свои денежные средства (на странствие). — Стойкость — к несчастью.

[№ 58] ䷹ ДУЙ. РАДОСТЬ.

Свершение. Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Радость — от согласия.— Счастье. (II) Девятка вторая. Радость — от правды.— Счастье. Раскаяние исчезнет. (III) Шестерка третья. Радость — от прихода.— Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Радость — от договоренности. (Но) еще нет равенства. (Если же) стороны поспешат, будет веселье. (V) Девятка пятая. (Если) оправдаешь разорителей, (это) будет опасно. (VI) Наверху шестерка. Влекущая радость.

[№ 59] ䷺ ХУАНЬ. РАЗДРОБЛЕНИЕ.

Свершение. Царь приближается к обладателям храма. Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Необходимо спасение. Лошадь сильна.— Счастье. (II) Девятка вторая. При раздроблении беги к своей опоре.— Раскаяние исчезнет. (III) Шестерка третья. Раздробишь свое тело. — Раскаяния не будет. (IV) Шестерка четвертая. Раздробишь свое стадо.— Изначальное счастье. Раздробишь свой холм. (Это) не то, о чем думают варвары. (V) Девятка пятая. При раздроблении выступит пот (от) своих громких воплей. При раздроблении, (как) царь, живи.— Хулы не будет. (VI) Наверху девятка. При раздроблении твоя кровь уйдет. Удались, выйди — и хулы не будет.

[№ 60] ䷻ ЦЗЕ. ОГРАНИЧЕНИЕ.

Свершение. Горе ограничено. [Оно] не может быть стойким.

(I) В начале девятка. Не выйдешь из внутреннего двора.— Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Не выйдешь из внешнего двора.— Несчастье. (III) Шестерка третья. (Если) не (будешь) ограничиваться, то (будет, о чем) вздыхать.— Хулы не будет. (IV) Шес-

терка четвертая. Успокоишься в ограничении.— Свершение. (V) Девятка пятая. Сладкое ограничение.— Счастье. (Если) отправишься, будет награда. (VI) Наверху шестерка. Горькое ограничение.— Стойкость — к несчастью. Раскаяние исчезнет.

[№ 61] ЧЖУН ФУ. ВНУТРЕННЯЯ ПРАВДА.

[Даже] вепрям и рыбам — счастье. Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. (Если будет) соразмерность, (то будет) счастье. (Если отвлечешься) к другому — будет неспокойно. (II) Девятка вторая. Кричащий журавль находится в тени. Его птенцы вторят ему. У меня есть хороший кубок, я разделяю его с тобой. (III) Шестерка третья. Обретешь противника. То забьешь в барабан, то прекратишь, то заплачешь, то запоешь. (IV) Шестерка четвертая. Луна почти в полнолунии. Пара коней погибнет.— Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Обладай правой — (она) объединяет.— Хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Голоса пернатых поднимаются в небо.— Стойкость — к несчастью.

[№ 62] СЯО ГО. ПЕРЕРАЗВИТИЕ МАЛОГО.

Свершение; благоприятна стойкость. Возможны дела малых; невозможны дела великих. От летящей птицы остается [лишь] голос [ее]. Не следует подниматься, следует опускаться. [Тогда будет] великое счастье.

(I) В начале шестерка. Летящая птица, и потому — несчастье. (II) Шестерка вторая. Пройдешь мимо своего праотца и встретишь свою праматерь, не дойдешь до своего государя и встретишь его слугу.— Хулы не будет. (III) Девятка третья. (Если), проходя мимо, не защитишься, (то) кто-нибудь сзади нападет на тебя.— Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Хулы не будет. (Если) не пройдешь мимо, (то) встретишься. Отправление — опасно. Необходимы запреты. Не действуй (с) вечной стойкостью. (V) Шестерка пятая. Плотные тучи — и нет дождя; (они) — с нашей западной окраины. Князь выстрелит и попадет в того, кто в пещере. (VI) Наверху шестерка. Не встретишься и пройдешь мимо. Летящая птица удалится.— Несчастье. Это называется стихийным бедствием и бедой.

[№ 63] ЦЗИ ЦЗИ. УЖЕ КОНЕЦ.

Свершение. Малому — благоприятна стойкость. В начале — счастье; в конце — беспорядок.

(I) В начале девятка. Затормозишь свои колеса — подмочишь свой хвост.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Женщина утратит свой занавес (на колеснице). Не гонись. (Через) семь дней обретешь. (III) Девятка третья. Высокий предок напал на страну бесов и в три года победил ее. Ничтожествам — не действовать. (IV) Шестерка четвертая. Промокнешь. (Ибо) платье в лохмотьях. Запрет до конца дня. (V) Девятка пятая. Бык, убитый у восточных соседей, не сравнится с небольшой жертвой западных соседей. (Если будешь) правдив, поистине получишь свое благополучие. (VI) Наверху шестерка. Промочишь голову.— Ужасная опасность.

[№ 64] ВЭЙ ЦЗИ. ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ.

Свершение. Молодой лис почти переправился, [но] вымочил свой хвост — ничего благоприятного.

(I) В начале шестерка. Подмочишь свой хвост.— Сожаление. (II) Девятка вторая. Затормози свои колеса.— Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Еще не конец.— Поход — к несчастью. Благоприятен брод через великую реку. (IV) Девятка четвертая. Стойкость — к счастью. Раскаяние исчезает. (При) потрясении надо напасть на страну бесов, (и через) три года будет похвала от великого царства. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к счастью. Раскаяния не будет. (Если в) блеске благородного человека будет правда, (то будет) счастье. (VI) Наверху девятка. Обладай правдой, когда пьешь вино. Хулы не будет. (Если) промочишь голову, (то, даже) обладая правдой, потеряешь зту (правду).

ПОБЕДА СИНИХ ЧЕРТЕЙ

Юлнаи Константиновнч Щуцкий, блестящнй востоковед, ученый и поэт... Проделаииая им более полувека тому назад работа по переводу, изученню н истолкованию «И цзин» продолжает оставаться уникальной в СССР н, повиднмому, непревзойденной на Западе. Жизнь автора оборвалась трагнчно, ио его произведение в соответствии с умонепостнжнмым законом иесгораемости рукописей избегло уиичтожеиия и через двадцать с лишиим лет после насильственной гибели своего создателя счастливо увидело свет...

А. КОБЗЕВ,
доктор философских наук

Ю. К. Щуцкий.

Летом 1937 года под Ленинградом на даче адепт тайной секты Синих Чулков фра Щуц, он же Юлиан-отступник, он же студент Чу, он же бывший польский дворянин и будущий японский шпион, а в данное время — антропософ, поэт, художник, музыкант, полиглот, востоковед, доктор филологических наук и советский профессор Юлиан Константинович Щуцкий, занимался сбором малины. Столь приятное занятие было неожиданно прервано появлением официальных представителей секты Синих Чертей, достойных наследников слова и дела секретного союза Голубых Мундиров. Уверенные в своем всемогуществе Синие Черти позволили взятому врасплох Синему Чулку доесть малину и увели в небытие, за которым, однако, вопреки их бесовскому замыслу последовало его бессмертие.

Бытие же одного из крупнейших отечественных синологов Юлиана Константиновича Щуцкого началось за сорок лет до описанного события. Он родился в Екатеринбурге (Свердловске) 10 (23) августа 1897 года в семье лесничего, окончившего Лесную академию в Польше. Мать преподавала французский язык и музыку. Высшее образование Щуцкий получил в Петербурге, куда его семья переехала в 1913 году. В 1915 году он окончил реальное училище («Приют принца Ольденбургского») и поступил в Петроградский политехнический институт на зкономическое отделение, однако в 1917 году оставил его

и перевелся сначала в Практическую восточную академию, а затем через год в Петроградский университет, который окончил в 1922 году по кафедре китаеведения этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук. Он изучал китайский язык под руководством таких корифеев отечественного востоковедения, как В. М. Алексеев (1881—1970), Н. И. Конрад (1891—1970), О. О. Розенберг (1888—1919).

Со студенческой скамьи Щуцкий начал научно-исследовательскую и переводческую деятельность и уже в 1923 году вместе с В. М. Алексеевым опубликовал «Антологию китайской лирики VIII—IX вв.», основанную на его дипломной работе «Антология Тан». Рецензируя это издание в 1924 году, Н. И. Конрад писал: «В нашей популярной синологической литературе книжка Ю. К. Щуцкого — событие несомненно исключительное, ничего равного ей у нас до сих пор еще не было, и можно лишь радоваться за судьбу новой русской синологической школы, обладающей представителем, который сумел так начать свое печатное служение избранному делу»[1]. К 1922 году Щуцкий также осуществил перевод обширного и очень сложного философского трактата даоса-алхимика Гэ Хуна «Баопу-цзы» (III—IV вв.). К сожалению, этот труд ныне утрачен, сохранились лишь пространные замечания о нем В. М. Алексеева.

Будучи еще студентом, Щуцкий в 1920 году начал работать в Азиатском музее АН, где прошел путь от научного сотрудника 3-го разряда до ученого хранителя музея, а затем, после реорганизации в 1930 году музея в Институт востоковедения АН СССР, стал ученым специалистом и с 1933 года ученым секретарем китайского кабинета института. В 1936—1937 годах он сотрудничал в Государственном Эрмитаже. По рекомендации В. М. Алексеева в 1928 году был командирован Академией наук в Японию для приобретения японских и китайских книг и ознакомления с научно-исследовательской деятельностью японских синологов. В Японии он пробыл четыре с половиной месяца.

Щуцкий вел научно-педагогическую и преподавательскую деятельность. Сразу после окончания университета, осенью 1922 года, по рекомендации своего неизменного покровителя Алексеева он был зачислен научным сотрудником 2-го разряда на кафедру китайской филологии Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при Петроградском университете. Право это он завоевал статьей «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы», позднее напечатанной в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР» (1928), и на основании более чем благожелательной докладной записки Алексеева Щуцкий в 1924 году прошел квалификационную комиссию, получив право на преподавание китаеведных дисциплин в вузах в качестве доцента. С этого времени он вел различные синологические курсы как теоретического, так и практического характера в Ленинградском университете, Ленинградском институте истории, философии и лингвистики, Ленинградском институте живых восточных языков (Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе). В соответствии со своей основной научной специализацией Щуцкий преподавал главным образом историю китайской философии и китайский язык.

Являясь прирожденным полиглотом и постоянно занимаясь самообразованием, он постепенно овладел практически всем спектром языков, связанных с китайской иероглификой, не говоря уже об основных европейских языках. Ему был доступен весьма широкий лингвистический круг: китайский, японский, корейский, вьетский (аннамский), маньчжурский, бирманский, сиамский (тай), бенгальский (бенгали), хиндустани, санскрит, арабский, древнееврейский, немецкий, французский, английский, польский, голландский и латынь. Не получив возможности побывать в Китае, но в совершенстве зная пекинский диалект китайского языка, ученый также овладел гуанчжоуским (кантонским, или южнокитайским) диалектом. Впервые в отечественном востоковедении он ввел преподавание гуанчжоуского диалекта и вьетнамского языка, создав для последнего учебник (1934). Совместно с Б. А. Васильевым (1899—1946), другим выдающимся учеником В. М. Алексеева, позднее репрессированным, он в том же году написал также учебник китайского языка (байхуа). Щуцкий входил в состав временной комиссии по латинизации китайской письменности при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита и постоянно участвовал в работе группы по изучению синтаксиса в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания. Наиболее значительным результатом его лингвистических изысканий стала статья «Следы стадиальности в китайской иероглифике» (1932).

11 февраля 1935 года ученый получил звание профессора. Сохранилось написанное по этому поводу в октябре 1934 года представление академика Алексеева. В феврале 1935 года В. М. Алексеев также составил опубликованную ныне «Записку о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого», в которой предлагал увенчать его ученой степенью доктора востоковедных наук honoris capsa[2]. Это предложение не было реализовано, однако 15 июня 1935 года Щуцкий удостоился степени кандидата языкознания без защиты диссертации.

3 июня 1937 года в качестве докторской диссертации он с блеском защитил законченную за два года до этого монографию «Китайская классическая «Книга перемен». Исследование, перевод текста и приложения», официальный отзыв на которую дал все тот же Алексеев. Эта глубокая и скрупулезная рецензия, также ныне опубликованная в собрании статей и документов Алексеева «Наука о Востоке», представляет самостоятельный научный интерес и является ценным дополнением к изучению научной деятельности Щуцкого. Вторым официальным оппонентом был член-корреспондент (позднее — действительный член) АН СССР Н. И. Конрад, чья высокая оценка данной работы детально отражена в его предисловии к труду Щуцкого, изданному в 1960 году.

В своем предисловии, увидевшем свет через 20 с лишним лет после описываемых событий, Н. И. Конрад, также хлебнувший лиха в сталинских застенках, нарисовал довольно идиллическую картину: «Ю. К. Щуцкого действительно все дороги вели к «И цзину», и он стал склоняться к мысли приступить к специальному изучению и переводу этого памятника. Мы, коллеги Ю. К. Щуцкого по изучению Китая, единодушно поддерживали его. Мы полагали, что к «И цзину» его ведет неумолимая логика его собственного научного развития, а кроме того, мы все — и те, кто работал над китайской художественной литературой, и те, кто изучал исторические памятники,— постоянно сталкивались с «И цзином» — то в виде цитаты, то в виде отдельных понятий и образов, то в форме отзвука какой-либо ицзиновской мысли... Надо было кому-то работу над «И цзином» проделать, и Ю. К. Щуцкого мы считали наиболее подготовленным к этому. В такой обстановке Ю. К. Щуцкий и принял решение приступить к «И цзину»»[3].

Совершенно иное описание обстановки вокруг исследования Щуцкого представил в своем официальном отзыве 1937 года В. М. Алексеев: «Сама инициатива этой работы встретилась с неисчислимыми трудностями, от которых — смею это заявить хотя бы от своего лица — всякий из нас в ужасе бы отступил. Например, в бессилии сражаться с наивными людьми, принимающими исследователя и переводчика за соавтора и злостно приписывающими ему, **невзирая на анахронизм**, все, что есть в оригинале. Для этих людей написать пасквиль на «И цзин» есть научная работа более достойная, чем научное объективное исследование этой книги, и Вы (Ю. К. Щуцкий. — А. К.) подвергались нареканиям и даже форменным гонениям за эту работу задолго до приведения ее в готовый вид. Толпа обскурантов ИВ АН

(Института востоковедения Академии наук. — А. К.) решила отнять у Вас решимость закончить исследование этого крупнейшего памятника дальневосточной Азии, и даже мое представление о присуждении Вам докторской степени без защиты диссертации ввиду хотя бы трудностей, связанных с оппозицией Вам, было с негодованием запихано в дальний угол ящика, где и лежало без движения, хотя адресовано было не этому ящику, а высшей академической инстанции (вот что делает ведомственная субординация!). Мои отзывы о Вашей работе уничтожались! Просто!

Гонения на Вас и Вашу работу воспроизводят в точности (тем более, что кое-кто из участников гонения был в той и этой конъюнктуре) гонения на меня в 1913 году, когда в моем курсе о Лао-цзы и «Дао дэ цзине», усмотрели «атомистическую теорию на футуристическом языке», подали жалобу Н. Я. Марру (декану) — и курс был упразднен»[4].

После защиты диссертации рукопись Щуцкого поступила для публикации в Ленинградское отделение Издательства АН СССР, где ее редактором должен был стать работавший там тогда Д. С. Лихачев. Однако 3 августа 1937 года в поселке Питкелово Ленинградской области Щуцкий был арестован, а затем осужден как «японский шпион» на 10 лет лагерей без права переписки. Поводом послужили его пребывание в Японии (1928), контакты с японскими учеными и публикация научной статьи на китайском языке в японском журнале (1934). В справке о посмертной реабилитации последним годом жизни указан 1946 год, в «Библиографическом словаре советских востоковедов» — 1941 год[5]. Однако, судя по формуле приговора, Щуцкий был расстрелян в 1937 или 1938 году[6].

Рукопись монографии Щуцкого 28 ноября 1937 года была возвращена из издательства в Институт востоковедения АН СССР (ныне — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) по запросу его ученого секретаря. В архиве института она, в отличие от основной части рукописного наследия трагически погибшего ученого, благополучно пролежала до конца 50-х годов. В 1960 году после реабилитации автора и благодаря усилиям Конрада, выступившего в качестве редактора монографии, она была опубликована, сразу получила высокую оценку научной общественности и стала одной из вершин отечественного китаеведения.

Уже через полгода после выхода в свет «Китайской классической «Книги перемен» компетентный рецензент писал, что «без всякого преувеличения работу Ю. К. Щуцкого можно назвать научным подвигом и достижением культуры в самом широком смысле слова»[7]. В другой рецензии, появившейся в 1963 году, отмечалось, что «до Щуцкого никто из европейцев не сделал и попытки приступить к решению столь исключительно сложной задачи», его работы также признавались «настоящим научным подвигом»[8]. По прошествии нескольких лет еще решительнее высказался В. Г. Буров, назвавший труд Щуцкого «фундаментальным исследованием, равного которому нет в европейской синологии»[9]. В 1979 году книга Щуцкого была переведена на английский язык и издана видными специалистами (в частности, Х. Вильхельмом сначала в США, а затем в Англии), что явилось свидетельством международного признания ее большой научной значимости. Это особенно впечатляет, поскольку речь идет о произведении, написанном почти за полвека до этого. В рецензии на английский перевод, опубликованный одним из центральных востоковедных журналов Запада, работа Щуцкого была названа «экстраординарной», а сам автор «проявившим замечательный аналитический талант»[10].

Среди дошедших до нас научных трудов Щуцкого монографии о «Книге перемен» («Канон перемен»)[11], несомненно, принадлежит первое и особое место. Вторым по значению следует признать цикл его работ о даосизме: «Даос в буддизме» (1927), «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы» (1928), статья о Ду Гуантине (1934), рецензия на книгу Б. Бельпэра «Даосизм и Ли Бо» (1935). Известно также, что Щуцкий составил иероглифические указатели к фундаментальным даосским трактатам «Юнь цзи ци цянь» («Семь ящиков облачной литературы», XI в.) и «Дао дэ цзин» («Канон пути и благодати», V—IV вв. до н. э.) в 1928 и 1936 годах соответственно. Ценный вклад в знакомство русскоязычного читателя с китайской классической поэзией внес он своими прекрасными переводами.

Щуцкий был высокоодаренной личностью, наделенной как экстраординарными научными способностями, так и большим художественным талантом, прежде всего в области музыки, живописи и поэзии. Научные и художественные искания ученого определялись единой мировоззренческой установкой, которая хорошо выражена им самим в автобиографическом «Жизнеописании», сделанном в 1935 году, по просьбе Алексеева. Очевидное достоинство философских взглядов Щуцкого — стремление к целостному гуманистическому знанию, включающему в себя высшие духовные достижения различных культур. При таком подходе исследование «Книги перемен» составляло для Щуцкого не только и даже не столько историко-культурную, сколько культурно-созидательную и духовную задачу.

Научный и жизненный путь ученого был усыпан многими терниями, но и украшен творческим общением с рядом выдающихся людей. Один из первых среди них — Алексеев, всегда оказывавший своему лучшему ученику всяческую поддержку и неизменно отзывавшийся о нем в превосходных степенях, даже во времена, когда это можно было делать лишь косвенно, не называя имени[12]. О замечательной интеллектуально-игровой атмосфере, царившей в кругу В. М. Алексеева — Малаке, то есть Малой академии, и особенно контрастировавшей с начинавшимся тогда умственным одичанием, живо свидетельствуют воспоминания дочери академика, М. В. Баньковской[13]. В Малаке Щуцкого называли разными шутливыми именами: фра Щуц, Юлиан-отступник, студент Чу (Чу — его китаизированная фамилия, под которой он издал статью о Ду Гуантине). Баньковская приводит следующий стихотворный портрет Щуцкого, принадлежащий перу Алексеева:

Он брит, щек шели — мат.
Глаз мал — взгляд так остр...
Фра Щуц средь нас монстр:
Гэ Хун был им смят.

В тех же воспоминаниях воспроизведена еще одна, прозаическая пародия Алексеева (1928), в которой он, используя свой стиль перевода новелл Пу Сунлина, создал, на наш взгляд, яркий образ Юлиана Константиновича. В юмористическом гротеске этой миниатюры его характерные черты и таланты (в музыке, каллиграфии, гравировальном искусстве и др.) выделены с графической резкостью, поэтому мы считаем уместным привести его в нашем кратком рассказе о Щуцком (определением «лысый» В. М. Алексеев намекает на самого себя; хэшан — монах, цинь — музыкальный инструмент, ханьский — китайский, цилинь — благовещий единорог).

Студент Чу

Студент Чу родился весь в гриве: копным-копной налипли кружки волос... Мать считала это неблаговещим. Как раз зашел хэшан, посмотрел и блеснул зубами. Сказал: «Твой сын будет учиться у лысого». Тогда успокоилась.

Чу был человек неистовый. В возрасте «слабой шапки» схватывал, бывало, в руки инструмент вроде цинь, но вышиной сажени в две и начинал безумно водить огромным луком по натянутым канатам. На дворе выли псы, слетались кричащие вороны.

Потом Чу научился где-то писать ханьские знаки. Пришел раз домой, взял швабру, окунул ее во что-то такое-этакое и давай писать: вмиг потолок и стены покрылись, как говорится, «следами». На пол — кап-кап-трр! — текли слюни вдохновленного.

Чу зиал толк в гравюре. Брал у сапожиика иож и иачииал крутить по бесчувствеииому дереву... Крах-крах!.. слышали все вокруг, ио подходить боялись: Чу был силеи и крепок. Одии раз иагравировал бессмертиого. Сделал три слоя, как в слоеиом пирожке,— глядевшие ие могли раскусить, в чем дело. Тогда Чу с размаху всадил в последний пирожок свой иож, рваиул раз, рваиул два — а глаза уже сияли. Стоявшие разииали скулы.

Чу читал хорошо: много помиил, хорошо толковал. Одиако порой приходил в раж, брал слово иа язык и иосился как ураган, таицуя, как ои сам говорил: «вихрь», и все объясиял слушавшим и иеслушавшим через зто слово. Оказывалось, что иинь — это чериильиица, часы, иожиицы и изумруд, а ли — это Исакий, Кроиштадт, Алексаидрия. Слушавшие дивились. Одиако ругать ие смели: Чу умел доказывать твердо.

Чу предался тайиой секте Сииих Чулков. Бывало, с безумиым взором иадеиет сиииий чулок и бормочет заклииаиия. У соседа была дочь, у которой давио уже пропал сиииий чулок. Вот как-то раз сосед, увидев, что в комиате Чу рычит и гудит сиииий чулок, испугался и сообщил иачальству. Разрезали чулок, повели студента, сто раз отпирался — ие помогло. Тогда Чу потребовал у красившего стеиы маляра кисть и иаписал стихи: «Сииь-сииеи иебо-лазурь, глубоко — ах, ие сказать. Чист-чистым Чу-человек, держащий его — лишь черт».

Чиновиик испугался: ои сам был в секте Сииих Чертей, а иа «дороге стоявшие» ие одобряли. Отпустил студеита.

Послесловие рассказчика: Сииий бессмертный, сииий чулок, сииее иебо — как все это в одиом Чу слилось! А грива-то косматая с рожденья! Кто видел цилиия, тот может тайио поиять первороHowever ждеиие Чу.

Вы, иыиешиие! Жутко![14]

Образом секты Синих Чулков В. М. Алексеев, по всей вероятности, намекал на антропософские увлечения своего ученика и соответствующий круг его общения, что с достаточной откровенностью изложено самим Щуцким в его «Жизнеописании». Столкновение Синих Чулков с Синими Чертями в 1928 году еще могло представляться юмористически, и Алексеев описал его благополучное разрешение. Однако поразительным пророческим диссонансом этому счастливому концу звучит последняя фраза: «Вы, нынешние! Жутко!» Жуткая победа Синих Чертей над Синими Чулками уже была предопределена.

Как явствует из «Жизнеописания», и сам Ю. К. Щуцкий осознавал, что середина 30-х годов XX века ознаменуется началом новой мировой катастрофы. Однако это пропредчувствие ничуть не снизило высокую интенсивность его духовных устремлений, поскольку в конечном счете они были направлены на преодоление смерти. Дошедшие до нас результаты этих усилий свидетельствуют о том, что они не были безнадежны.

---

[1] Коирад Н. И. Избраииые труды. Сииология. М., 1977. С. 587.

[2] Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 93.

[3] Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемеи». М., 1960. С. 6.

[4] Алексеев В. М. Указ. соч. С. 371—372.

[5] См.: Милибаид С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 622.

[6] В соответствии с указаииыми источииками в литературе фигурируют три даты гибели Ю. К. Щуцкого: 1946 г. (Петров 8. В. Указатель имеи // 8. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982. С. 506), 1941 г. (Григорьева Т. П. Япоиская художествеииая традиция. М., 1979. С. 366), 193В г. (Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 307, примеч. 144).

[7] Рубии В. А. Рец. иа: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемеи» // Вестиик древией истории. 1961, № 3. С. 316.

[8] См. также: Быков Ф. С. Рец. иа: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемеи» // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С. 213—216.

[9] Буров 8. Г. Изучеиие китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 196В. С. 99.

[10] Hoodock J. Rew.: Shchutskii J. Researches of the I. Ching // Philosophy East and West. — Honolulu, 1981. Vol. 31 № 4. P. 551.

[11] Об зтом памятиике см.: Проблемы Дальиего Востока. 19В9, № 3.

[12] См., иапример: Алексеев 8. М. Указ. соч. С. 114—160; 402—40В.

[13] Баиьковская М. В. Малак — литературиые вечера востоковедов. 20-е годы // Традициоииая культура Китая. М., 1983. С. 123.

[14] Цит. по: Баиьковская М. В. Указ. соч. С. 123—124.

РЕПОРТАЖ О ПРИЗРАКАХ,

или Полтергейст в российской глубинке

Начало на с. 10

кую форму. Вскоре зта форма, которая продолжает сгущаться, прннимает облик субъекта: это его двойиик, его призрак, который всегда стонт по левую его сторону, иногда иемиого впереди. Контуры более илн меиее ясные, особеино в верхией части, которая значительно деятельиее нижней».

Помию необыкновенное состояиие, охватившее меня, когда я впервые прочитал зтн строкн. Я встал и подошел к окиу. Был яркий, солнечиый день.

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела иа меня,
И нестерпимая тоска разъедииеиья
Произила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

Призрак — пусть так. Но какое зто нмеет отиошеине к полтергейсту?

«Я хочу послать прнзрак моего субъекта к другому человеку»,— сообщает Дюрвилль. И — отдает прнказ. И призрак — выполняет.

4 апреля 1909 года, 17 часов. «...как только прнзрак достаточно сгустился, он сам направляется к концу стола и возвещает о своем присутствии легкнмн звукамн вроде прежних коротких ударов. По временам мы слышнм звуки, которые делаются все громче н громче. Спустя полчаса раздается громкнй стук на столе, как бы от удара кулаком, н мы все слышнм скольжение, какое бывает, когда стол двигается».

22 апреля 1909 года, 21 час. «...иеожиданио призрак бросается к столу и опрокидывает ящнк и маленькую колонку на столе. Маленькая колонка даже брошена в сторону, почтн на 80 сантиметров от стола».

Не напомниает ли изложенное полтергейстные «штучкн»?

«Призрак обладает всеми свойствамн иормальиого человека,— резюмнрует Дюрвилль,— а также н другнмн, которые не могут проявляться сквозь его слишком стесннтельную физнческую оболочку. Это замечается в большинстве опытов».

Не объясняет лн это известиую «разумность» полтергейстных проявлений?

— Не может быть! — воскликиет скептнк. — Чушь! Сказки! Выдумкн!

Газета «Труд» от 3 октября 1990 года. Цнтнрую:

«Можно допустить, что прн определенных условиях зтот знергетическнй сгусток может покидать на время тело человека. Президент французской ассоцнацнн парапсихологов Бернард Лаиселот рассказал в правленни Союза научных н ниженерных обществ СССР о том, что нх группе во время зкспернментов удалось с помощью гипноза ввестн нспытуемых в особое состояние, прн котором фиксnровалось отделение... знергетнческого двойннка. Проснувшнсь, этот человек подробно описывал путешествие своего двойннка, говорил, что вндел самого себя со стороны».

А еслн так, то сколь обязательно в полтергейсте участие душ нменно мертвых людей? Может быть, полтергейст является «творчеством» людей живых?

— Допустнм, что зто так,— возможно, последует вопрос,— но ведь тогда для обеспечеиия буйств «расшумевшегося духа» никак не возможио обойтись без лнца постороннего — гипиотизера илн магиетнзера?

Замечанне справедлнвое. А ответ ошеломляющнй: в том-то н дело, что — можно!

Окончанне следует.

Музей эзотерической живописи

Ведущая к освобождению

Картина, воспроизведенная на 1-й странице обложки, посвящена богине Лакшми — супруге Бога Вишну, Охранителя мира. В индуистском пантеоне этот бог представляет вторую ипостась Пресвятой Троицы — Тримурти, олицетворяет магнетический аспект Любви — мудрости Слова — Логоса. Лакшми — это корень Вишну или его женственная сила — Кундалини. Иначе говоря, она — держательница энергетической сферы, в которой существует их пара. Она, подобно земной женехозяйке, обеспечивает интенсивность бытия своего супруга на его собственном плане. Ее можно определить как хранительницу генетического кода этой формы Божественной Жизни. На земле она выполняет функции Богородицы, взращивая духовное начало в тех, кто отдан и предан этой форме Божественности. Лакшми — самая богатая женщина во Вселенной — если богатством называть колоссальные запасы энергии, которыми она располагает для исполнения своей космической миссии. Ее бесконечный покой закодирован в символе зеркальной глади океана. Этот покой — необходимое условие ее медитации, посредством которой она взращивает Божественность в душах ведомых ею человеческих существ.

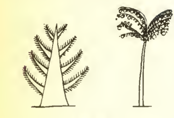
Именно Лакшми приводит своих последователей к окончательному освобождению от новых воплощений — к Паринирване. Поэтому суть медитации Лакшми в том, что семь аспектов или принципов ее бытия — семь лотосов — оказывают инициирующее воздействие на различные царства Космической Иерархии с целью рождения и охранения их обитателей.

Лакшми — источник жизни, более того — сама жизнь. В ней блаженство энергетической полноты бытия. Она — суть всего проявленного, поэтому Богиня таинственным образом замыкает кольцо, соединяющее наивысший венец Духа с плотным материальным планом, утверждая тем самым Бессмертие в мире.

А. РЕКУНЕНКО

ТАЙНОВЕДЕНИЕ

КАКОЕ ВЫ ДЕРЕВО?



Напоминаем смысл гороскопа древних жрецов Северной Европы — друидов: люди и растения родственны. Дерево или кустарник могут быть покровителями человека, а через свойства растений можно определить глубинные свойства людей.

РЯБИНА
1 — 10 апреля
4 — 13 октября

У людей рябины веселье и элегантность ткутся из повышенного самоконтроля. И в этом причина того, что с ними легко и удобно. Они творят в себе приветливость, обязательность и непосредственность. Парадоксально, но чем сложнее обстоятельства, обступающие их, тем щедрее к окружающим рябиновые люди.

Трудно догадаться о тех внутренних переживаниях, которые порождает свойственный рябиновым людям комплекс вины. Мало кто умеет так винить себя, и только себя, как люди-рябины.

Зимой рябина — корм и праздник. И к трудностям исподволь готовятся люди рябины. Практичность ли это? Скорее иначе, знание своего места в системе мироздания. И простота кажущаяся.

В личных и деловых отношениях окружающих привлекает в «рябинах» спокойствие и терпимость к приключениям ближних. Общительность в равной мере и осложняет, и упрощает жизнь рябиновых людей.

Тайна правильного восхищает.

КЛЕН
11 — 20 апреля
14 — 23 октября

Если скажешь «плохой» — ошибешься, скажешь «хороший» — ошибешься: кленовые люди всегда интересны. Они привлекают экспериментаторством и экстравагантностью. Чуть-чуть нерешительны и чуть-чуть слабы. Но там, где встречают откровенность, они блистательны, оригинальны. Клены чуть-чуть прожектеры, но их планы интересны и говорят об оригинальном вкусе и мышлении.

Кленовые люди не знают одиночества, но знают вкус индивидуализма. Это — каскадирующее творчество. И нежность. Так у них в любви и в работе.

Сложные, многосторонние люди. И хотя создается впечатление, что взгляд их почти всегда направлен вовне, как ни у кого другого, видение кленовых людей захватывает и внешний и внутренний мир почти одновременно.

Игры для кленовых людей важнее участников. Они пленены игрою...

ОРЕХ
21 — 30 апреля
24 октября — 2 ноября

Люди орехового знака резки и знают цену себе. Им чужда простота и естественность. В каждом движении такого человека — пристальный взгляд и оценка. Ореховый человек не смел, не решителен и не дерзновенен, но именно эти отрицательные свойства порождают удивительные достоинства в тех же самых людях. Их решения неожиданны и непредсказуемы. Им нравится усложнять ситуацию. Отсюда исключительная приверженность особого рода красоте и умение подчинять своей воле.

Изящность и прочность удивительным образом сочетаются в ореховых людях. Таковы они в любви и делах.

Их принимают за капризных и своенравных, так оно и есть. Однако, что поделаешь, они борятся с собой, согласно своим эстетическим меркам.

«ВАЖНЕЕ ВСЕГО — ЛЮБОВЬ...»

Елена АНДРЕЕВА

Икона чудотворца Ивана Рильского.
Монах-отшельник (IX—X вв.), согласно легендам, обладал необыкновенными способностями к целительству, излечивая одним прикосновением руки. Рука святого в качестве священной реликвии бережно сохраняется в Рильском монастыре. До официальной канонизации целитель был признан святым болгарским народом.

Произнося эти слова, он явно жалел своего собеседника, человека хорошего, но неверующего, а, значит, по его мнению, не способного постичь высшие истины, открывшиеся ему самому. Анатолий, так звали переводчика, любил рассказывать о необыкновенном монахе, свободно владеющем многими иностранными языками, в том числе и русским, прекрасно знающем литературу и живопись многих стран, пишущем стихи и на русском тоже,— несколько старомодном, витиеватом, но торжественном и правильном.

Неспешной поступью настоятель пересек вымощенный булыжником монастырский двор, миновал взятый в трубу, оправленный камнем родник с кованым ковшом на цепи, и прошествовал к храму, расписанному снаружи яркими фресками. От непогоды их укрывала внешняя галерея. На ней низенький сморщенный монах рассказывал всем, кто желал слушать, о змиях и дивах, грешниках и аде... Вокруг него собралась толпа. При виде настоятеля он замолчал, почтительно склонил голову.

Осмотрев храм, мы отправились в келью легендарного Паисия Хилендарского, где все выглядело так, как было в те далекие годы, когда монах-бунтарь создавал свое «крамольное» произведение. Сегодня кажется странным, что новая азбука трудно входила в жизнь, что ее приверженцев жестоко преследовали...

А потом мы долго беседовали в покоях настоятеля о вещах самых разных — религии, литературе, нравственности. Мой московский друг недавно вернулся из Германии, его интерес к религии во многом был вызван этой поездкой. Он сказал:

— Некоторые священнослужители на Западе утверждают, что страдания не угодны богу, что болезнь — грех,— и он замолчал, видимо, подыскивая слова.

— Вы хотите узнать мое мнение? — пришел ему на помощь настоятель. — Совершенно не согласен! Страдания неизбежны, они — двигатель жизни. Но важнее всего — любовь. С ней вынесешь любое страдание, любой труд.

— Но ведь в жизни чаще всего шишки валятся на того, кто меньше всего заслуживает наказания, кому нечего искупать страданием!

— В этом суть христианства. За грехи людей пострадал самый невинный. Христос молил Всевышнего пощадить Его, но Бог рассудил иначе.

— Что ж, вы вправе иметь такие суждения. А нам еще предстоит изучать религию предков, их веру, тысячелетнюю нашу культуру, истоки...

— Я понял, что это и привело вас сюда.

— Удивительное место! Удивительные судьбы. Какой гигант Паисий Хилендарский! Мощные корни питают нашу дружбу. Не кто-нибудь, а именно Россия восприняла азбуку Кирилла и Мефодия, дала ей размах и крылья, влила в нее могучую силу! — гость смутился, ему показалось, что слова прозвучали высокопарно, но он не знал, как иначе выразить чувства...

Представьте себе, как была я удивлена и взволнована, когда через год после встречи с отцом Мефодием получила от него написанное по-русски письмо. Это был отклик на мою первую поэтическую книгу «Под звездами Балканскими». На бланке с крестом и грифом «Рильская святая обитель. Игумен», было написано: «Глубокочтимая Елена Ивановна, дорогая наша Аленушка! Большое спасибо за чудные стихи! Ваши стихи не просто слова, но каждый стих — это полнота чувств, глубина мыслей, переживаний нежной души. Это— Ваша поэтическая биография, откровение Вашего мира душевного... Вам еще много писать под звездами и Балканскими, и Русскими, и другими. Много лет Вам жизни и творчества!.. С большим сердечным приветом Архимандрит Мефодий».

Наверное, кого-то смутит, что привожу это письмо, где столько похвал начинающему поэту. В письме их больше, они — от большой души отца Мефодия, от его веры в человека.

Письмо это стало для меня напутствием — как раз тогда задавалась вопросом — могу ли, имею ли право обнажать душу, раскрывать себя перед людьми. После этого письма постигла и навсегда приняла истину — только биография души питает поэзию. Отец Мефодий невольно стал моим первым наставником. Его напутствие не избавило меня от горьких разочарований в литературной моей жизни, но оно помогло мне почувствовать, как важно Слово правдивое, а еще я осознала, что только в доброте должны рождаться стихи, злое же слово, даже сказанное гениально, способно посеять только зло, разрушать, а не созидать. Для себя решила: если утрачу доброту — откажусь от литературы. В тяжкие минуты я перечитывала письмо архимандрита, и оно заставляло меня быть терпимой к друзьям и близким, не ожесточаться и не соблазняться местью, если приходили обиды.

...С отцом Мефодием мне довелось встречаться еще не раз. Однажды он вынул из ларца стопку отпечатанных на машинке листочков и протянул мне несколько из них, попросив прочитать их позднее. Это были написанные по-русски его собственные стихи. Я знала, что отец Мефодий долго жил в Москве как представитель Болгарской церкви, любит нашу страну, хорошо знает ее, но эти строки о России родились задолго до знакомства с ней:

Ты — Родина моя вторая,
но первая моя любовь!..

Мне не доводилось встречать признания более проникновенного...

Начало статьи на 2-й странице обложки.

ПЕРВЫЙ РЮРИК — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Андрей НИКИТИН

Фигура Рюрика, первого новгородского князя, с вокняжения которого летописец начинает изложение собственно русской истории, всегда была окружена ореолом загадок. Сама летопись сообщает о нем ничтожно мало, к тому же разные ее списки противоречат друг другу в весьма существенных деталях. Так, по-видимому, можно считать верным, что Рюрик был иноземцем «из-за моря», и нужен был пригласившим его словенам и остальным племенам не для «устроения» государственного, а для конкретной защиты от нападений «варягов». Заключение подобного контракта между предводителем крупной шайки разбойников-профессионалов, нанимавшихся на службу городу или округе за известную плату на договорных условиях и, что очень важно, на сравнительно короткий срок, было обычным в эпоху, о которой идет речь.

Последнее стоит подчеркнуть, потому что, как я постараюсь показать ниже, попытки привязать события ранней русской истории к жесткой хронологической сетке — всего только домыслы позднего летописца, имевшего перед собой текст не дошедшего до нас историко-художественного произведения, откуда он черпал факты и имена. Вот почему указание на 862 год («В лето 6370...») — не более, чем формальный прием, поскольку для установления действительной хронологии событий мы не располагаем никакими достоверными данными.

Такой скептицизм подтверждается и последующим летописным текстом. Если в Лаврентьевском, Троицком и Новгородском Первом списках летописи сообщается, что Рюрик пришел со своими братьями, Синеусом и Трувором, «и родами своими», т. е. с семьями, после чего сел сам в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске, то в других списках мы находим несколько иную версию. Так в Радзивиловском, Ипатьевском, в Летописце Переяславля-Суздальского оказывается, что Рюрик с братьями пришли не ко всем перечисленным в первом случае племенам — «чуди, веси, мери, кривичам и словенам», а лишь к словенам, в земле которых поставили город Ладогу. Там, в Ладоге, и «осел» Рюрик. И лишь после смерти братьев — в Изборске и на Белоозере — он отправился к Ильменю и заложил Новгород.

С историко-географической точки зрения подобная «дислокация» братьев Рюрика вполне объяснима. Изборск был самым западным форпостом псково-новгородских земель, а по Белому озеру проходила важнейшая ветвь Великого Восточного пути из Балтийского моря на Каспий и в Среднюю Азию, что хорошо подтверждается археологическими находками. Только вот были ли у Рюрика братья? Сомнение в их существовании вызывает многое: эпическое число «три», их внезапная и одновременная смерть через два года, наконец, полное отсутствие каких-либо следов их потомства, якобы пришедшего с ними на Русь.

Еще более веским контраргументом может служить мнение ряда филологов, полагавших, что три рядом стоящих имени — Рюрик, Синеус, Трувор — всего только неправильно понятый (и не переведенный!) текст древнескандинавского источника, сообщавший о приходе Рюрика «с его домом и верной дружиной».

В этом случае, вместо переселения на Русь трех конунгов со своими семьями, перед нами оказывается только Рюрик со своей дружиной, подрядившиеся на службу к словенам. Последнее обстоятельство, почерпнутое из южнорусской летописной традиции, представляется мне весьма существенным, поскольку указывает (как и в случае с апостолом Андреем) на источник легенды, выходящей из круга скандинавской литературы и знавшей не все перечисленные выше народы, а только «словен» — т. е. славян западных, а не восточных.

Однако, если отсутствие у Рюрика названных братьев может считаться почти доказанным, насколько реальна его собственная фигура?

Сомнение в историческом существовании родоначальника русских князей вполне уместно. Будучи специально приглашен для охраны рубежей от внешних вторжений, Рюрик, фактически, ничем особенным себя не проявил. «Раздача городов» своим мужам, о чем сообщает автор летописного рассказа, является самой общей, ни к чему не обязывающей формулой. Речь могла идти о сборе дани, организации обороны, подавлении мятежей и о прочих эпизодических действиях, хорошо известных историкам. Ни о какой действительной раздаче городов и земель «в лен», т. е. в реальное обладание, в то время не могло быть и речи, поскольку приглашающие отнюдь не отдавались приглашенному в подданство, тем более, только что изгнали «за море» домогавшихся этого самого «варягов».

Больше того. Сомнение в княжеском достоинстве Рюрика и в наследуемой после него власти не может смягчить даже прямое утверждение летописи, что перед смертью своей Рюрик, якобы, передал княжение своему сыну Игорю, поручив и его, и княжество своему родственнику Олегу. В том, что это — фантазия летописца, нас убеждает тот факт, что после смерти Рюрика, последовавшей неизвестно когда и по какой причине (как неизвестно и то, где он погребен), Олег с младенцем Игорем даже не пытаются остаться в Новгороде, где им — казалось бы! — надлежит быть. Нет, «собрав воев», они отправляются «водным путем» сначала в Смоленск, затем вниз по Днепру, в Любечь, и, наконец, достигают Киева, который

и захватывают. После этого Новгород исчезает не только со страниц летописи, но, что гораздо важнее, из списка русских городов, упоминаемых в последующих договорах Руси с греками.

Новгород, основанный Рюриком (или укрепленный и «распасенный» им) оказывается вычеркнут как из летописей, так и из памяти последующих поколений князей (потомков этого самого Рюрика) на полтора столетия!

Можно, конечно, предположить, что после смерти Рюрика (допустим, что он умер на службе Новгороду),

Рюрик поручает Игоря Олегу. Миниатюра Радзивиловской летописи.

город не захотел видеть ни его родственников, ни его сына. То есть, попросту их выгнал — вариант, весьма обычный в то время. Причиной могло быть подавление Рюриком восстания Вадима, «храброго князя словенского», как писал В. Н. Татищев. Однако Вадим — личность мифическая. Его имя, столь распространенное в наши дни, тогдашним славянам было неизвестно и не отмечено ни в одном документе средневековья. Его появление в так называемой «Иоакимовой летописи», схожей по «баснословным» статьям с новгородскими летописями середины и второй половины XVII века, как мне представляется, обязано неправильному прочтению фразы о тех, кто «вадил», т. е. подстрекал, возмущал народ в Новгороде, быть может на такого же кондотьера, как Рюрик.

Столь же недостоверно (во всяком случае, ничем не аргументировано) упоминание В. Н. Татищевым «жены Рюрика», Ефанды, «дочери князя урманского» (т. е. норманского — **А. Н.**) матери Игоря, тем более, что женой с таким именем историк наградил малоизвестного нам брата Святослава Игоревича — Глеба Игоревича, внука Рюрика[1]. Если, следуя Татищеву, к этому добавить, что у Рюрика было «несколько жен», которые все бесследно исчезли после его смерти, мифичность «родоначальника русских князей» станет в достаточной мере очевидна.

Так мы с неизбежностью возвращаемся к предположению о заимствовании сюжета о призвании Рюрика летописцем из какого-то иноязычного источника, полученного в уже трансформированном виде и использованном без необходимой критичности.

Зависимость «варяжской легенды» от скандинавской литературы в широком смысле слова, косвенным образом подтверждается и «сном Гостомысла», новгородского «старейшины», изложение которого мы находим у Татищева в том же источнике. Гостомысл видит сон, в котором из чрева его средней дочери Умилы произрастает огромное дерево, покрывающее своими ветвями весь «Великий город», что истолковано волхвами как указание на обширность и знатность ее потомства, которое получит власть над всей страной. Поскольку «Иоакимова летопись» подразумевает Умилу матерью Рюрика, автор этим сном подчеркивает мысль о преемственности княжеской власти в Новгороде (и в России) от Гостомысла к Рюрику по прямой женской линии[2]. В то время, когда Татищев писал свою «Историю», это могло рассматриваться в качестве исторического прецедента для воцарявшейся тогда в России Гольштейн-Готторпской линии... Однако для нас интересно другое. Именно такое могучее и развесистое дерево, обещающее славное и многочисленное потомство конунгов Норвегии, мы обнаруживаем в саге о Хальвдане Черном, записанной и обработанной Снорри Стурлусоном, где ствол дерева символизирует сына Рагнхильды, Харальда Прекрасноволосового (в сне Умилы, соответственно, это должен быть Рюрик), а раскидистые ветви — многочисленное потомство, распространившееся не только по всей Норвегии, но и в соседних странах.

Существенны и другие наблюдения.

Д. С. Лихачев, издавая «Повесть временных лет» в 1950 г., отмечал, что в качестве предка русских князей Рюрик (после летописи) впервые появляется в «Задонщине», т. е. в XV веке, до этого литературные произведения его не знают. Наблюдение интересное, хотя мне представляется, что автор «Задонщины» в своем творчестве опирался не на летописи, как полагает Д. С. Лихачев,— в противном случае он не допустил бы такого множества анахронизмов! — а на определенную поэтическую традицию, прослеживаемую в «Слове о полку Игореве», в свою очередь, восходящую к Бояну, но к концу XV века уже исчезающую из переработанного текста «Слова...»

Гораздо серьезнее в этом плане другое наблюдение Д. С. Лихачева, подметившего, что и «Слово о законе и благодати», и «Память и похвала князю русскому Володимеру», традиционно приписываемые митрополиту Илариону, «возводят начало династии русских князей к Игорю, именуя его «Старым»[3].

Есть и другие, столь же весомые факты, свидетельствующие о том, что среди русских княжеских фамилий в X и в начале XI века имя Рюрика не встречается. Так, если имена Олега и Игоря становятся традиционными у русских князей уже в конце X века, то имя Рюрика после долгого перерыва мы впервые находим лишь во второй половине XI века в семье Ростислава Владимировича, родоначальника князей Перемышльских (Рюрик Ростиславович, умер в 1092 г.), причем и далее оно не пользуется популярностью.

Приводимые мною факты достаточно известны. В той или иной мере все они используются для доказательства мифичности Рюрика I и надуманности «норманской теории», выдвигающей на первый план «варягов», т. е. норманов как создателей Русского государства и основателей первой нашей великокняжеской династии. Споры по норманскому или «варяго-русскому» вопросу длятся вот уже около трех столетий и сейчас, мне кажется, должны приобрести совершенно новый характер, имеющий, правда, за собой достаточно давнюю традицию: кто такие варяги — скандинавы, западные славяне или ославяненные кельты?

Действительно, в теоретическом плане — кто создал Русское государство? — проблему норманизма можно снять одним контрвопросом: как скандинавы в IX веке могли «устроить» Русское государство, если сами они в это

[1] *Впрочем, последний «факт» легко объясняется испорченным или неправильно прочитанным кем-то местом в договоре Игоря с греками 944 г., где в числе послов назван некий «Шихбериъ Сфаиъдръ», посол «жены Улебле», т. е. Глеба, однако не «Игоревича», а какого-то «Владиславича».*

[2] *Татищев В. Н. История Российская. Т. I, М. — Л., 1962, С. 110.*

[3] *Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Ч. 2, М. — Л., 1950. Комментарий. С. 234.*

и даже более позднее время, вплоть до начала XI века, не имели сколько-нибудь развитой государственности, причем отчаянно сопротивлялись ее привнесению? Какие правовые, религиозные, общественные достижения прослеживаются в то время у обитателей скандинавских стран, которые могли бы поставить их в культурном и организационном отношении выше народов не только Западной, но и Восточной Европы? Насколько мне известно, положительного ответа на такой вопрос нет и быть не может. Но вот изменение характера варяго-русской полемики, смещение ее акцентов на земли западных славян и южные берега Балтийского моря, откуда, как я не раз пытался показать, шел «путь из варяг в греки» и где мы обнаруживаем названия городов, уже знакомых нам по нашей летописи и скандинавским источникам — Старгород (Альдейгьюборг), Алаборг, Ноград, Ростов (Росток) и другие — оказывается чрезвычайно продуктивным.

В том числе и в отношении Рюрика.

О ругах-руси, руянах, рюгенцах следом за Ф. Крузе, Ф. Л. Морошкиным, И. Е. Забелиным, С. А. Гедеоновым, И. И. Срезневским и другими серьезными исследователями особенно подробно и аргументированно в последнее время писал А. Г. Кузьмин, к сожалению, так до сих пор и не издавший основополагающую работу, в которой были бы собраны и синтезированы наблюдения его самого и его предшественников. И все же многое из того, что уже опубликовано, подтверждает тот взгляд, что, в отличие от норманов — норвежцев и шведов — «варяги» по каким-то причинам оказывались славянам ближе, а союз с ними — естественнее. Вот почему совсем не случайно историк находит русов-ругов не только на Рюгене, где в Арконе было главное святилище славян западных земель, но и на Среднем Дунае, где еще в VII веке существовало королевство ругов, Ругиланд[4] — ныне австрийская территория Бургенланд, что можно считать «калькой» скандинавского названия «Гардарики» (т. е. «страна городов»), и, возможно, на Нижнем Дунае, о чем свидетельствуют названия таких дунайских городов, как Русь (Русе), Ноград (Новгород), Гюргев и др.

Однако сейчас для нас интересны не сами руги-русы, а политическая и этническая ситуация IX века на южном берегу Балтийского моря, где происходило постоянное коловращение славян, руси, викингов и всех прочих народов — куда более естественное, чем, скажем, на землях новгородских. Именно здесь мы обнаруживаем в указанную эпоху некоего Рюрика (Рорика), привлекавшего внимание исследователей и раньше, но подробнее всего рассмотренного в 20-х годах нашего века Н. Беляевым[5].

Рорик, позднее получивший у историков прозвище «Датский» или «Фрисландский», был одним из сыновей ютландского конунга Хальвдана, изгнанного из своей страны около 782 г. и получившего от императора франков, Карла Великого, в лен страну фризов, соседствующую с землями славян-ободритов (т. е. «живущих по Одеру», хотя поселения их занимали и правый берег Лабы — Эльбы). В 826 г. этот Рорик принимал участие в торжественном крещении своего брата Харальда, которое происходило в Ингельхейме на Рейне, близ Майнца. Как отмечали многие западные хронисты, подробно описавшие это событие, Харальд принял крещение по инициативе франкского императора Людовика, приплыв к Ингельхейму по Рейну на ста судах с большой свитой, женой и сыновьями. Причиной крещения был тот факт, что Харальд, наследовавший своему отцу в Ютландии, был изгнан «другими королями этих стран».

Можно думать, что крещен был не один Харальд, а вся его семья, в том числе и его младший брат Рорик: уже в 845 г. во время начавшегося «морового поветрия», Рорик приказал во время набега отпустить всех пленников-христиан, а своему войску повелел две недели воздерживаться от мяса, т. е. поститься. Кроме множества ценных подарков новообращенный конунг получил «приморский округ Рустринген во Фризии и виноградники на Рейне». Обращение в христианство братьев Харальда подтверждается и сообщением «Жизнеописания Людовика», в котором отмечена гибель брата Харальда Хемминга при набеге датчан, причем сам Хемминг назван «христианнейшим».

Остановимся на минуту, чтобы отметить поразительное совпадение имен и обстоятельств. У Хальвдана Ютландского три сына: Харальд, Рорик и Хемминг, живущие и действующие в первой половине и середине IX века. В это же время, согласно «королевским сагам» Снорри Стурлусона, которые он собрал и обработал в начале XIII века, в Норвегии у конунга Хальвдана и его жены Рагнхильды — сын Харальд (Прекрасноволосый), чьему рождению предшествует сон матери, видящей пышное древо. И именно к этому времени относит «Иоакимова летопись» «сон Гостомысла», практически повторяющий сон Рагнхильды, предрекающий рождение у его дочери, Умилы, сына Рюрика. Существует ли между этими фактами какая-либо связь? В свое время И. И. Срезневский, крупнейший знаток славянских языков, заметил, что «Гостомысл» — не русское и не восточнославянское имя, однако оно распространено у западных, балтийских славян, и что особенно для нас интересно, некий Гостомысл отмечен в Фульдских анналах под 844 г.[6]

Так получается, что совпадений слишком много, чтобы считать их случайными: сходится и время, и территория, на которой действуют упомянутые Хальвданы и Рорики-Рюрики. Можно предположить, что записанная через три с половиной столетия сага о Хальвдане Черном в какой-то мере использовала реальную ситуацию и имена семьи Хальвдана Ютландского, тогда как «Иоакимова летопись», повествуя о событиях более чем девятисотлетней давности, использует какие-то реминисценции исторического факта и его литературного преломления в недошедших до нас источниках, перенося Рорика из Ютландии — на северо-западную Русь.

Как это могло произойти?

Цветущая и богатая земля фризов, расположенная между Рейном и Везером на побережье Северного моря, не только примыкала на востоке к славянским землям, как я уже говорил, но была тем центром, откуда к славянам — на берега Балтики и на восток,— шли многочисленные товары и ремесленные изделия. Фризский экспорт играл важную роль в торговле таких западнославянских городов, как Волин (Юмна), Колобжег, Ретра, Старград и др. Фризские изделия археологи находят на острове Готланд, в Норвегии и Швеции, на землях Восточной Прибалтики, в Ладоге и в Новгороде на Волхове.

К середине IX века Фризия становится одним из постоянных объектов набегов норманов, которые начинают грабить и захватывать империю франков, и без того раздираемую войнами между сыновьями Людовика. Последние привлекают на свою сторону викингов и даже позволяют своим вассалам и союзникам возвращаться в лоно язычества. Одним из таких «отпадших христиан» оказывается и Рорик, потерявший в 40-х гг. IX века свои владения в Рустрингене, которые были ему возвращены только в 850 г.

Набеги Рорика на свои бывшие земли, как установил Н. Т. Беляев, по времени совпадают с самыми ожесточенными нападениями викингов на Францию, Германию и Англию. Морские разбойники опустошили все фризское побережье, в Англии был взят и разграблен Кент, опустошена вся страна между Лондоном и Рочестером,

[4] *Введение христианства на Руси. Сб. статей. М., 1987. С. 21—54.*
[5] *Беляев Н. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи.* Seminarium Kondakovianum. V. III. Prague, 1929. *С. 215—270.*
[6] *Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. СПб, 1862. С. 46.*

грабежу подверглись Гамбург и Париж. Во всем этом Рорик принимал самое активное участие, хотя на первом месте здесь имена Гастингса и Рагнара Лодброка с сыновьями. Во главе флота из 600 судов в 845 г. Рорик вошел в Эльбу; в 850 г. с флотом из 350 судов он вторгается в Англию, грабит Лондон и чудом избегает собственной гибели. Беляев полагал, что это были не просто разбойничьи набеги, а хорошо продуманные удары по центру франкской империи и английского королевства.

Было ли их целью возвращение своих прежних владений, отнятых у Рорика новым императором? Нам известно только, что в 850 г. Лотар, внук Карла Великого, возвратил Рорику Фрисландию на прежних условиях: верности империи и защите ее от других викингов. Но продолжалось это недолго. Четыре года спустя, в 854 г., Лотар разделил свои владения между сыновьями и у Рорика снова отняли Фризию. Можно полагать, что неукротимый викинг возобновил бы борьбу с наследниками Лотара, но в это время умер Эрик Датский и вскоре, используя угрозы и дипломатию, Рорик получил от Эрика младшего южную Ютландию, когда-то принадлежавшую его отцу. Вместе с ней в его руках оказывался важнейший торговый путь, связывавший Северное и Балтийское моря — земли славян и фризов.

Какие же можно привести доказательства в поддержку гипотезы русского историка, что Рорик, герцог Фрисландский, и Рюрик русской летописи — одно и то же лицо?

Строго говоря, таких аргументов нет вообще, как нет доказательств, что «наш» Рюрик существовал и был князем в Новгороде на Волхове. Если отбросить литературно-хронологические параллели, о которых я упоминал выше, те сведения, которые содержатся в нашей летописи о Рюрике и его деятельности, оказываются ничем не подтверждаемыми фразами. Более того. У нас нет никаких серьезных доказательств, что Новгород, в который приходит или который основывает Рюрик, идентичен с Новгородом Великим. Даже последовавший после смерти Рюрика исход Олега с Игорем вниз по Днепру, к Киеву, не позволяет с достаточной определенностью говорить о реальности маршрута, поскольку речь шла, повидимому, о «пути из варяг в греки», который в действительности пролегал совсем в ином месте[7].

О возможности именно такой географической переориентации наших летописных сведений мы не должны забывать хотя бы потому, что фризы, монополизировавшие в VI—VII веках торговлю Северной Европы с Востоком и Югом, главной своей торговой магистралью считали именно Рейнско-Дунайскую систему. Одновременно с расширением границ империи франков в орбиту их деятельности попадали и великие славянские реки — Эльба, Одер, Висла вместе с живущими по их берегам славянскими племенами. Таким образом, известность Рорика очень рано могла распространиться в славянском мире как через торговцев-фризов, так и в результате его деятельности среди поморян и оборитов, чьи земли он действительно охранял от набегов шведов, норвежцев и данов «из-за моря».

Показательно, что находки собственно фризских вещей при раскопках на территории новгородской республики указывают как раз на середину — вторую половину IX века, когда североевропейские торговцы, следом за расселявшимися славянами, начали активно вводить земли Восточной Прибалтики в сферу своего товарооборота. Этому прямо способствовали и фризы. Как писал Беляев, «именно в начале второй половины IX века фризы выработали новый тип судна дальнего плавания, так называемый «когги» — устойчивые, большого тоннажа и, в отличие от судов викингов, специально парусного типа». Позднее такие суда широко использовались ганзейскими

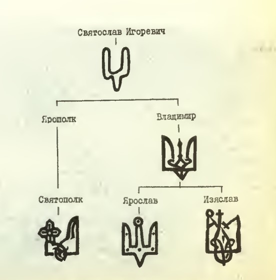
[7] См.: Никитин А. По следам апостола Андрея // Наука и религия, № 9—12, 1990.

«Большой» серебреник Ярослава.

ОΓЕШ∴ΓVÓ

ЯRОСЛАЛЪ/ЛЕСРЕБРО

«Малый» серебреник Ярослава с латинским «R».



Княжеские знаки Рюриковичей.

купцами в торговле с Новгородом, а сам корабль стал называться «бусой». К слову сказать, первое упоминание «когги» в западных хрониках опять-таки оказывается связано с именем Рорика: их использовали против него фризы во время восстания 867 г.

Появление Рорика в землях западных славян («словен»), защита их от вторжения иноземцев, основание новых укрепленных пунктов («городов») — словом, все, о чем, в связи с Рюриком, рассказывает наша летопись, полностью отвечает деятельности герцога Фрисландского в западнославянских землях. Вот почему я считаю маловероятным даже кратковременное его пребывание в «нашем» Новгороде и «нашей» Ладоге, полагая известие «Повести временных лет» о «призвании варягов» всего только поздней, не ранее XI века, легендой, заимствованной с запада, но отражающей действительный факт какого-то переселения жителей балтийского Поморья в пределы новгородские.

Однако каждая такая легенда, воспринимаемая позднее как истинное событие, заставляет историка искать причины ее появления и то рациональное зерно, которое в ней скрыто. Рорик фрисландский (и ютландский), как я пытался показать, является наиболее вероятным прототипом нашего Рюрика, однако интерес к нему, как мне кажется, заключен не столько в нем самом, сколько в его имени, которое несет и разгадку возникновения легенды.

Исследователи северных древностей согласны, что имя «Рорик», в том числе и в форме «Роерик», «Рюрик», сохраненное сагами и «Эддой», среди скандинавских имен встречается крайне редко. Об этом в свое время писал С. А. Гедеонов, полагавший, что «для шведского конунга имя Ререк так же странно и необычно, как для русского князя — имя Казимира или Прибислава». Между тем на западно-славянской почве, именно на той территории, с которой преимущественно был связан герцог фрисландский своим происхождением, слово «ререг» означает «сокол». «Ререгами» или «рарожанами» называли славян-ободритов. Их племенным знаком был сокол, постепенно распространившийся в сознании сказителей саг и скальдов на весь западно-славянский мир.

Словосочетание «вендский сокол» (венды — другое обозначение западных славян вообще), часто встречающееся и в песнях скальдов, и у Снорри Стурлусона, обычно подразумевало или кого-либо из славянских князей, или же указывало прямо на ободритов, поднимавших во время воинских действий штандарт с изображением этой птицы. Последнее обстоятельство позволяет более широко, чем прежде, подойти к вопросу о «Рюрике» и происхождении «рюриковичей», которым, как оказывается, вовсе не обязательно быть потомками именно Рюрика фрисландского.

В самом деле, как показывают многочисленные археологические находки, в основе герба (знака, тамги) древнерусского княжеского рода со всеми его модификациями, в свое время детально изученными В. Л. Яниным, мы находим закамуфлированное изображение «вендского сокола». Речь идет о так называемом «трезубце», хорошо известном нумизматам и археологам-славистам, которые встречают его на плинфе (плоских кирпичах), монетах, украшениях, глиняной посуде и других предметах домонгольского времени. Этот «трезубец» послужил основой для герба «самостийной» Украины и он же лежит в основе древнего литовского герба. На самом же деле он представляет собой схематизированное изображение сокола с полусложенными крыльями, стремглав падающего на добычу.

Наиболее реалистическое изображение такого «ререга» — с крыльями, туловищем, головой, даже с намеченными клювом и точками-глазами,— можно видеть на знаменитых «малых серебренниках Ярослава», древнерусских монетах, созданных по образцу западноевропейских денариев. С ними связано много загадочного.

Монеты эти, как считают нумизматы, являются повторением — в чуть уменьшенном виде и с огрубленным, более схематичным рисунком,— «больших» серебренников Ярослава: удивительно красивых, совершенных по своему художественному исполнению монет. На лицевой стороне «больших» серебренников находится прекрасно исполненное погрудное изображение св. Георгия, небесного «патрона» Ярослава (Мудрого?), а на обратной стороне — «трезубец», на среднем зубе которого надето яблоко с точкой. Вокруг по ободу надпись: «ярославле сребро». «Трезубец» предельно прост, лишен каких-либо украшений и дополнений, в отличие от ранее чеканившихся «серебренников» и «златников» Владимира и Святополка. Наоборот, серия «малых серебренников» на месте схематичного «трезубца» дает схематическое же, но не позволяющее ни с чем другим спутать изображение вертикально падающего сокола.

Загадка заключается в том, что не совсем понятно появление этих серий — какая раньше, а какая — позже? Дело в том, что если логика и опыт знают только один путь подражательного воспроизводства — от более совершенного к менее совершенному, от «оригинала» к «варварскому подражанию», то здесь наряду с искажением образца шел словно бы процесс осмысливания схемы и приближения ее к реалистической трактовке.

Но оставим доискиваться истины нумизматам. Для нас важнее сейчас установить, что на «малых» серебрениках Ярослава воспроизведен племенной символ ререгов, «соколятников», живших в юго-западном углу Балтики и соседивших с франко-германским миром. На то, что монеты эти чеканены там, близ родины Рорика, указывают три факта. Во-первых, в отличие от остальных древнерусских монет, «ярославле сребро» воспроизводит не византийский тип, как остальные, а сработано под западноевропейский денарий. Во-вторых, в надписи именно «малой» серии в имени Ярослава присутствует латинская буква R, указывая на ошибку резчика штемпеля, привыкшего к латинскому алфавиту. Наконец, в-третьих, в отличие от остальных древнерусских монет, чьи находки, как правило, ограничиваются исключительно территорией Среднего Поднепровья, монеты Ярослава — все без исключения! — найдены на берегах Балтийского моря и на Одере — именно там, где обитали славяне-ререги.

Почему так случилось? Ведь Ярослав Мудрый, как известно, жил в Новгороде на Волхове, затем в Киеве, где умер и был похоронен. Его скелет был найден и всесторонне исследован перед войной Д. Г. Рохлиным, В. В. Гинзбургом и М. М. Герасимовым... Однако выяснение «нумизматической загадки Ярослава» увлекло бы нас слишком далеко от Рюрика. Это — особая тема. Сейчас же нам приходится констатировать, что как бы ни складывалась начальная русская история, кто бы ни стоял в начале династии русских князей, называвших себя «рюриковичами», своим родовым символом — тотемом, а затем и гербом,— эти люди и их окружение считали «ререга-рорека» — «вендского сокола», осенявшего своими крыльями земли западных славян по Эльбе и Одеру.

Другими словами, «рюриковичи», в конечном счете, были — «ререговичами».

Означает ли это, что мы можем поставить знак равенства между ободритами-ререгами, «варягами» нашей летописи и русами, к которым, по всеобщему убеждению и прямому свидетельству летописи принадлежал Рюрик и его потомки?

Прежде чем пытаться найти ответ на этот вопрос, стоит напомнить о еще одной парадоксальной ситуации. Древний Новгород на Волхове, в котором варяги оставили безусловный след своего пребывания в виде «Варяжской улицы», «варяжской божницы» и имени «Варяжко», практически не знает древнерусской княжеской символи-

ки, идущей отререгов. Находка двух подвесок, узор которых может быть истолкован как одна из модификаций «знака Рюриковичей», только подчеркивает отличие Новгорода и его земель от Среднего Поднепровья, где такие знаки в изобилии встречаются на плинфе, глиняной посуде из княжеских гончарных мастерских, монетах и оружии. В этом разница между территорией наследуемой княжеской власти и республикой, всего только приглашавшей князя на службу, да и то лишь начиная с XI века.

Таким образом, в полном соответствии с летописью, Новгород оказывается выключен из процесса становления на Руси княжеской власти, хотя, с другой стороны, именно он, как справедливо считает большинство историков, был на протяжении всего этого времени хранителем «варяжской легенды» и местом проживания самих варягов и их потомства.

Больше того. Насколько значительно и монолитно в прошлом было варяжское население новгородских земель, можно судить по тому, что потомки варягов еще во второй половине XVIII века сохраняли и свой язык, и память о своем происхождении. Этот уникальный, в высшей степени интересный и важный для русской истории факт, почему-то совершенно выпавший из поля зрения археологов и этнографов, отмечен в записке Екатерины II, адресованной одному из ее секретарей в 1784 г. и опубликованной сначала в «Русском Архиве» за 1863 г., а затем В. А. Бильбасовым в XII томе его «Истории Екатерины II».

Вот этот замечательный документ, возникший в процессе работы императрицы над составлением «Сравнительного словаря всех языков и наречий»:

«Реестр слов отвезите к гр(афу) Кириле Григорьевичу Разумовскому и попросите его именем моим, чтобы он послал в своих копорских деревень (т. е. деревни, расположенные возле древнего города Копорье. — **А. Н.**) кого поисправнее и приказал бы у тех мужиков, **кои себя варягами называют** (подчеркнуто мною. — **А. Н.**), тех слов из их языка переписать, а еще луче буде бы суда человека-другого посмысленее для того привозить велел».

Как показали археологические исследования последних десятилетий, заселение псково-новгородского региона было обязано мощной миграционной волне славянства, шедшей с конца VIII в. с южных и юго-западных берегов Балтики. Причиной миграции было, в первую очередь, давление германских и франкского государств на славянские племена и настойчивые попытки христианизации, сопровождавшиеся жесточайшими карательными экспедициями. Вторым, столь же серьезным фактором следует считать набеги викингов, опустошавшие целые страны в IX веке и заставлявшие искать безопасных территорий для переселения. Восточная Прибалтика, в первую очередь внутренние области Новгорода, Пскова, Белозерска, как нельзя лучше подходили для этого. Начиная с VII века сюда идет все усиливающийся поток мигрантов западнославянского мира, образующий вместе с отдельными вкраплениями скандинавов своеобразный сплав из ободритов, поморян, вагров, в которых А. Г. Кузьмин видит летописных варягов, фризов и, вероятно, многих других обитателей Запада.

Именно вагры — варяги, жившие на родовых землях Рорика в Ютландии, скорее всего могли принести к нам рассказ о возвращении герцога Фрисландского с дружиной русов из Рустингема, причем за давностью лет, прошедших с момента изгнания его отца Халвдана, возвращение могло превратиться в «призвание». Впрочем, источником легенды могла быть и ситуация во Фризии, куда Рорик мог быть именно приглашен своими бывшими подданными для защиты страны от набегов викингов. Как бы то ни было, в исторической реальности все это происходило далеко от Ладоги и от Волхова, где легенда была переосмыслена, трансформирована, приспособлена к иной географии и куда — со временем — был перенесен даже Гостомысл. Последнее, как можно полагать, случилось уже в начале XVII века, и могло быть следствием оккупации Новгорода корпусом шведского генерала Делагарди.

Совсем иная картина открывается на юге, в Поднепровье.

Освоение этой территории славянами и русами шло из областей Среднего и Нижнего Подунавья по предгорьям Карпат, не спускаясь ниже границы лесостепной зоны, где обнаружены археологические памятники того времени и где в последующие столетия проходил путь, связывавший днепровскую Русь с Русью Дунайской, с Болгарией и Византией. Этот первоначальный путь выходил на Днепр выше порогов и вел вверх по реке, ставшей для восточного славянского мира вторым Дунаем. В том, что дело обстояло именно так, убеждает название Десны, в переводе означающей «правая», хотя на самом деле она является левым притоком Днепра. Естественно, славяне могли дать ей такое название лишь в том случае, если первые поселенцы обнаружили Десну, двигаясь по Днепру вверх.

Движениеререгов-ободритов вниз по Дунаю, а затем на Днепр, через Ругиланд и Болгарию, в отличие от балтийского пути, по-видимому, имело свои особенности. Здесь происходило перемещение организованных коллективов, среди которых должны были выделяться монолитные группы дружин с их предводителями, целью которых был не только грабеж, а устройство на службу и при удаче — основание собственных наследственных владений. Европа была наводнена подобными «странствующими рыцарями» — младшими сыновьями северных властителей, искателями приключений и изгнанными со своих мест незадачливыми правителями. Они охотно пользовались широким гостеприимством при дворах более удачливых и могущественных правителей, оседали на новых землях, заключали новые династические браки, или же получали военную и финансовую поддержку для новых авантюр на неосвоенных еще землях Восточной Европы.

Рорик фрисландский вряд ли был в их числе. Вот почему первые русские князья возводили свою генеалогию не к нему (это произойдет только в XI веке, когда они познакомятся с комплексом новгородских преданий), не к Олегу «Вещему», который является еще более интересной и яркой фигурой русской истории, а к Игорю, реальному родоначальнику[8].

Невыясненной остается пока только одна, впрочем, достаточно существенная деталь: была ли в употреблении у первых киевских князей «соколиная тамга» ободритов-ререгов? Если мы сможем найти ее изображение в слоях той эпохи в Киеве или на Дунае, то с полным основанием можем считать, что русская княжеская династия «рюриковичей» и в самом деле берет свое начало от одного из ободритских князей, верных племенному тотему. В противном случае, происхождение «трезубца» придется связывать с первыми контактами киевских князей с Новгородом на Волхове и варягами, у которых они могли заимствовать и знак, и легенду, а вместе с тем — устойчивый образ князя-сокола, который проходит через всю древнерусскую (южнорусскую) поэтику и с особой силой предстает в строках «Слова о полку Игореве», этой подлинной энциклопедии нашего далекого прошлого.

[8] *Этот факт может объясняться и другими причинами. Например тем, что Рюрик и Олег в глазах ранних христианских летописцев олицетворяют языческую реакцию против сильно христианизированного Киева, шедшую с малокультурного Севера, из Новгорода. Так, Олег входит в летописи, как убийца первых киевских князей — христиан Оскольда и Дира (882 г.), почитание которых в Киеве начинается, вероятно, уже во время правления Ольги. (Аскольдова могила и др.). Религиозно-политической полемикой могут объясняться и противоречивые сведения летописей о происхождении Игоря: рюрикович, варяг другого рода или славянин. (Прим. ред.).*

Писатель, рыцарь и роза (И. Ефремов за письменным столом. 60-е годы).

А. ЮФЕРОВА

ИВАН ЕФРЕМОВ

Встреча с чудесами наяву, которыми манили нас, подростков первого послевоениого поколеиия, ефремовские «Рассказы о Необыкновеином», произошла у меия иеожидаиио на выставке полотен Н. К. Рериха в 1959 году. Тогда, вместе с группами очарованных и растерявшихся от новизны и необычности впечатлений зрителей, я, экскурсовод Третьяковской Галереи, вновь и виовь пыталась понять в сверкающей сказочиости его гималайских пейзажей природу их неотразимой, живой убедительности. А когда вышел из печати большой, издательства «Гозиак», альбом о творчестве Н. К. Рериха, где была помещена моя вступительиая статья, мие, как молодому автору, посчастливилось встретиться с Иваиом Антоновичем Ефремовым.

Сейчас, спустя миого лет, отчетливо помиится поразившее при первой встрече ощущение контраста размеров обычиой московской двухкомиатной квартиры и величествеииой фигуры отворившего дверь ее хозяииа. Огромного роста, косая сажень в плечах, в свободиой серой рабочей куртке, ои виимательно просветил меня жестким нзлучением светлых пристальиых глаз. А потом взгляд смягчился, засветился доверием и даже, показалось, каким-то по-мальчишески задорным выражеиием. Ни разу за все так незаметно пролетевшее время наших бесед мне не пришло в голову, что он похож на «пришедшего из будущего» Дар Ветра, героя первого его фантастического романа «Туманность Андромеды», как это виделось А. И. Шалимову. Хотя, прочитав статью «Дар Ветер среди нас»[1], я ие могу не признать, что ощущеиие этого иесомненного сходства неосознанно жило во мие, но относясь, так сказать, к прошлому. Очевидио потому, что я увидела Ивана Аитоновича уже немолодым, главной его чертой показалась мне не богатырская удаль и сила, но глубокая, какая-то издревле идущая мудрость, и в славянских его чертах я с удивлением узиавала чеканную эпическую пластику давно ушедших великих и мудрых народов.

Коиечно, такому впечатлению в иемалой мере способствовал и «музейный» интерьер ефремовского дома. Все в нем было редкостно, доподлинно, чудесно — коллекции минералов, книги по всевозможным отраслям зиаиий, докумеитальные фотографии, рисунки и картины, настоящие тибетские таики — иконы на шелке, завораживающие магией строго центрических композиций красочиых изображений-символов. По обеим сторонам всегда открытой двери в рабочий кабинет симметрично, «стражами порога», высились два огромиых африканских копья с мощными короткими лезвиями, а поодаль стояло и третье — точная деревяииая копия боевого копья масаев с длииным и широким острием. Над входной дверью в квартиру — другой страж — древний буддийский керамический арслаи, фаитастический лев с хвостом яка — память о трехлетией комплексной советско-монгольской экспедиции в Гоби, которой Иван Аитоиович руководил в 1946—1949 годах. Широко известным естественноиаучиым ее результатом стала уникальная коллекция скелетов исполииских динозавров в Государствеином музее палеонтологии, а результатом художествеииым — документальная повесть «Дорога ветров». Вспоминая и снова переживая те вольиые и счастливые дии, Иваи Аитонович доставал из потаенных своих архивов, показывал и коммеитировал экспедициоиные фотографии. Особеино запомнилось мие описаиие раскопаииого древиейшего захоронения, в котором под неподъемным даже для экспедиционной лебедки каменным моиолитом лежал огромный, свыше двух метров, костяк человека какой-то неизвестной пока науке домоигольской иародиости. «Эта иаходка иастолько противоречила всему уже известному и устоявшемуся, что ее нельзя было опубликовать»,— сетовал Ефремов.

[1] *Шалимов А. И. Дар Ветер среди нас В сб.: «О литературе для детей». Л., 1981*

И "АГНИ ЙОГА"

И, коиечно, разговор нензменно возвращался к Центрально-Азнатской экспеднции Рернхов, монгольский отрезок пути которой пролегал в непосредствеииом соседстве (по гобнйским масштабам) с маршрутами экспеднцин Ефремова.

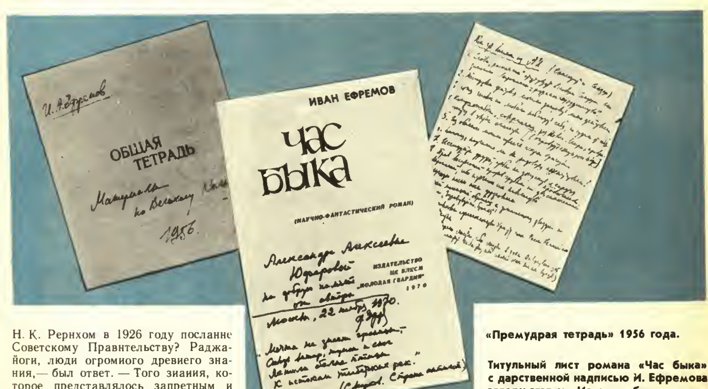
«Старого» Рериха Иван Аитонович лнчно не знал, но успел познакомнться н один раз встретнться н побеседовать с возвратнвшнмся из Индии его старшим сыном, выдающнмся учеиым-тнбетологом Юрнем Николаевнчем Рернхом. По словам жеиы Иваиа Антоновича, Таисин Иосифовны Ефремовой, Юрнй Нниколаевич во миогом подтвердил то, что узнал Ефремов об экспедицни Рерха в Моиголии. Со зиаиием дела, трезво аиализнровал Ефремов ход и особеиности легеидарной для меня рернховской экспеднцни. Но не эти, в общем-то «земные», обычные подробностн увлекали меия. Хотелось возможно достовериее н полиее узнать о самых главных, малоизвестных ее результатах, о которых коротко поведала в 1965 году публикация в журиале «Международная жизиь»,— «Путь к Родиие». Кто они, Махатмы Гималаев, приславшне с Н. К. Рернхом в 1926 году посланне Советскому Правнтельству? Раджа-йоги, люди огромиого древиего знания,— был ответ. — Того зиаиия, которое представлялось запретным и колдовским европейскому мышлеиию эпохи христнанского средиевековья, н, по традиции,— еслн ие колдовскнм, то сомиительио-мнстическим — мышлеиию нового временн. Но имеино наш космическнй век позволяет н обязывает современную науку трезво н непредвзято оцеинть это пришедшее из дали тысячелетнй драгоцениое наследне. Путь его современиого иового открытия и возвращения в жизнь особеино труден — «как по лезвию бритвы». Архаичиа н невежествеина косность запрета зиання, и так же недопустима н опасна всякая его мнстификация, «безответственное, скороспелое любопытство, потребнтельское к нему отиошенне».

Поэтому неизменно, полушутя-полусерьезно — «Мы чел (чела — ученнк. — **А. Ю.**) не берем» — отвечал ои на просьбы обращавшихся к нему романтнков, сразу же обезоруживая н возвращая на землю всех готовых воспарнть в «высшие сферы». «Я свое мнровоззреиие н знанне создал сам, а не получил готовым»,— объяснял Иван Антоновнч невозможность стать чьнм-лнбо «гуру».

— Но у него и не было свободиого временн, чтобы л н ч н о учить другнх. Все свое время н знанне он вложнл в свои кингн,— говорнт Таисня Иоснфовна Ефремова. Мы ведем разговор в его рабочем кабинете. Теперь это кабниет-мемориал, с большнмн фотографнческимн и живопнсными портретами писателя, с памятными сувенирамн, подаренными почитателямн его талаита. И так же, как при нем, летнт на репродукцни со старииной гравюры британскнй красавец-парусник «Фермопнлы», н все на том же месте, за стеклом киижного шкафа, иеприметиая на первый взгляд фотографня русского броненосца «Ретвнзаи», о подвиге которого в Цуснмском бою Ефремов хотел иаписать героическнй рассказ.

Тансня Иосифовиа бережно достает стопку старых тетрадей. На одной из инх, выцветшей за 30 лет, голубовато-серой, общей, в клеточку, иадпнсь: «1956. Матерналы по Велнкому Кольцу». Это — та из «премудрых тетрадей», как величал их сам писатель, в которой зафнкснрованa предварительная работа над «Туманностью Аидромеды».

Среди плотно заполняющнх записей по всевозможным эицнклопедическн шнроким проблемам — от сугубо фантастнческих (как «чертеж нден» бнполярной математнкн) и «обычиых», статнстнческнх расчетов процентных соотношеиий воды н суши (70 : 30), оптнмальиых для развития



«Премудрая тетрадь» 1956 года.

Титульный лист романа «Час быка» с дарственной надписью И. Ефремова автору статьи. «Истоки тибетских рек» (три реки — Инд, Ганг и Сэтлендж) — легендарная Шамбала (русское Беловодье).

Первая страница выдержек «Кое-что важное из А. И.»

жизни на планетах,— до полного поименного списка танцовщиц-апсар древнего индийского неба четыре странички убористого текста занимают выдержки «Кое-что важное из А. И.». Каждая фраза обозначена порядковым номером, всего их 86.

На первый взгляд эти отдельные положения не представляют собой какой-либо смысловой целостности. Это скорее глубоко эмоциональный, художественный текст, изложенный размеренным, торжественным, строфическим слогом.

25. Каждый помнит детей, ушедших из дома за счастьем, и сказки всех времен отдают счастье этим детям.

33. Магнитная волна, искра электричества и мысль — эти три путника встречают стремящегося в Беспредельность.

36. Роящийся столб мыслей проникает пространства дальних миров.

54. Только прошедший дисциплину духа может осознать, как сурова действительность свободы.

Здесь космологические положения (*70. Космическая жизнь состоит из действия притяжения и отталкивания, иначе говоря, из ритма взрывов и накоплений*) переслаиваются нравственно-практическими ма́ксимами (*57. Умейте поразить тьму лицемерия, но каждый лепесток искренности пусть живет!*) и выводами политико-мировоззренческого характера (*56. Человек, отдавшийся очень государственной религии, подобен ослу, несущему неизвестный груз*); оценки особенностей религиозного мышления средневековой Европы (*11. При средневековом идолопоклонстве Христу голос Фомы Кемпийского звучал протестом*) дополняются суждениями о характере древнеиндийских систем (*18. Хатха-Йога не должна рассматриваться как самостоятельная. Рост духа обращает ее в Раджа-Йогу*). И вот он, конец нити, могущий помочь в определении этого законспектированного Ефремовым источника, принадлежащего, по-видимому, и по содержанию, и по слогу одновременно и западной, и восточной традиции:

38. Молитва Шамбале. Ты, позвавший меня на путь труда, прими умение и желание мое. Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и среди ночи. Яви, Владыка, руку твою, ибо тьма велика, Иду за Тобою!»

В «Выдержках из А. И.» дважды (38 и 65) упоминается легендарная Шамбала, тема которой проходит лейтмотивом и в индийском (цикле полотен Н. К. Рериха, и многотомной «Агни Йоге» («Живой этике»), записанной в 30—40-х годах в Гималаях Еленой Ивановной Рерих. Ее образ, «Матери Агни Йоги», со стилизованными чертами прекрасной и мудрой Уты Наумбургской, запечатлел Н. К. Рерих в одной из поэтичнейших своих картин «Камень несущая» («Держательница мира»). Стоя на горном склоне, у самого порога словно видимой в прозрачном кристалле волшебной голубой страны, она несет в ларце ее бесценный дар.

— Да, «Выдержки из А. И.» — это конспект книги «Агни Йога»,— подтверждает мою догадку Таисия Иосифовна. — С «Агни Йогой» Иван Антонович познакомился еще до встречи с Юрием Николаевичем Рерихом. Может быть, он читал ее еще в 30-е годы в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а, может быть, встретился с нею во время своей экспедиции в Монголию в 1946—1949 годах. Там было много серьезных специалистов.

Уже само присутствие конспекта Агни Йоги в «премудрой» ефремовской тетради — свидетельство творческой дерзновенности, фундаментальности и ответственности предпринятой в романе «Туманность Андромеды» разработки темы космической коммунистической культуры Земли как синтеза многонациональных историко-культурных традиций народов. На то, как оценивал Ефремов проштудированный им источник, косвенно указывают находящиеся в «премудрой тетради», непосредственно за «Выдержками из А. И.», два небольших фрагмента-тезиса речей главных героев романа — Председателя Совета Звездоплавания Земли Грома Орма и историка Веды Конг. «Никакие документы истории (письменные),— набрасывает писатель речь Веды Конг,— не имеют значения для народной памяти, которая фиксирует только знаменитые дела. Но для знаменитых дел народная память очень долга — литература за 11 тысяч лет, наводнения, Атлантида и т. п. Поэтому всякая фальсификация истории путем уничтожения архивов, создания подбора документов, называния мест и городов бесполезны перед столетиями. В этом — народная история сказок, преданий и другого искусства, фольклора полностью расходится с историей так называемой научной, опирующей письменными источниками и беспомощной перед фальсификацией».

Душой художника и интеллектуальной интуицией ученого-энциклопедиста Ефремов открыл и принял для себя в Агни Йоге красоту и энергию живого, «некнижного», не искаженного знания тысячелетий. Даже при беглом сопоставлении текстов его «Выдержек из А. И.» и прогремевшего на весь мир романа о Великом Кольце их идейно-содержательная близость становится не только несомненной, но подчеркнуто открытой. На протяжении всего романа — почти дословно цитируемые автором чеканные афоризмы «Выдержек».

Так, изменив лишь архаическое обращение «Владыки» на современное — «Старшие», Ефремов повторяет текст «Молитвы Шамбале» в «Клятве Геркулеса», которую в его обществе будущего дают все переступающие школьный порог молодые люди, перед выбором наставника на новом этапе жизненного пути. Эту клятву произносит и анализирует в своей лекции психолог Эвда Наль: «Семнадцать лет — перелом в жизни. Скоро вы произнесете традиционные слова в собрании Ирландского округа: «Вы, Старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами». В этой древней формуле между строк заключено очень многое, и сегодня мне следует сказать вам об этом». Характерно, что Эвда Наль определяет текст «Клятвы Геркулеса» как древнюю формулу и в ее речи можно найти еще несколько непреложных, актуальных для космического века установок древней мудрости.

«Когда мы говорим «Хочу», мы подразумеваем: «Знаю, что так можно»,— говорит Эвда Наль.

Нет личного желания, но непреложность законов материи. Не хочу, но — знаю («Выдержки», 21).

«Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности мира» (Эвда Наль).

Учение, которое ведет к истокам действительности, люди обычно называют мечтами («Выдержки», 16).

«Не обращайте внимания на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи» (Эвда Наль).

Не обращайте внимания на ныряния и взлеты духа, ибо это могут быть лишь кольца спирали движения («Выдержки», 47).

«Действительность свободы сурова, но вы подготовлены к ней дисциплиной вашего воспитания и учения» (Эвда Наль).

Только прошедший дисциплину духа может осознать, как сурова действительность свободы («Выдержки», 54).

Облекая живой, образной плотью всеобще-императивные формулы «древней мудрости», Ефремов делает их средством характеристики своих героев будущего. Они становятся конкретными, содержательными формами масштабного и свободного мышления историка Веды Конг. «Веда Конг думала о подвижном покое природы и о том, как удачно выбираются всегда места для постройки школ. Важнейшая сторона воспитания — это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе — это, собственно, остановка развития человека, так как, разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать» [2].

Приостановка осознания духа —

[2] *Ефремов И. А. Туманность Андромеды Соч. в 3-х томах. Т. 3, кн. 2. М., 1976. С. 199.*
[3] *Там же. С. 225.*

Н. Рерих. Держательница Мира. (Камень несущая). 1933 г.

притупление внимания к явлениям природы. Разучаясь наблюдать, человек теряет способность синтеза («Выдержки», 14).

Глубокое диалектическое положение «неаристотелевой логики» Агни Йоги ключевой момент в речи Председателя Совета Звездоплавания Грома Орма: «Мы решаем проблемы использования производительных сил в крупном масштабе, отбросив мелкоутилитарные приспособленческие тенденции старой экономики. Однако и до сих пор иногда люди не понимают момента удачи, потому что забывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подыматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь [3].

Люди обычно не понимают момент удачи. Им кажется, что строение должно подниматься без конца, вне всяких строительных законов. («Выдержки», 17).

При сопоставлении текстов «Туманности Андромеды» и *«Выдержек из А. И.»* нельзя не видеть, как планомерно и многогранно введены писателем их мысли-указания в идейно-композиционную структуру романа от самого поверхностного, описательно-сюжетного уровня до самых глубоких концепционно-образных и жанрово-стилевых его планов.

Вот на страницах книги появляется яркий фрагмент жизненного уклада общества будущего — «Праздник Пламенных Чаш», весенний радостный праздник женщин, возродивший древнеиндийский обычай «выбирать красивейших женщин, которые подносили отправлявшимся на подвиг героям боевые мечи и чаши с пылавшей в них ароматной смолой». В этой сцене Ефремов, всегда с особым увлечением изучавший историю танца с древнейших времен и до наших дней, развертывает в зримые образы одну из завершающих записей своих *«Выдержек»: «Как пылала смола в чашах древних и жена возносила чашу, опираясь на меч подвига» (84).*

Сцена Праздника Пламенных Чаш — это, в свою очередь, непосредственный пролог к событиям дерзновенного опасного Тибетского опыта — первого межгалактического контакта (с планетой Эпсилон Тукана Туманности Андромеды). Крылатые фразы *«Выдержек» (4, 9, 10) — «Каждая ошибка, совершенная для Нового мира, превращается в цветок смелости» (4);«Лучшую песню поем дерзновению» (9); Самый маленький обратился к зажигающимся звездам и сказал: «Здравствуйте, братья!» (10)* — фактически являются эпиграфами к этой главе.

«Последствия действия можно заживить лишь действием» (1), «Слово раскаяние отсутствует в словаре Сензара. Оно заменено выражением «Разумное сотрудничество» (2) — эти записи из *«Выдержек»* послужили писателю отправными при создании глав «Остров Забвения» и «Ангелы неба», повествующих о раскаянии и самоосуждении Мвена Маса, одного из главных участников Тибетского опыта, о его возвращении к жизни современников, о восстановлении погибшего спутника № 57.

Запись 67: *«Разве герои древности похожи на героев современности? Разве герои древности нуждались в запасе неистощимого энтузиазма? Их подвиги были кратки, и один взрыв огня мог напитать их энергию»* — звучит идейно-образным лейтмотивом завершающей главы романа, в которой экипаж звездолета «Лебедь» отправляется в невозвратный 140-летний полет к планете зеленого солнца Ахернара.

И центральная идея романа — мысль о новом человеке-герое, «ненасытном в подвиге», как о норме для общества будущего,— также находит свое подтверждение в записи 61 : *«Герой, истинно, ненасытен в подвиге».*

Атмосферой подвига, высокой героики в романах Ефремова люди будущего окружены с малых лет — с первых мгновений появления на свет, как в исключительном случае с родившимся в звездолете Эргом Ноором, увидевшим «свое первое небо» в системе двойной звезды Теты Волка — «черное, с чистыми огоньками немигающих звезд и двумя солнцами невообразимой красоты — ярко-оранжевым и густо-синим». Со времени свершения каждым молодым землянином опасных и тяжких «подвигов Геркулеса» открывается нескончаемая дорога труда, познания и восхождения. Высоким, торжественным и одновременно лаконично-репортажным, «утверждающим» слогом описываются в космических романах Ефремова незабываемые, видимые и переживаемые его героями,— дарованные им судьбой, венчающие их подвиг, сцены рождающейся в опасностях героической красоты (*«Опасность есть венец подвига», (44)*. Это картины победного прорыва давящего мрака планеты железной звезды; трагической экспедиции к «планетам-жемчужинам» Веги; восстановительных работ на спутнике на высоте 57 тысяч

километров над Землей; вхождения в «нуль-пространство»; полета в «бурях аммиачного снега» Плутона; содрогающихся земных недр в титановых рудниках под Южной Америкой и т. д. Эти, как и многие другие, героические пейзажи романов Ефремова воспринимаются прямым продолжением «отграненных» его «изящным и холодным стилем» (в оценке А. Толстого) реальных чудес ранних «Рассказов о Необыкновенном». Приобщая читателя к ежеминутно творимым на Земле, сию минуту рождающимся подвигам, выхватываемым крупным планом из тысяч других, писатель вновь возвращается к ним спустя 300 лет, давая уже ретроспективно легендарную их интерпретацию устами другого историка, Фай Родис, героини романа «Час быка», вспоминающей о героях древности Рен Бозе, Мвене Масе, о Дар Ветре и Веде Конг, о легендарных пионерах заселения Ахернара (то есть, о героях осуществившегося полета «Лебедя»).

Для «Туманности Андромеды», так же, как и для всех более поздних романов Ефремова, характерна особая «атомистическая», многоцентрово-динамическая композиция, широчайшая временно-пространственная и причинно-следственная связь ситуаций, событий, судеб, характеров. Невольно вспоминается запись в «Выдержках»: *«Неисчислимы слои паутины кармы, связывающие самые разнородные существа» (40)*. Неслучайно жанр «Туманности Андромеды» вызывает такое обилие определений: «роман-энциклопедия», «роман-утопия»; «социально-философский роман». А можно было бы назвать ее и «космическими хрониками», поскольку в них автор описывает становящуюся на его глазах «реальную историю» космического будущего, находясь в самых горячих точках ее стремительного потока. Или — «поэмой в прозе о Беспредельности», поскольку в ней он вдохновенно воспевает открывающиеся «взлетевшему» человечеству бесконечные горизонты блистающего мира звездной Вселенной.

Перенасыщенность информацией — характернейшая черта произведений Ефремова, подчас оборачивающаяся калейдоскопическим мельканием сюжетов и образов. Но неизменно в них убеждает непосредственность и яркость как бы воочию видимого, чудо предстояния несомненной реальности, которая, как и факты жизни, не требует доказательств. И в неиссякаемо-щедром творении образов стремительных потоков жизни могучей зрительной энергией и памятью геолога и палеонтолога, дисциплинированных и насыщенных самостоятельным чтением великой миллиардолетней книги природы, Ивана Ефремова настраивала и вдохновляла «самоотверженная» Агни Йога [4]. Спрессованная в ее мозаически пестрых строфах нравственная и интеллектуальная энергия стала для писателя-ученого тем чудесным «кремнем», из которого его талант щедро высекал пламя художественных образов. Максимы «Живой этики» вдохновили писателя на создание целого нового народа не условно-фантастических, но осязаемо-реальных образов людей коммунистической Земли, помогли развернуть огромную панораму героических человеческих характеров уходящей в беспредельность спирали эволюции.

Герои романов Ефремова — Таис и Эрис в «Таис Афинской», Иван Гирин и Сима, Даярам Рамамурти и Тилоттама в «Лезвии бритвы», Веда Конг и Дар Ветер, Чара Нанди и Мвен Мас — в «Туманности Андромеды» — это люди вечного поиска и светлого нравственного потенциала, непримиримые борцы со злом во имя Добра, Истины и Красоты. Венчают эту восходящую ефремовскую спираль героев образы новых людей Земли Эры Встретившихся рук, которой проложил путь воспетый в «Туманности Андромеды» дерзновенный тибетский опыт. Герои романа «Час быка», принесшие своим задыхающимся в аду бесправия и невежества братьям все безграничное космическое знание и самоотверженную помощь Земли, предстают перед жителями опустошенного, извериввшегося Торманса в обличье легендарных Раджа-йогов древности [5]. И вместе с тем их образы полны глубокой человечности, теплоты и обаяния, они убеждают узнаваемой портретностью реалистических характеров-типов.

Лирический герой Ивана Ефремова — человек, прочно стоящий на Земле, чувствующий и осознающий свою неразрывную, кровную с ней связь и свою ответственность за нее. И всегда над ним, ведя его мечту все вперед и выше, «прорезая световые облака Млечного Пути, сияет распростертый Лебедь, вытянув длинную шею в вечном полете к грядущему» [6], горят те же мириады солнц бесконечных миров, которые открывают людям своими «звездными рунами» тайны мироздания на полотнах Николая Рериха.

Николай Рерих и Иван Ефремов! Счастливое сцепление этих имен, сохраняя для меня все очарование редчайшей, «дарованной судьбой», субъективной случайности, открывает в то же время свою внутреннюю непреложную объективную логику. Теперь это сопоставление видится доказательным утверждением явления современной науке новой исследовательской проблемы, столь же увлекающе манящей, сколь и грандиозно необозримой. Как две стыкующиеся, каждая своим неповторимым и ярким блеском светящиеся грани единого целого, живопись и искусство слова всемирно прославленных художника-мыслителя и писателя-ученого проявляют проступающий рельеф неуклонно растущего в пространстве отечественной художественной культуры XX века кристалла крылатого космического устремления. И убеждающую, острую достоверность реальности его явления сообщает самая разительная контрастность этих граней. Если в полотнах Рериха идеи космической эволюции воплощены в образах фольклорно-романтических, то живой плотью романов Ефремова стала полная борьбы, страданий и побед прогнозируемая им история человечества. В метафорически-условных полотнах-мистериях Рериха Великая Матерь Мира напитывает светом духа и мысли все существующее, и сияющие сказочные цветы этого живого огня плывут в синеве вечности. В романах Ефремова «роящийся огненный столб мыслей» устремляется в открытый космос с вершины Кении посылкой объединенной энергии всех силовых станций Земли; и пронизывающая межгалактические пространства, несущаяся сквозь дали световых лет, всепроникающая космическая мысль есть результат направленных передач Великого Кольца высших цивилизаций.

Ефремов неизменно стремится дать материалистически-научно доказательным, открытым текстом, в земных, реалистических образах то, что в картинах «идеалиста» Рериха облечено в плоть сокровенного иносказания. За каждой из этих методологически-полярных творческих концепций — глубокая личностная убежденность в настоятельном, не терпящем отлагательств, обращении внимания современных землян к теме актуальной огненной Беспредельности. В этой воинствующей убежденности, вдохновенной программности ее авторского утверждения — тайна неизменной, все растущей для человека конца XX века притягательности и светоносных полотен Николая Рериха, и героико-романтических книг Ивана Ефремова — их, закономерно становящихся явью наших дней, вчера еще казавшихся фантастическими, «мечтаний».

---

[4] *«Именно стихия огня дает этой самоотверженной йоге наименование» («Выдержки из А. И.», 46).*

[5] *«Фай Родис — это Раджа-Йог»,— подчеркивал в разговоре с автором статьи И. А. Ефремов.*

[6] *Ефремов И. А. Обсерватория Нур-и-Дешт. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. I. М., 1986. С. 316.*

Примечания редактора

Выписки «Кое-что важное из АИ» были сделаны И. А. Ефремовым из 4-й книги сериала «Агни Йога» — Агни Йога, Знаки Агни Йоги, Рига, 1929.

С 1989 года сериал «Агни Йога» выходит в Риге и Новосибирске.

Выписки проверены по изданию Рериховского общества при НООСИД: Агни Йога. Новосибирск. Изд-во «Сибирь — XXI век», 1990.

«Верный путь и тесные врата»

Над страницами «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя

Ю. БАРАБАШ

...Кто в дальнюю дорогу
Сбирается идти,— взяв в руки посох свой,
Тот говорит друзьям: «Друзья, молитесь
Богу!..»

Я. ПОЛОНСКИЙ

Право же, не будь у стихотворения, из которого взяты строки эпиграфа, прямого посвящения «Петру Яковлевичу Чатаеву» (Чаадаеву), вполне можно было бы предположить, что оно обращено к автору «Выбранных мест из переписки с друзьями». Этот мотив прощания перед дальней дорогой; эта смиренная просьба помолиться о нем и обещание в свою очередь вознести у Гроба Господня молитву о соотечественниках, о всех ближних, о друзьях и недругах; эта всесжигающая внутренняя жажда последней исповеди, прощения, покаяния... Томимый предчувствиями, что следом за поездкой к Святым местам предстоит путешествие иное, невозвратное, что жизнь его «на волоске», Гоголь видит свой долг писателя и христианина в том, чтобы оставить людям в наследство — как знак милости к нему Бога — прощальное братское слово, «благую мысль».

Т. Шевченко. Портрет Н. В. Гоголя. 1840.

В апреле 1847 года, когда уже ясно стало, что душевный его порыв не понят и не принят большинством читающей публики, в том числе и многими друзьями-«хвалителями» с их иссушенным безверием сознанием и растлившимся духом (вскоре Ф. Тютчев скажет об этом в своем гениальном и страшном стихотворении «Наш век»),— Гоголь с горьким недоумением пишет Александре Осиповне Смирновой: «Мне ставят в вину, что я заговорил о Боге, что я не имею права на это, будучи заражен и самолюбием, и гордостью, доселе неслыханною. Что ж делать, если и при этих пороках все-таки говорится о Боге? Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о Боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о Боге?»

Этим словом, этой мыслью, этим «воплем» о Боге и стала гоголевская «Переписка», во всяком случае — многие ее страницы. Им посвящена специальная глава в недавно завершенной мною монографии о «несчастной» книге писателя, книге, незаслуженно и огульно (таково мое мнение!) охаянной, осмеянной, преданной анафеме литературной толпой и ее неистовыми вождями, книге забытой, да по-настоящему и не прочитанной. Небольшой фрагмент на эту тему, «Наш русский Паскаль», уже был опубликован в «Науке и религии» (1989, № 3); ныне я решаюсь предложить вниманию читателя журнала еще несколько фрагментов. Тех, кого они, быть может, заинтересуют, прошу не забыть, что это именно фрагменты, части цельной главы, которую я назвал пушкинской строкой — «Верный путь и тесные врата».

СТРАШНЫЙ СУД

Поговаривали, будто преосвященный Григорий, епископ Калужский, когда кто-то поинтересовался, что́ он думает о «Переписке» Гоголя, в частности о богословском аспекте книги, ответил довольно небрежно: «Э, полноте — какой он богослов, он просто сбившийся с истинного пути пустослов».

Оспаривать епископскую реплику о «пустослове» ныне, через полтораста лет, вряд ли есть резон, тем более что, если верить свидетелям, она была произнесена «с свойственным ему добродушием и голосом, полным как бы сожаления»[1]. А вот что Гоголь не был богословом — в этом, пожалуй, преосвященный близок к истине.

Правда, в семье Гоголей-Яновских, как вообще во многих шляхетных украинских семьях той эпохи, жила традиция семинарской образованности. Отец писателя, Василий Афанасьевич, учился в Полтавской семинарии, дед, Афанасий Демьянович, вышел из стен Киевской академии, через которую в свое время прошли и некоторые более дальние предки; среди них, между прочим, встречаем и священников. При всем том будущий автор «Выбранных мест...» сколько-нибудь серьезной богословской подготовки не получил и лишь в самые последние годы жизни попытался восполнить этот пробел, о чем речь ниже. Богословские доктрины, книжная премудрость не играли существенной роли в формировании его религиозности, определяющими были факторы и импульсы совсем иного, глубоко субъективного, внутреннего порядка, относящиеся скорее к области эмоций, а не ума, подсознания, а не сознания, веры, а не учености. Два таких фактора, два импульса я назвал бы, пожалуй, прежде всего — это страх и искусство.

Страх зародился еще в детстве. Удивительно, что он пришел позднее, чем можно было бы предположить, если учесть, в какой атмосфере рос будущий писатель,— Никоша, как называли его в семье.

То была атмосфера повышенной религиозно-мистической настроенности и набожности, «монастырского смире-

[1] *Цит. по:* Барсуков *Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. СПб, 1894. С. 563.*

ния и послушания»[2]. Главная роль в этом принадлежала бабушке, Татьяне Семеновне, урожденной Лизогуб (сказывалась фамильная черта, унаследованная от отца), и маменьке, Марии Ивановне, даром что была еще совсем молода. Да и Василию Афанасьевичу его веселый, жизнелюбивый нрав, артистичность натуры не мешали оставаться человеком глубоко богобоязненным. В васильевском доме царила искренняя вера в то, что все течение семейной жизни, любое ее событие — от романтической встречи будущих супругов до появления на свет Никоши — предопределено участием Божественного Промысла. Тщательно, до мелочей соблюдались религиозные правила, обряды, обычаи, не нарушался ни один пост, отмечались все церковные праздники. Частыми были посещения, причем по возможности пешком, близлежащих святых мест, монастырей, например, в Лубнах, Будищах или в Диканьке, где находился чудотворный образ святого Николая, в честь которого, кстати, и получил свое имя Никоша...

У мальчика, однако, религиозное чувство пробуждалось медленно, затрудненно. Хотя едва ли не с рождения его носили, потом водили в храм Божий, он долго ничего не понимал и не чувствовал, окружающее не трогало его, душа оставалась сонной, бесстрастной. Впоследствии, уже взрослым человеком, Гоголь признавался матери в одном из писем: «...Я ходил в церковь потому, что мне приказывали, или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков». Ясно, что тут еще нет веры, есть просто привычка; если бы мне не претило щеголяние модной терминологией, я сказал бы о «коде» среды, своего рода конвенциональной «знаковой системе», требующей соблюдения, пусть даже бездумного, механического, некоего набора ритуальных норм.

И вдруг — ослепительная вспышка, мощное эмоциональное облучение, потрясение.

«...Один раз,— читаем в том же письме,— я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

В письме нет подробного описания той картины, которая предстала когда-то из рассказа матери воображению Никоши; но мы можем все же в какой-то мере судить об этой картине, можем, так сказать, смоделировать ее, обратившись к эмоционально близким впечатлениям другого художника. Я имею в виду Александра Довженко, его «Зачарованную Десну».

Такое моделирование носит, естественно, условный характер, однако, думается, в данном случае прием достаточно корректен. И вот почему. На Украине представление о Страшном суде издавна обладало особым, едва ли не магическим воздействием на души людей, на их мироощущение и настроение. Судить с определенностью о причинах подобного явления не берусь, скажу только, что они кроются, вероятно, в каких-то еще не понятых нами, слабо исследованных глубинных особенностях национально-религиозного сознания, которому присуще обостренное стремление к предельно наглядному нравственному уроку, зримому воплощению идеи возмездия за грехи, торжества справедливости. Как бы то ни было, факт остается фактом: изображение Страшного суда стало одним из характернейших атрибутов национальной религиозной жизни и одновременно повседневного быта, почти непременным элементом интерьера крестьянской хаты, а то и панского дома среднего достатка, а то и сельской церквушки. Еще на рубеже веков такие изображения, по свидетельству современника, сохранялись в церковно-археологическом музее Киевской духовной академии, ожидая «своего Данта»; хотел бы

Иллюстрация к «Вию».

я знать, к слову говоря, как сложилась дальнейшая судьба этого уникального собрания...

Висела такая картина и в отцовской хате маленького Сашка Довженко, будущего кинорежиссера; мать выменяла ее на ярмарке за курицу. Картина «была столь страшна и поучительна», что на нее боялся смотреть даже пес Пират... «Верхнюю часть картины занимал дед и все святые. Посередине вылезали из гробов мертвецы, одни в рай — вверх, другие — вниз... Внизу, куда ни глянуть, все горело, как на пожаре. То было пекло. Там горели грешные души и черти. А в самом низу картины, в отдельных клетках, было намалевано что-то вроде прейскуранта кар за грехи: кто любил врать или дразниться, висел в огне, подвешенный на крюке за язык; кто не постился — за живот; кто ел тайком в пост сливки или жарил яичницу с салом — наоборот, лизал сковороду языком»[3]. Каждому из грешных членов семьи уготовано было свое место в пекле, не чувствовал себя безгрешным и маленький Сашко, потому и «ужасался этого суда».

Довженковский «ужас» сродни гоголевскому «потрясению». Разница, однако, в том, что у первого это чувство преходяще, он, подобно старшим обитателям хаты, вскоре привык к устрашающим сценам, «как солдат на войне привыкает к грому орудий»; в «Зачарованной Десне» о картине Страшного суда говорится с интонацией

---

[2] *Ч а г о в е ц В. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). — В кн.: Памяти Гоголя. Отд. III. С. 37.*

[3] О достоверности этого детского воспоминания А. Довженко говорит сопоставление его с документальным описанием картины Страшного суда из церкви села Ненадыхи Таращанского уезда Киевской губернии, опубликованным в середине прошлого века «Киевскими Епархиальными ведомостями». Вот как выглядели некоторые наиболее характерные детали огромного полотна, выполненного, по всей вероятности, «каким-нибудь туземным гоголевским Вакулою»: *«Тут змий, уязвляющий сребролюбца, там неправедный судья, голову которого усиливается дьявол ухватить широкою своею пастью; чародея с подойником, из которого выглядывает змея; пониже прелюбодеяние в виде женщины, которую тащат за волосы; еще ниже — диавол курения... В стороне клеветник, прикованный цепью ко пню; дьявол тянет его за бороду и припускает змию к грешному его телу. Обжоре одна змея впилась в рот, а другая сосет сердце его...»* (Цит. по: *Домашняя беседа, 1868, вып. 20. С. 525*). *Гоголевский персонаж упомянут в связи с этой картиной, конечно же,*

добродушного юмора («прейскурант кар за грехи»). Иначе у Гоголя. Детское потрясение сохраняется на всю жизнь, переходит в гнетущий страх перед непостижимостью окружающего мира, перед мистической тайной бытия и небытия человека, его страданий и смерти. Время от времени этот страх всплывает из глубин подсознания, и тогда нам является вдруг серенькая кошечка, предвестница скорой кончины Пульхерии Ивановны, или таинственный портрет ростовщика, «страшный фантом», загубивший талант и жизнь художника Черткова. Или возникают фантасмагорические видения несчастного Поприщина, и мы слышим его душераздирающий вопль, мольбу о спасении, о материнской слезинке над больной головушкой... Тогда обостряется никогда не покидающее странное ощущение душевного дискомфорта от незримого присутствия рядом какой-то «чертовщины», от вечной изнурительной борьбы с кознями лукавого...[4].

Тема Страшного суда как неотвратимого наказания за грехи становится одним из лейтмотивов гоголевского творчества, причем она варьируется не только в сюжетном, а и в смысловом плане, обретая разные, подчас неожиданные интерпретации. Таков, например, в «Страшной мести» взгляд на проблему мщения, на несовершенство, нравственную ущербность суда человеческого по сравнению с судом Божьим. Таковы угадываемые под оболочкой героики ужас и смятение перед картинами массовых кровопролитий, разгула ненависти и жестокости, перед тем неслыханным, нечеловеческим, пусть и праведным, «страшным судом», который вершит отец над сыном в «Тарасе Бульбе».

В «Выбранных местах...» вроде бы нет прямого обращения к теме Страшного суда, но опосредованное свое выражение она находит в пронизывающих книгу эсхатологических предчувствиях, в томящем страхе перед «загробным величием» и предстоящим ответом за все вольно или невольно содеянное в жизни. Мотив Страшного суда из сферы обыденного, полурелигиозного-полусуеверного страха переходит в «Переписке» на иной более высокий уровень, уровень собственно религиозного переживания.

УРОК АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА

Письмо «Исторический живописец Иванов» Л. Толстому, перечитывавшему в 1909 году «Выбранные места...», явно не понравилось, он не счел возможным выставить за него по своей шестибальной (с учетом «нулей») системе больше «единицы». Недовольство Льва Николаевича вызвало, в частности, то место, где Гоголь говорит о своей благодарности царю, чья помощь спасла его в трудный час «не только от болезней и страданий душевных, но даже от голода». Позиция Толстого в данном случае ясна, однако странно: неужели достаточно одного, пусть и принципиального, разногласия для безоговорочно суровой оценки письма в целом? Ведь отмеченное Толстым место в тексте — не более чем краткое отступление от темы, попутное личное воспоминание, смысл и содержание статьи отнюдь не в нем. Других пометок на читанном Толстым экземпляре нет, и все-таки похоже, что в гоголевском письме его не устраивало еще что-то. Что же это могло быть?

Наверное, лучше всего, не торопясь с ответом, перечитать само письмо.

Н. В. Гоголь в Риме. Рисунок В. А. Жуковского из его альбома.

Поводом для его написания послужила труднейшая, «непостижимая», по определению автора, судьба русского художника Александра Андреевича Иванова и его картины «Явление Христа народу». Еще в 1838 году Гоголь познакомился и духовно сблизился с жившим в Риме Ивановым, на протяжение многих лет с огромной заинтересованностью и сочувствием следил за его работой, протекавшей в условиях бедственного, временами просто нищенского существования, изнурительного напряжения творческих и физических сил и полного непонимания даже со стороны близких и коллег, не говоря уже о чиновниках из Академии художеств.

Отношение между этими двумя весьма и весьма неординарными — каждая по-своему — натурами, в чем-то близкими и в то же время очень несхожими, не были просты. Гоголь поддерживал Иванова советами, утешал в минуты уныния и отчаяния, порою, правда, бывал и резок, даже высокомерен, как, например, в февральском письме 1847 года из Неаполя; Иванов, по свидетельству современника, «рабски слушал» наставления Гоголя, «видел в нем какого-то пророка» (впрочем, упомянутое письмо из Неаполя очень его обидело и огорчило). Влияние Гоголя явственно дает себя знать в почти не известном публике литературном опыте художника — заметках, озаглавленных «Мысли, приходящие при чтении Библии», которые созвучны «Выбранным местам...», хотя написаны, видимо, до знакомства с этой книгой. Со временем восторженность сменилась дружеским, но сдержанным расположением — все более сказывались различия в характерах и взглядах, особенно религиозных, которые у Иванова эволюционировали сначала в сторону скептицизма, затем — увлечения мифологической концепцией Д. Штрауса; на этом я не буду подробно останавливаться[5].

не зря, реминисценция вполне оправданна. Возможны и другие примеры. Не корреспондируют ли с духом и стилем «ненадыхинского» Страшного суда грозные пророчества Ивана Ивановича Перерепенко о жестоких карах, ожидающих его приятеля, Ивана Никифоровича, на том свете за «богомерзкие слова»?..

[4] *См. об этом: Мережковский Д. С. Гоголь и черт. М., 1906. Позднее на ту же тему писали А. Ремизов (Огонь вещей. Париж, 1947), В. Набоков (Николай Гоголь. — Новый мир, 1987, № 4); В. Розанов в «Опавших листьях» прямо идентифицирует Гоголя с «дьяволом», который «вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь» (Наше наследие, 1989, № 1. С. 82). В другом месте: «этот бес Гоголь» (Розанов В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад, 1917. С. 4).*

[5] *См.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858. Издал Михаил Боткин. СПб, 1880, с. XI, XXIII, XIV; Зуммер В. М. О вере и храме Александре Иванове. — Христианская мысль, № 9—10, 11—12, 1917.*

Н. В. Гоголь. Дагерротип. 1845.

Однако письмо Гоголя, написанное в 1846 году и включенное им в «Выбранные места...», без сомнения, продиктовано искренним желанием помочь Иванову, привлечь внимание к его картине, добиться назначения художнику денежного содержания, чтобы тот «не умер над ней с голоду». Письмо адресовано графу М. Виельгорскому, человеку влиятельному в свете и, по мнению Гоголя, способному устроить так, «чтобы не только было выдано Иванову то нищенское содержание, которое он просит, но еще сверх того единовременная награда, именно за то самое, что он работал долго над своей картиной и не хотел в это время ничего работать постороннего, как ни заставляли его другие люди, и как ни заставляла его собственная нужда».

Таков, так сказать, прагматический аспект гоголевского письма, не оставшегося, кстати, без реальных последствий. Иванов благодарил, хотя одно место в письме его покоробило: «...Позвольте возразить против следующих слов вашей статьи: «Иванов ведет жизнь истинно монашескую». И очень бы не отказался иметь женой монахиню...»

Для Гоголя, заметим, важна не только собственно практическая сторона дела. Он хочет, чтобы русское общество, власть предержащие, сами художники осознали суть феномена, который можно назвать «уроком Иванова» — уроком самоотверженной и безраздельной преданности искусству, подвижнического, доходящего до самоотречения, до аскетизма, если угодно — фанатизма служения ему. «Урок этот нужен, чтобы видели все другие, как нужно любить искусство. Что нужно, как Иванов, умереть для всех приманок жизни; как Иванов, учиться и считать себя век учеником; как Иванов, отказывать себе во всем...» Потому он и просит Виельгорского показать его письмо «многим, как моим, так и вашим приятелям, и особенно таким, которых управлению вверена какая-нибудь часть, потому что труженики, подобные Иванову, могут случиться на всех поприщах, и все-таки не нужно допускать, чтобы они умерли с голоду».

Гоголь как никто понимает Иванова, он сам «испробовал почти то же состояние, испробовал его на собственном теле», ему ведомы и добровольная каторга творчества, и «недуги нервические», горечь одиночества, «недуги от неуменья изъяснить никому в свете своего положения», когда «нужно бежать к одному Богу, и ни к кому больше»; его, как и Иванова, удостоил Бог познать «сладость» нищенства и понять, что «кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира».

А Толстой?

Тут кстати будет вспомнить предложенное в свое время В. Зеньковским сопоставление: Гоголь и Толстой в их отношении к искусству и религии. Между Толстым-художником, считает исследователь, и Толстым — религиозным человеком нет конфликта, он никогда не священнодействовал в своем писательском деле, не считал себя служителем искусства, не преклонялся перед ним, не ставил его превыше всего, и в том, что в конце концов он отрекся от своей прежней художественной деятельности, «не было у него никакой измены». Гоголь же «любил искусство со всей страстью романтика, со всем упоением тонкого знатока поэзии», потому мысль о том, что «в этой любви к искусству было нечто недолжное для религиозного сердца», доставляла ему глубокие страдания, приводила к мучительному душевному разладу.

Собственно, он и не отрекается от искусства как такового, лишь прежние свои сочинения называет «необдуманными и незрелыми», сожалеет, что они «предстали в таком несовершенном виде». «Я не могу понять,— пытается он (и уже не впервые) в письме к Шевыреву разъяснить Бог весть как возникшее недоразумение,— отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства, тогда как из моей же книги можно бы, кажется, увидеть было... какие страдания я должен был выносить из любви к искусству...»

Вот эти-то страдания, этот разлад как раз и чужды Толстому: где нет любви, нет и страданий. Поэтому «урок Иванова», так глубоко трогающий Гоголя, Толстого оставляет равнодушным, не находит отклика в душе и сознании. Как и не лишенный оттенка юродства пафос «нищенской сумки», нищенства во имя искусства (хотя мы долго и упорно объявляли «юродствующим» самого Толстого, этого рационалиста из рационалистов). Как и гоголевская вера в то, что в создании картины «Явление Христа народу» «вовсе не участвует произвол человека, но воля Того, Кто повыше человека». Да и к избранному художником евангельскому сюжету, о котором Гоголь говорит с традиционно возвышенным трепетом, у Толстого отношение совсем иное, куда более трезвое, если не сказать — скептическое, ведь и на первоисточник, Священное писание, он смотрит не как на богодухновенное творение, а как на «книгу, прошедшую через многосложные соединения, переводы и переписки, составленные 18 веков тому назад людьми малообразованными и суеверными».

Отсюда и толстовская «единица» в конце письма «Исторический живописец Иванов».

Для Гоголя наивысшая ценность работы Иванова заключается в оплодотворении художественного начала началом религиозным. «Нет, пока в самом художнике не произошло истинное обращенье ко Христу, не изобразить ему того на полотне. Иванов молил Бога о ниспослании ему такого полного обращенья, лил слезы в тишине, прося у Него же сил исполнить Им же внушенную мысль... Иванов просил у Бога, чтобы огнем благодати испепелил в нем ту холодную черствость, которою теперь страждут многие наилучшие и наидобрейшие люди, и вдохновил бы его так изобразить это обращение, чтобы умилился и нехристианин, взглянувши на его картину...»

Впрочем, Гоголь знает и об «обратной связи» — о воздействии искусства, эстетических впечатлений на религиозное мироощущение. В другом письме из «Выбранных мест...» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности») он называет театр не больше, не меньше, как «незримой ступенью к христианству». Определение, которое обычно стыдливо обходится нашими гоголеведами, предпочитающими в тысячу первый раз цитировать слова о кафедре, с которой «можно много сказать миру добра». Между тем для Гоголя и эта функция театра, и такое его качество, как соборность, способность заставить разнородную толпу «потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом»,— важные, но все же лишь частные слагаемые, предпосылки другой, главной и действительно всеобъемлющей задачи. Ибо театр, говорит он, это высшее место, откуда «видней весь

И. Е. Репин. Поприщин («Записки сумасшедшего»).

необъятный кругозор христианства». Не соглашаясь со своим адресатом, графом А. Толстым, чей взгляд на театр как на рассадник «соблазна» он как раз и считает односторонним, Гоголь ссылается на эпизод из Библии, из Второй Книги Царств (6: 5), где те же «трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идолов своих, по одержании над ними царем Давидом победы, обратились на восхваленье истинного Бога...»[6]

К идее неразрывности искусства и религии, красоты и веры Гоголь пришел задолго до «Выбранных мест...» Еще в статьях сборника «Арабески», относящихся к началу 30-х годов, живопись, музыка, готическая архитектура оцениваются как уникальная и совершеннейшая форма воплощения христианского духа, выражение порыва человека к небу.

Но вот что при этом существенно, на что важно обратить внимание. Гоголевское единство искусства и религии подвижно, и часто (особенно же там, где писатель передает свои личные ощущения, где он очевидно субъективен, где он более всего художник, а не мыслитель, не проповедник) в этом единстве явственно заметен крен в сторону эстетического начала, именно оно обретает превалирующую роль, становясь первотолчком, импульсом для религиозного переживания. Вспомним описание внутренности готического храма; оно взято из статьи «Об архитектуре нынешнего времени», однако менее всего похоже на научную характеристику предмета, главное в нем — передача впечатлений и чувств. Это даже не описание храма, это его образ. «Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются, пересекаясь, стрельчатые своды один над другим, и им конца нет,— весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека».

Спустя десяток лет похожая картина появится во второй редакции «Тараса Бульбы». Андрий попадает в костел, где идет предутреннее богослужение. «Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилося розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком... В это время величественный рев орга́на наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые рокоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминающими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих».

Эта страничка дала некоторым критикам Гоголя повод для упрека в тайных симпатиях к католичеству. Мне уже доводилось высказываться на сей счет[7], повторяться нет смысла. Напомню лишь об одном своем аргументе в споре с мнительными блюстителями конфессионального целомудрия. Я обращал внимание на то существенное обстоятельство, что сцена в костеле дается через восприятие персонажа, которое никак не следует отождествлять с авторским. Готов и сейчас настаивать на том же; однако при этом считаю необходимым добавить, что механически расчленить две точки зрения на изображаемый предмет, провести жесткую разделительную линию между взглядом автора и взглядом его героя практически вряд ли возможно, не разрушая целостности живого художественного образа. Да, бесспорно, это завороженный Андрий застыл «с полуоткрытым ртом», это он видит происходящее в костеле, он слышит звуки орга́на. Таков текст. Но можно ли вместе с тем не ощутить в подтексте и благоговейный восторг, священный трепет, охватывающий самого писателя?

Перед чем — перед пышностью католической службы? Я думаю, это слишком поверхностное объяснение. Тут чувство другое: «присутствие святыни» — так определил его когда-то Гоголь. В Риме оно властно покоряет его восприимчивую душу. Из тогдашних писем к близким и друзьям узнаем, что иногда он заходит в «прекрасные» римские церкви; и здесь — кто усомнится? — он молится по своему родному православному обряду, но, кажется, не о том его мысли. Да и не мысли главное в эти минуты, главное — услышать хрупкую, таинственную тишину Божьего дома, проникнуться духом строгого совершенства, звучанием «небесной музыки», главное — почувствовать, как «дышит священный сумрак», увидеть луч солнца, нисходящий «с вышины овального купола, как Святой Дух, как вдохновение». «...Я молюсь за вас здесь,— продолжает он в письме к М. Балабиной,— где молитва на своем месте, то есть в храме. Молитва же в Париже, Лондоне и Петербурге все равно, что молитва на рынке». Как рынку — храм, так нелюбимым столицам — суетливому Парижу и холодному Петербургу (каким образом оказался в этом ряду Лондон?) — противопоставлен любимый Рим. Он не назван даже, это и не нужно, ибо в воображении писателя образ храма сливается воедино с образом Вечного Города — с исполненной мистики музыкой его архитектурных ансамблей; с разлитым вокруг дыханием старины, патриархальности (если угодно, «старосветскости» в ее, так сказать, римском варианте), столь близкой гоголевскому сердцу; с благодатностью целительного для тела и души воздуха Кампаньи...

Окончание следует

[6] *Удивительно:* мысль эта не вызывает негативной реакции Толстого, какой мы могли бы ожидать, зная его оценку статьи об А. Иванове; напротив, на полях стоит знак «нотабене», а в конце письма — «пятерка»! Отчего такая непоследовательность? Что перед нами: обычные ли перепады настроения, возрастная ли забывчивость, внутренняя противоречивость взглядов или какие-то иные причины? Признаюсь, у меня нет однозначного ответа, ограничусь осторожным предположением. Возможно, сказались присущие позднему Толстому интерес к драме, к театру, вера в силу их преобразующего воздействия на общественные нравы, на человека; импонировать должен был и тот факт, что Гоголь защищает театр от нападок со стороны официальных церковных кругов, с которыми Толстой был, мягко говоря, не в ладах... Более подробные рассуждения вывели бы нас за пределы основной темы.

[7] См.: Вопросы литературы, 1987, № 1.

ХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Христиана Розенкрейца в году 1459

В. АНДРЕА

День шестой

На следующее утро Страж Башни вошел в подземную лабораторию в сопровождении юношей, несущих лестницы, веревки и большие крылья. «Мои дорогие дети,— сказал он,— каждый из вас в течение всего сегодняшнего дня должен постоянно носить с собой одну из этих вещей. Выбор сделайте по жребию».

Мой жребий пал на лестницу 12 футов длиной и довольно увесистую. Я вынужден был носить ее, тогда как другие имели возможность красиво обвязаться веревками, а третьим Старец так искусно прикрепил крылья, будто они у них сами выросли.

Затем Старец ушел, забрав с собой плоды нашего вчерашнего труда, и запер за собой дверь. Мы уже стали подумывать, не сделали ли нас в этой Башне узниками, когда, примерно четверть часа спустя, в потолке открылось круглое отверстие и мы увидели в нем Деву. Она пожелала нам бодрого хорошего утра и пригласила подняться наверх. Те, кому по жребию выпало носить крылья, последовали ее предложению тотчас же. Те, кто носил лестницы, полезли по ним, вытягивая их потом за собой. Те же, кто был с веревками, вынуждены были ожидать, пока вылезшие по лестницам не прикрепили для них железные крюки, но и тогда их подъем не обошелся без водяных мозолей на ладонях. Затем отверстие было снова закрыто, и мы оказались в лаборатории, окруженной шестью ризницами, куда нас направили помолиться за жизнь Короля и Королевы. Двенадцать музыкантов, плывших на корабле с Пирамидой, внесли в лабораторию фонтан, а с ним большую овальную шкатулку, которая, как я подозревал, содержала в себе тела обезглавленных Королей и Королев. Затем, пока они исполняли особенно приятную музыку, вошла Дева, неся раку, содержащую голову Мавра. Ее сопровождали закрытые вуалью девы с лавровыми ветками и факелами в руках.

Все встали вокруг фонтана. Дева вынула из раки голову Мавра, завернутую в тафту, и положила ее в сосуд, куда были налиты эссенция и настойки, приготовленные вчера. Этот раствор, оттого, что в него положили голову Мавра, стал бысто нагреваться, кроме того, девы положили на решетку под сосудом свои факелы, так что даже в фонтане забурлила и заиграла вода. Ветки лавра девы воткнули в отверстия вокруг фонтана, и брызги, летевшие на них, стекали затем в сосуд, окрашенные в густой желтый цвет.

Два часа играл фонтан и дистиллят капал в овальную шкатулку, пока тела, находившиеся в ней, не растворились окончательно. Затем Дева принесла золотой глобус. Его поднесли к овальной шкатулке и из нее побежала в него красная жидкость. После этого глобус снова унесли.

Мы, лаборанты, остались на четверть часа или около того, сидеть одни, пока я не почувствовал шаги над головой и не взглянул на свою лестницу. В потолке открылось отверстие, и мы снова полезли наверх с помощью крыльев, лестниц и веревок. Я нисколько не обижался на то, что Дева могла переходить другим путем, и, насколько я мог судить, кое-какую работу мы оставляли на долю Стража.

И на самом деле, когда мы попали на третий конклав, мы нашли золотой глобус уже висящим на толстой цепи в середине потолка. Стен у этой третьей лаборатории не было совсем, но между окнами висели зеркала таким образом, что всюду было видно только отраженное солнце: казалось, что в комнате нет ни одной свободной пяди, а только солнце.

Тепло от всех этих искусственных ослепляющих отражателей падало на золотой глобус до тех пор, пока Дева не нашла, что требуемая температура достигнута. Тогда она приказала закрыть зеркала, а когда глобус остыл, велела нам опустить его вниз и разрезать на части. После длительной дискуссии это было, наконец, сделано с помощью алмаза. Когда глобус распался на две части, то внутри его оказалось огромное снежно-белое яйцо. Оно было такое красивое, что мы стояли вокруг него радостные, как будто сами снесли его.

Как только наша Дева удостоверилась, что скорлупа у яйца достаточно затвердела, она тут же унесла его из комнаты, заперев за собой дверь. Что она делала с яйцом вне комнаты, я не знаю. Мы снова с четверть часа находились одни, а потом открылось третье отверстие в потолке и мы с помощью наших средств стали подниматься на четвертый этаж.

Там мы нашли огромный квадратный медный сосуд, наполненный серебряным песком, в который положили яйцо и стали подогревать на медленном огне. Когда оно было готово, его вынули из песка, но раскалывать его не потребовалось, потому что Птенец скоро освободился сам и выглядел при этом очень довольным.

Дева велела нам связать его, прежде чем его будут кормить. Когда мы это сделали и посадили Птенца на темный песок, ему принесли пить кровь обезглавленных Королей и Королев. Напившись, он стал расти у нас на глазах, покрылся черными перьями и стал чертовски энергично клевать и почесываться, что вздумайся ему кинуться на нас, он любого тут же бы отправил на тот свет.

Когда ему принесли еды еще, он сделался более покладистым и сговорчивым. Его черные перья полиняли и на их месте выросли снежно-белые. При третьем кормлении его перья стали так чудесно окрашиваться, что я никогда не видел подобной красоты. Теперь он вел себя по отношению к нам так дружелюбно, что Дева разрешила освободить его от пут.

За обедом мы большую часть времени развлекались нашей Птицей, а после обеда Дева и Птица покинули нас и была открыта пятая комната, куда мы попали прежним способом.

Теперь мы нашли нашу Птицу поджидавшей нас в прохладной молочной ванне, в которой она с удовольствием развлекалась. Под ванной находились горячие лампы. Когда они нагрели молоко настолько, что оно стало горячим, нам пришлось немало потрудиться, чтобы удержать в нем Птицу. Мы покрыли ее покрывалом, в котором сделали дыру, куда она высунула голову.

В нагретой ванне у Птицы вылезли все перья и жидкость растворила их, став от этого голубой, а Птица вышла голой, как новорожденный младенец. Затем мы продолжали нагревать ванну, пока вся жидкость из нее не

Окончание. Начало в № 2, 3, 1991.

испарилась, а на дне не остался голубой камень. Этот камень мы растерли в пудру и ею окрасили всю Птицу за исключением головы, которая осталась белой.

Дева снова ушла от нас вместе с Птицей, а мы сквозь потолок попали на шестой конклав, где нашли небольшой алтарь, установленный посредине комнаты. На алтаре лежали книга, зажженная тонкая свеча, небесный глобус, часы со звоном, хрустальный фонтан и череп с белой змеей, в том же порядке, как это было в Королевском Зале.

Птица стояла на алтаре и пила из кроваво-красного фонтана, потом она принялась клевать змею, пока та не стала истекать кровью. Небесный глобус вращался, пока не было достигнуто некоторое соединение, затем второе и третье. После каждого соединения звонили часы.

Затем бедная Птица покорно положила свою голову на книгу и охотно позволила отрезать ее одному из нас, выбранному по жребию. Пока не отрезали голову совсем, не пролилось ни единой капли крови, а потом она хлынула сразу свежим и чистым рубиновым фонтаном.

Мы помогли Деве сжечь дотла тело (вместе с подвешенной на нем маленькой табличкой) на огне, зажженном от пламени тонкой свечи, а прах положили в коробку из кипарисового дерева.

Тут я и еще трое со мной возмутились против этого обмана, в который мы были вовлечены.

«Господа,— сказала Дева,— мы уже в шестой комнате, и перед нами осталась только одна. Я вижу среди вас этих четверых (она указала на меня и остальных трех) — ленивых и вялых спутников, и я намерена исключить их из седьмого и самого чудесного действа».

Дева умела так хорошо владеть собой, что наша печаль прорвалась потоками слез. Были приглашены музыканты, они кларнетами выдули нас с позором из комнаты, сами при этом будучи почти не в состоянии от смеха дуть в свои инструменты. Но как только мы оказались за дверью, они тут же привели нас в хорошее настроение и повели по вьющейся лестнице на восьмой этаж под самой крышей, где мы увидели стоящего Старца.

Он дружелюбно встретил нас и поздравил с тем, что мы были избраны Девой. Когда он узнал, как нас напугали, то у него чуть живот не лопнул от смеха. Ведь нас постигла такая удача и таким ужасным образом!

«Поэтому,— сказал он,— мои дорогие дети, запомните, что человек никогда не знает, какое добро Бог намеревается принести ему».

Пришла Дева с коробкой из кипариса, в которой был пепел Птицы, и тоже

Рисунок К. Седова

стала смеяться вместе с нами. Затем под руководством старого Стража мы приступили к работе: налили в пепел приготовленной воды и получившуюся пасту нагрели и разложили в две маленькие формочки.

Пока она остывала, мы наблюдали сквозь щель в полу наших остальных собратьев, занятых этажом ниже. Они усердно раздували горн, приготовляя золото и думая при этом, что их предпочли нам.

Когда мы открыли формочки, то там оказались два ярких, почти прозрачных маленьких слепка ангельски прекрасных младенцев мужского и женского пола, каждый не более 4-х дюймов ростом. Мы положили их на атласные подушечки и смотрели на них до тех пор, пока не одурели от их прелестного вида.

Под руководством Стража мы взяли золотые чашечки с кровью из груди Птицы и стали по капле вливать ее в ротики младенцев, пока они не достигли своего полного настоящего роста и у них не выросли кудрявые золотые волосы. После этого Старец велел нам положить их на длинный стол, накрытый белой тафтой, чтобы нам не стало плохо от непередаваемой красоты.

Наша Дева пришла с чудесными одеждами, которые выглядели, как хрусталь, но были мягкие и непрозрачные. Она положила их на стол, и пока музыканты играли, вместе со Старцем исполнила много церемониальных жестов, направленных к потолку. Потолок был в виде семи полусфер и в середине самой высокой я заметил небольшое отверстие.

Теперь вошли шесть дев с большими трубами, обернутыми яркой, почти пылающей, зеленой материей. Старец взял эти трубы одну за другой и приложил к губам спящих так, что расширяющиеся концы труб были направлены в потолок. Затем в каждый раструб из отверстия в потолке устремился яркий поток пламени и вошел в спящие изображения младенцев, которые тут же заморгали глазами, хотя сами еще едва шевелились.

Затем спящих младенцев аккуратно уложили в переносную кровать, которую задернули занавесками, и там они продолжали спать.

Мы, между тем, сидели очень тихо, ожидая, когда проснется повенчанная пара. Так прошло около получаса.

Потом влетел Купидон и принялся досаждать им, пока они не проснулись, а проснувшись, были крайне изумлены, так как думали, что они спали с того часа, когда были обезглавлены.

Дева обрядила их в новые одежды, и мы все поцеловали им руки. Потом мы проводили их вниз на королевский корабль, на котором они отплыли домой вместе с Купидоном и свитой дев.

За ужнном Дева снова свела нас с нашимн прежннмн товарнщамн, но мы велн себя так, как будто оставалнсь пребывать в своем плачевном состояннн. За зтнм ужнном с намн был Старец. Я очень многому научнлся от него, и если бы людн присматрнвалнсь к его образу действнй, нх дело не оборачнвалось бы так часто неудачей.

После ужнна Старец повел нас в свой кабинет редкостей, где мы увиделн такне нзумнтельные пронзведення Прнроды н другне вещн, которые человеческнй разум нзобрел в подражанне ей, что нам н года не хватнло бы, чтобы как следует осмотреть нх. Так провелн мы добрую часть ночн прн свете свечей.

Затем мы разошлнсь по краснвым спальням н, будучн утомлены продолжнтельным трудом, проспалн беспробудно с 11 часов вечера до 8 часов утра следующего дня.

День седьмой

Следующее утро седьмого дня н последнего дня мы встретнлн в самой глубнне подвалов Башнн. Там нам далн желтые одежды и нашн ордена Золотого Руна, так как мы былн все еще одеты в черные погребальные одежды.

После завтрака Старец вручнл каждому нз нас золотую медаль, на одной стороне которой были слова: «Искусство — зто жрнца Прнроды», а на другой — «Прнрода — зто дочь Временн».

Потом мы пошлн к морю, где стоялн нашн богато снаряженные корабли. Их было двенадцать,— шесть, на которых прнплылн мы, а другне шесть прннадлежалн Старцу, но он сел в наш корабль, но котором былн мы все вместе. На первый корабль селн музыканты, которых у Старца было очень много. На всех двенадцатн кораблях развевались флагн со знаком Зоднака — на нашем был знак Весов. Море было так спокойно, что плыть по нему было одно удовольствне. Старец во время этого плавання занимал нас беседой (он хорошо знал, как провестн время), в которой рассказал такне удивнтельные нсторнн, что я, кажется, мог бы плыть с ннм всю жнзнь.

В теченне двух часов плавання мы пересекли море н узкнй пролив, н вошлн в озеро, на котором увнделн 500 кораблей, плывущнх от Замка встречать нас. Во главе нх шел сверкающнй золотом н драгоценными камнямн корабль с юнымн Королем н Королевой на борту, от нменн которых Старый Атлант прнветствовал нас.

Остальные наши товарищн былн крайне нзумлены прн внде Короля, так как думалн, что только онн должны вновь пробуднть его. Мы велн себя так, будто бы тоже былн удивлены. После речи Атланта выступил наш Старец. Он пожелал Королю н Королеве много счастья н потомства, а затем передал нм уднвнтельную маленькую шкатулку, но что было в ней, я не знаю. Затем зту шкатулку передалн на храненне Купндону, который парнл между Королем н Королевой.

Потом мы благополучно поплылн вместе, пока не прнчалнлн к берегу невдалеке от первых Врат, в которые я вошел когда-то.

На берегу нас ждали лошадн. Когда мы сошлн с кораблей, то Король, Старец и я селн верхом. Меня взялн только по прнчнне преклонного возраста н потому, что у меня, как н у Старца, была дл́нная седая борода и волосы. На каждом из нас тронх была снежно-белая Эмблема с Красным Крестом. Свою я прнкрепнл к шляпе. Юный Король, заметнв зто, спроснл меня, не я лн выкупнл зтн Эмблемы у Врат. Со всей скромностью я ответнл «Да», но он рассмеялся н сказал, что теперь не надо больше церемоннй, ведь я был его Отцом.

Когда мы достиглн первых Врат, нх Страж в своих небесно-голубых одеждах поджндал нас с прошеннем в руках. Он протянул его мне н попроснл нспользовать мое хорошее положенне, нзлагая его просьбу перед Королем. Поэтому по пути ко вторым Вратам я спроснл Короля о первом Страже. Король ответил, что он был в свое время очень нзвестным астрологом, но совершнл проступок перед Венерой, увндев ее в кровати во время отдыха. В наказанне за зто он должен был ждать у Врат, пока ктоннбудь не освободит его отсюда.

— Значнт, он может быть освобожден? — спроснл я.

— Да, еслн кто-ннбудь другой совершит такой же грех, он должен будет занять его место.

Этн слова вонзились мне в сердце, сознанне подсказывало мне, что я преступннк, однако я сохранил спокойствне н передал Королю просьбу Стража. По мере ее чтения Король приходнл все в большнй ужас и когда мы сошлн с коней, велел тут же прнслать ему в кабннет Старого Атланта. Он показал ему напнсанное, но Атлант не стал ужасаться, а сел на коня и поскакал к Вратам, чтобы разузнать как следует, в чем дело.

Нам было объявлено, что после ужина каждый нз нас может попросить у Короля, чего пожелает. Король и Королева, между тем, селн нграть в нгру наподобне шахмат, но фигурами в которой былн добродетели н пороки. Из зтой игры можно было увндеть, как пороки сидят в засаде протнв добродетелей н какнм путем можно нзбежать неожнданной встречи с ними. Во время нгры вернулся Атлант н по секрету сообщнл Королю о результатах, однако я весь покраснел, так как мое сознанне не давало мне покоя.

Король протянул мне просьбу, чтобы я ее прочнтал. В ней Страж Первых Врат сообщал, что один нз гостей Короля открыл Венеру, так что прншло время освободить его от обязанностей Стража, а также проснл позволнть ему прнсутствовать на вечернем банкете в надежде, что его преемннк будет обнаружен.

Король послал пригласнть Стража прнсоединиться к нам, а когда мы все селн за стол, он строго осмотрел нас. Затем былн поставлены в круг прочные нзящные стулья, н мы все селн на ннх вместе с Королем, Королевой, обонми Старцамн, дамами н девамн. Краснвый паж объявнл, что Король, в благодарность за нашу службу, нзбнрает каждого нз нас Рыцарем Золотого Камня и требует, чтобы мы дали пять клятв:

1) относнть основанне нашего Ордена только к Богу н Его служанке Прнроде;

2) возненавндеть всякое распутство н не осквернять Орден подобным злом;

3) использовать свон таланты для помощи всем, кто в ннх нуждается;

4) не стремнться к земному достонству н высокому авторнтету;

5) не желать жнть дольше, чем Бог положнл нам.

Последннй пункт мы не моглн встретить без улыбкн.

С соответствующей церемонией мы былн возведены в Рыцарн, а затем процессней направнлнсь в небольшую часовню, где я повеснл свое Золотое Руно и шляпу н, поскольку все пнсалн там свон нмена, я тоже написал:

> «Высшая мудрость зто не знать ничего».
> Брат Христиан Розенкрейц.
> Рыцарь Золотого Камня.
> 1459».

Затем Король удалнлся в небольшой кабннет, в котором каждый из нас в частной с ннм беседе нзлагал свон просьбы. Я решнл на свой собственный рнск освободнть Стража Первых Врат от его работы, поэтому, когда меня позвалн, я рассказал всю правду.

Король крайне нзумнлся моему прнзнанню и попросил меня отойтн немного в сторону, а когда я был позван снова, Атлант объявнл мне, что Их Королевскому Велнчеству крайне прнскорбно, что я, кого он любил больше всех, впал в такое несчастье. Однако, поскольку он не может нарушнть свон древнне обычан, то Первый Страж должен быть освобожден, а я поставлен на его место. Для меня не будет ннкакой надежды на освобожденне до брачного пнра его будущего сына. Этот прнговор едва не стонл мне жнзнн, однако я сохра-

нил мужество и осознал, что этот Страж был моим благодетелем, дав мне знак (жетон), с помощью которого я выстоял на весах и был сделан участником всех почестей и радостей, которые уже получил.

В это время добрый человек был объявлен свободным, а я подумал, что теперь мне придется окончить жизнь у Врат.

Кольцо служителя было одето мне на палец. Король обнял меня и сказал, что я вижу его в таком образе последний раз. Из этого я понял, что уже на следующее утро я должен буду сесть у моих Врат. Когда пришло время расстаться и остальные Рыцари были отведены в свои спальни, я, самый несчастный, не имел никого, кто бы указал мне путь. Но тут подошли ко мне никто иные, как два Старца — Атлант и Страж Башни. Они отвели меня в чудесную комнату, где стояли три кровати, на которые мы и легли. Тут мы принесли еще почти два...

* * *

В этой точке повесть неожиданно обрывается посредине предложения, и далее приписана концовка:

«Здесь недостает двух листов. Насколько можно себе представить,— будучи вынужден стать на утро охранителем ворот, он вернулся домой».

Ключ к тайнам Атлантиды?

Е. ЛАЗАРЕВ

Пирамида числа 28.

Завершилась чудесная повесть о жизни и смерти, завершилась счастливым концом, как и положено волшебной сказке, на которую так похожа «Химическая Свадьба». Наверное, каждый, кто ее прочитал, нашел в ней что-то знакомое. Если исследовать все ее сюжеты и образы, расшифровать все криптограммы, то получится объемистый том. Попробуем сказать о самом главном.

Созидание Храма

Невозможно не заметить, как часто встречается в «Химической Свадьбе» число семь. Казалось бы, все просто: речь идет о духовном восхождении, а оно многим народам представляется семизвенным. Индийский йог раскрывает в своем теле семь центров — чакрамов, возводя через них «змеиную силу» кундалини, которая расцветает в тысячелепестковом лотосе над его головой, в радостном экстазе единения с Вышним. Исламский мистик — суфий стремится к престолу Бога через семь таинственных «стоянок», повторяя небесный путь, которым некогда проследовал пророк Мухаммед. Семь небес, все более высоких и чистых, в иудейской космологии, семь прошений первой христианской молитвы «Отче наш», наконец, семь стадий процесса Великого Делания — приготовления философского камня — у алхимиков Европы. Может быть, последнее объясняет и структуру текста «Химической Свадьбы»?

Да, в первом приближении объясняет. Но «Химическая Свадьба» не так проста. Вроде бы, второстепенная деталь — число рыцарей, которые взвешивают приглашенных на Свадьбу (День Третий). В оригинале их не двести, а «почти двести». Как вы помните, они разделились на семь групп. Двести на семь без остатка не делится. А если их было 196? Тогда в каждой группе по 28 рыцарей. 28 — совершенное число, треугольная форма числа семь — или же семиступенчатая пирамида.

В древней Месопотамии небесный храм мыслился семиступенчатым. В христианском богословии семь — число Софии — Премудрости Божией. София — предвечный замысел Бога о мире, наглядиее всего выраженный в идее Небесной Церкви, божественного домостроительства.

Ни в одной стране христианского мира не была так разработана софийная иконография, как в России. Ветхозаветный образ Софии (в Книге Притчей) — семь столпов дома, который построила Премудрость (Притч. 9:1). В русских же иконах седмистолпный киворий Софии нередко возвышается на семиступенчатой пирамиде. Вот оно — треугольное число 28, которое в контексте «Химической Свадьбы» как бы возвещает о семичастном таинстве воскресения из мертвых, которое совершается в Дне Шестом (подземелье Олимпийской Башни соответствует основанию пирамиды, и число стадий процесса получается равным семи).

Еще более удивительные результаты дает изучение древнейшего типа русских софийных икон — новгородского извода. Он кратко и точно описан о. Павлом Флоренским в книге «Столп и утверждение истины».

...Крылатая огненноликая София сидит на престоле, который поддерживают семь столпов. Ее ноги опираются о круглый камень. Софии молитвенно предстоят Богоматерь и Иоанн Предтеча. Богоматерь держит сферу с Младенцем Христом, окруженным сиянием в форме шестилучевой звезды. Над Софией — поясное изображение благословляющего Спаса, а еще выше, на звездной радуге, стоит Этимасия, «Престол уготованный», с орудиями Страстей Господних и с книгой. Перед Этимасией склоняются шесть ангелов.

Каждый из этих образов имеет самостоятельный смысл, но здесь, в единой композиции, они образуют вполне определенное смысловое единство, выражая идею строения небесного «Дома Божия» (Евр. 3:6). Теперь попробуем себе представить — не в деталях, а в целом — образную архитектуру «Химической Свадьбы». Таинство воскресения в ней совершается под началом Девы и Старца. Более высокий, нежели Дева, женский образ руководительницы Свадьбы — величественная Герцогиня. Не скрывает ли она образ Софии? Шесть ангелов сослужат Софии в иконе подобно тому, как шесть чистых дев помогают Деве-Алхимии и Герцогине. Связь женских ликов в софийной иконографии также подобна той, которую мы видим в «Химической Свадьбе». Богоматерь — носительница Софии, Вселенской Церкви, иерархически ей подчиненная, хотя эти образы невозможно четко разграничить ни в богословии, ни в богослужебной практике.

И, наконец, София — это предвечная и в то же время апокалиптическая «Невеста Агнца» — Бога-Слова, мать всего мира, рожденного в этом сокровенном браке. Может быть, и эта концепция отражена в «Химической Свадьбе»?

Обратимся сначала к алхимии. Философский камень возникает в священном союзе Короля и Королевы («серы» и «меркурия», огня и воды) — мужского и женского начал. Их символы — треугольники, вершиной вверх и вершиной вниз. Сочетаясь, они дают шестилучевую звезду — символ первичной материи. Она бесплодна, пока в центре звезды не появится сверкающая точка — солнечный луч, упавший в изначальный хаос. Тогда шестерка, обычно символизирующая (в силу своей нечетности) смерть или еще не возникшую жизнь, обретает завершенность в седмеричной

форме. Она напоминает нам о шестикрылых Серафимах — ближайшем к Богу ангельском чине.

Рождение философского камня повторяет рождение Вселенной — в пространстве мифа. И Младенец Христос — евангельский «камень краеугольный», воплощенное Слово, вне которого ничего в мире не существует — изображен в софийных иконах в сиянии шестилучевой звезды. Этот же знак повторен в «Химической Свадьбе» в структуре семибашенного замка, где побеждается смерть. А поток небесного пламени, разделяющийся на шесть частей и нисходящий на воскресающих младенцев (День Шестой), невозможно не сопоставить с благодатью Святого Духа, как ее изображают в софийных иконах: в виде мощного центрального луча и шести более тонких рядом с ним.

В иконах Софии ярославского извода под шестистолпным киворием стоит распятие, образуя как бы седьмой столп. А в «Химической Свадьбе»? День Четвертый: шесть дев несут священные предметы, а Герцогиня — жемчужное распятие...

Такие соответствия, пожалуй, не объяснить ни заимствованием, ни общностью законов человеческого мышления. На неисповедимых путях живого, конкретного богословия великие творцы русского «умозрения в красках» и наиболее чуткие духовные писатели Запада воплощали одни и те же высочайшие идеи в простых и ясных формах, и старинная немецкая книга становилась иконой божественного домостроительства. К каким же древним архетипам восходят эти кристаллы человеческого духа? Можем ли мы хоть немного продвинуться на пути познания их истории?

Путь к бессмертию

Софиология — один из ключей к криптограммам «Химической Свадьбы». Например, София на многих иконах держит в руке процветший жезл — кадуцей — символ власти над душами, атрибут греческого бога Гермеса, божественного вестника. Кадуцей — это нить, ведущая нас от русской старины в античность и Египет, к герметизму — одному из тайноучений Древнего Средиземноморья. Что ж, многие атрибуты русских икон восходят к античной культуре, это общеизвестно. Но при чем тут «Химическая Свадьба»? Ведь там не упоминается кадуцей.

Перечитаем повнимательнее начало Дня Четвертого, где говорится о целительном фонтане Меркурия (в немецком оригинале — Гермеса). Ближайшая параллель к этому образу — «фонтан жизни» (символ христианского учения) в искусстве средневековой Европы. Но ведь и Меркурий-Гермес упомянут не зря: в таких текстах, как «Химическая Свадьба», случайностей нет.

Что такое кадуцей Гермеса? Символику жезла, обвитого двумя змеями, можно, по мнению многих ученых, истолковать на основе религиозных традиций Центральной Азии. Речь идет о тантризме, о йогической практике, которая упоминалась в начале этой статьи. Таинственная «змеиная сила» поднимается по незримым каналам в теле адепта, возносится над его головой и ниспадает назад, преображая бренное тело — как тютчевский фонтан, что огнецветной пылью падает на землю, коснувшись «высоты заветной» (быть может, мудрая интуиция поэта проникла в тайноучение древних?).

Не только йога и тантрический буддизм знают этот символ. Родственные идеи жили и восточнее Индии — у даосских мудрецов Китая, искавших средство обессмертить человека и мир. «Внутренняя алхимия» даосов учит, что тело человека, помимо обычных органов, обладает сокровенной, невещественной структурой, в которой и рождается «жемчужина бессмертия». Усилием воли и особой дыхательной практикой адепт разжигает в нижней части тела незримый очаг и возводит к голове потоки энергии, которые преодолевают на пути три «заставы» — в области копчика, против сердца и меж бровей. При этом рождаются «свет жизненности» и «свет духа» — женское и мужское начала. В даосской терминологии это Белый тигр и Синий дракон, свинец и ртуть, девица и младенец, инь и ян. Адепт направляет эти два «света» вниз, туда, где разожжен огонь. Там происходит очищение и соитие тигра и дракона; там, в таинственном треножнике, зачинается «бессмертный зародыш». Разжигание огня прекращается, зародыш созревает, как плод на дереве, и по каналу в позвоночнике поднимается к макушке головы, где рождается новое тело адепта. Потом оно вернется в прежнее, несовершенное тело, сольется с ним, завершая путь к бессмертию, ибо полученное при соединении тело приобретает все свойства божественного Дао.

Есть ли тут параллели с «Химической Свадьбой»? Вспомним День Пятый, древо Венеры в подземелье Замка. Ангел, держащий древо, стоит в сосуде, утвержденном на быке, орле и льве — треножнике! Плоды на древе Венеры созревают вследствие жара от пламени пиритовых свечей. Растают все плоды — значит, погаснут свечи; Венера станет тогда «матерью Короля» — родится «бессмертный зародыш» даосской алхимии.

Иерархия женских образов «Химической Свадьбы» также находит соответствие в науке даосов. Воскресающая юная Невеста — это «девица» (сочетающаяся с «младенцем»); Дева, совершающая таинство воскресения — прекрасная «сваха», которая пестует драгоценный «зародыш»; возвышенную Герцогиню можно сопоставить с У-шэн Лаому, «Почтенной матушкой, вышедшей из перевоплощений»: она не принимает практического участия в создании «бессмертного зародыша», но является высокой покровительницей тех, кто победил смерть и получил право увидеть ее, сидящую на лотосовом троне во дворце среди Небесных гор.

И еще один женский лик есть в «Химической Свадьбе» — Древняя Матерь. Она почти не участвует в развитии сюжета, но именно она дарует достойным право присутствии на Свадьбе и тем самым обеспечивает возможность совершить воскресение царственной четы. Когда происходит соитие инь и ян и зачатие «бессмертного зародыша» в теле даоса, он сам как бы превращается в нерожденного младенца, а его ум становится умом (или сердцем) Великого Дао — в ипостаси Дао — Матери. Она создает все, что есть в мире — а значит, и возможность сделать мир бессмертным, подобно Древней Матери «Химической Свадьбы».

Пожалуй, к Древней Матери близка и Венера «Химической Свадьбы» — при всем внешнем различии их образов. Венера станет матерью Короля — даосской «жемчужины бессмертия», которая преобразит мир. Не является ли этой жемчужиной Купидон — Эрос — творящая вселенская Любовь? В полном тексте «Химической Свадьбы» (День Первый) говорится, что грядущее царство счастья будет царством сына Древней Матери. Может быть, седовласый Старец из сна Христиана Розенкрейца — другая ипостась божественного Эроса?

С мужскими образами сложнее: они в «Химической Свадьбе» и у даосов не выстраиваются в столь же четкую иерархию. Упомянем только Яшмового императора, который присылает достойному адепту-даосу писанное золотом повеление войти в Пурпурный Дворец, где в яшмовом сосуде хранится эликсир бессмертия.

А как с другими символами «Химической Свадьбы»? В китайских алхимических трактатах и близких к ним книгах есть Бессмертные отроки и Яшмовые девы — служители Пурпурного Дворца (пажи и девы «Химической Свадьбы»), есть фениксы и единороги, есть «башня киновари», воспринимавшейся как вещество, которое соединило в себе качества женского и мужского начал и стало символом эликсира бессмертия (сравните с Олимпийской Башней «Химической Свадьбы»). Как вы помните, достойные присутствовать на Свадьбе собрались «со всех концов света», причем их было девять (см. загадку об имени Девы, День Третий). Не правда ли, нетрадиционное для Европы число «концов света»? А в сакральной топографии Китая мир делился именно на девять частей.

В книге «Баоцзюань о Пу-мине» — священном писании одной из тайных религиозных школ Китая, чье учение было основано на даосской «внутренней алхимии», адепт, пестующий в своем теле «бессмертный зародыш», уподобляется путнику, слева от которого восток, справа — запад. Путник идет на юг, как и Христиан Розенкрейц... Не слишком ли много совпадений? Не стоит ли за ними реальность более конкретная, нежели сродство священных символов?

Мистерия Белого Острова

Самое сокровенное чудо «Химической Свадьбы» свершается на Острове Олимпийской Башни. Какие традиционные мифологемы скрываются за этим образом?

Олимп — обитель небожителей, значит, в «Химической Свадьбе» речь идет о Башне Небожителей, о священном центре мира, где духовное небо соприкасается с землей. Представления о таком центре многообразны. Древние китайцы верили, что есть остров-гора Пэнлай, где находится эликсир бессмертия. Вряд ли удастся найти прототип этого образа в обжитых морях, омывающих берега исторического Китая. Но если это миф, то прототип острова мог существовать в далеком прошлом.

Великий индийский эпос «Махабхарата» повествует, что среди священного моря расположен светозарный Шветадвипа — Белый Остров, где живут люди, высокие духом, с лицом, сияющим, словно месяц, постоянно творящие молитву. В русских духовных стихах и народных заклинаниях — осколках забытых мифов — главной святыней является остров, где лежит бел-горюч камень. Сокрыта под тем камнем вся сила и мудрость мира. Находится остров на море Хвалынском — Каспийском. Почему же вещие певцы Руси выбрали мелкое море-озеро, а не безбрежный, полный тайн океан? Не потому ли, что помнили о тех временах, когда нынешний Каспий представлял собой часть огромного моря, занимавшего почти всю Центральную Азию?

Если это так, то память о древнем море тем более должна была сохраниться у центральноазиатских народов. Есть ли свидетельства такого рода? Да, есть. Например, в тибетской исторической хронике XIX века «Дэбтэр-чжамцо» приводится стихотворный отрывок об озере Куку-нор (северо-восточный Тибет):

И вот в середине находится глубочайшее море,
Синеющее подобно сапфиру,
Как небеса, растопленные солнечным светом,
Раскинулось оно безбрежно от горизонта до горизонта.
Это великое озеро...
Известно как Тишор Чжалмо.

Тишор Чжалмо — «Царица на престоле» — одно из названий не столь уж большого озера, которое именуется здесь глубочайшим, безбрежным морем, подобно «морю Хвалынскому» русской поэзии. А высокий образ морской царицы заставляет вспомнить о женских ликах, о которых выше уже шла речь.

Теософия и антропософия (так же, как религии Востока) утверждают, что человек разумный старше, чем принято считать, что во времена неандертальцев (по хронологии современной науки) уже шла к закату Атлантида, и ее святые люди перенесли центр духовного знания сначала на землю Египта, а потом туда, где еще только рождались из морских глубин будущие Гималаи — на Белый Остров.

Сопоставление индуистских и буддийских мифов с теософским учением — не новость для XX века. Чтобы связать эти построения с «Химической Свадьбой», нужно искать подтверждение в тексте самой книги. Пожалуй, сделать это не так уж сложно.

Этапы пути Розенкрейца на Свадьбу были отмечены вручением ему золотых медалей или жетонов с надписями. Обычная награда за успех? Но у обычного часто необычные корни, просто мы забыли о них. Е. П. Блаватская писала, что в храмах Атлантиды находились дискообразные ритуальные предметы со священными текстами. Костяные диски с явно сакральными изображениями находят при раскопках палеолитических поселений (это ведь и есть эпоха поздней Атлантиды по теософской хронологии!). Возможно, здесь же и истоки формы предмета, до предела опошленного в быту — металлических денег. Вряд ли многие сейчас задумываются над тем, что деньги — зримый эквивалент некоей ценности или силы, которая имеет (по крайней мере, должна иметь) всеобщее значение. Ауробиндо Гхош писал, что истинное происхождение денег — божественно. И, может быть, надписи на жетонах «Химической Свадьбы» (в оригинале их больше, чем в сокращенном варианте), взятые в совокупности, помогут понять значение дискообразных предметов из древних культур, например, знаменитого Фестского диска с острова Крит.

В Замке «Химической Свадьбы» в Королевский Зал ведет лестница из 365 ступеней (День Четвертый). Толщина стен Острова Олимпийской Башни — 260 шагов (День Пятый). Антропософское толкование первого из этих чисел — ежедневные медитации. Речь идет о знакомом нам солнечном годе, состоящем из 365 дней. Но что тогда означает число 260? Это священный год Древней Америки, связанный с обращением планеты Венера.

Родство культур Старого и Нового Света — традиционный аргумент в пользу существования Атлантиды. Может ли нам что-то дать в этом отношении «Химическая Свадьба»? Может. Ацтекский бог Кетцалькоатль (бог планеты Венера) впервые явился людям в белой одежде, украшенной красивыми крестами — как Христиан Розенкрейц.

Объем журнальной статьи не позволяет разработать другие темы, обозначенные в «Химической Свадьбе», например, деяния Дня Шестого (наиболее «алхимические» во всей книге) или линию, связанную с символами животных (скажем, единорог, как и феникс, связан с идеями воскресения и высшего знания). И хотя все вышесказанное — лишь эскиз возможного исследования, думается, можно подвести итог.

Мистерия «Химической Свадьбы» — это посвящение в таинства Золотого Руна и Золотого Камня. Золотое Руно в европейской алхимии символизировало философский камень, а греческий миф об аргонавтах, добывших Золотое Руно, имел, по словам о. Павла Флоренского, мистериальное значение. Вручение эмблемы Золотого Руна — как бы провозвестие высшего знания, полученного Розенкрейцем по воскресении царственной четы.

В чем это высшее знание? Если принять во внимание хотя бы часть ассоциативных связей мифологемы Золотого Камня, то это будет не только знание о Камне Краеугольном христианского богословия, о камне, на который опираются стопы Софии — Премудрости в откровениях иконописцев, но и о бел-горючем камне русской поэзии, о жемчужине бессмертия даосских мудрецов, о том дивном камне, который, по преданиям средневековой Европы, был сохранен ангелами в час битвы Бога с Сатаной и низведен на землю, чтобы уже тогда, в допотопные времена, отметить собой священный центр мира и стать обетованием победы над злом...

У многих народов (в том числе у русского) образ камня как основы мира издревле связан с представлением о Троице. Может быть, и жертвоприношение трех царственных пар в «Химической Свадьбе» — не только традиционная для древних мистерий формула личного приобщения адепта к тайне смерти, но и символ добровольной жертвы Триединого Божества во имя творения и преображения мира?

Закончим наше послесловие. Пусть этот «отзвук искаженный торжествующих созвучий» одного из глубочайших творений европейской мысли будет хоть немного полезен и тем, кто прочитал «Химическую Свадьбу» впервые, и тем, кто давно ее знал и, может быть, строил свой духовный мир на ее светлых образах.

«Земля-матушка, возьми мои тягости и болести, изыми у меня сухоту сухоточную и тоску тоскучую... Помоги мне!» Такими словами в старину обращались к земле.

Наверное, такими же словами просит дать ей силы поэтесса Полина Рожнова, когда приезжает из Москвы на родную вологодскую землю. Силы ей нужны,

Л. ВОЛКОВА

ВЕДУНЬЯ

чтобы исполнить свой долг, свое призвание: в наше трагическое время обратить взоры людей к земле-заступнице.

Полина — травница, целительница, хранительница обычаев предков.

Ее знания поражают воображение — как можно все это запомнить? Но путь ее, по-видимому, предначертан.

Пятилетней девочкой переступила она порог соседки — ворожеи. Порог этот был как бы границей, отделяющей жизнь обычного человека от человека знания, которого в народе принято называть колдуном, знахарем. Полине больше подходит другое слово — ведунья. И мир ее особенный: из переплетения трав, запахов земли, птичьего разноголосья. Ее речь завораживает особым ритмом, и не всегда улавливаешь грань, когда разговор переходит в певучие заговорные слова. Стихи ее похожи на плачи. В детстве она не умела говорить, как все дети,— она плакала. Человек ли горюет, пташка ль выпала из гнезда, коза ль застрянет рогами в заборе — девочка запричитывала чужую боль.

Иногда Полина говорит слова непонятные, но прервать ее или переспросить не приходит в голову. Так не вступают в спор с жаворонком: хочешь понять, о чем поет птица,— научись ее языку.

Но, вообще-то, Полина Рожнова делает все, чтобы быть понятной. Издаются сборники ее стихов. Скоро выйдет из печати подготовленный ею месяцеслов, где собраны приметы каждого дня года, заговоры, обряды. Заключен договор с медиками: составы трав, которые она предлагает для лечения болезней, сейчас проверяются в лабораторных условиях. Но, как правило, разногласий нет, и часть препаратов уже прошла испытания...

И вот я в гостях у Полины. Обычная уютная квартира. Необычен лишь запах сухих трав. Необычны и связки лекарственных растений. Необычна хозяйка — своей некогда обычной «необычностью»: русская «русалочья» красота, плавные движения, певучая речь, которую не хочется прерывать.

— Расскажите, пожалуйста, как знания, которые всегда считались тайными, передавались лишь устно от самой ворожеи, стали известны вам?

— Все мое детство прошло в глубокой вологодской деревеньке. Блазное, Становое, Маклаково, Бушуеха — названия не простые, они пришли из древности. Наши предки вкладывали в названия затаенный смысл. Например, Блазное. Блазнить означает водить, кружить. И действительно, в этих местах испытываешь необыкновенные чувства: вроде бы ты уже не человек, а растущий луч света, золотисто-зеленый, протянутый между землей и небом, и все твои горести, боли, вообще сознание того, что ты человек и живешь земной жизнью, уходит. Ты начинаешь видеть по-иному, будто с огромных высот. Когда я впервые полетела на самолете, вспомнила, что эту картину я видела, и видела будучи маленьким человечком, стоящим на берегу Лежи.

Река эта чудесная. Там, по народным преданиям, живут русалки, а по берегам растут волшебные цветы, такие как папоротник-цветок или разрыв-трава. Те, которые на Иванову ночь расцветают.

В этих же местах, в деревне Маклаково я познакомилась с бабушкой-ворожеей. То, что она была ворожея, я потом узнала. Слово ей вслед было брошено и мной принято.

Как она брала пучки трав, как варила зелье, как она над ним склонялась и какие слова шептала! Все это я запомнила. А как она собирала травы в лесу! Каждому корешку надо было сказать доброе слово, уговорить, чтоб земелька отпустила корень. Испокон веков так собирали травы ведуньи-травницы.

У нас до сих пор бытует понятие, что наши предки были люди суеверные, что они боялись солнца и поэтому поклонялись ему; боялись грома и поклонялись ему.

Совсем не так. Предки всё, рядом стоящее, любой предмет (сложенная своими руками русская печь или выстру-

ганный стул — всё это было для них едино, чувствовалось как хранящее тепло, наполненное добрыми словами) — раньше понимали, они понимали, что всё это живет, а не просто служит. Каждая травинка живет, и палка, вырубленная из дерева,— тоже живет. И всему этому живому нужна живая любовь.

Есть тайна дерева. В старину каждое дерево имело свое предназначение. Вот липа. Липа могла сводить людей, оберегать, сцеплять семью, домочадцев друг к другу тянуть.

Вот, примерно, как могло быть. Идет молодуха. Голову ниже плеч повесила, а к ней бабушка подходит и говорит:

— Ну что ж ты так кручинишься, милая?

— Да вот, муж стал из дома уходить.

— Вспомни-ка, «липовая лучина мужика прилучила». Возьми полено липовое, да отщипни две лучинки. Муж сойдет с постелюшки, а ты эти лучины положи крест-на-крест на матрац, да слово скажи заговорное:

«Вот я укладываю по Божьей милости две лучины животворные. Свете Тихий, и ты, Мати Святая Богородица, пособите мне в нехитром бабьем деле!

Возвернуте я тщусь суженного своего.

Я сымаю со поставушки животворные лучины и укладываю на уголья пенные. Как они горят, распаляются, как одним огнем занимаются.

Так и мне и мужу моему гореть бы едино, распаляться.

На новце, на утренней зоре и на вечере, на перекрой месяца.

Проходите мои слова во все щели земные, во все омуты глухие, возверните следы мужа моего на место обихоженное, Божьей милостью положенное».

Да еще если баба по приходу мужа заварит чайку на липовом цвете и напоит им супруга, то, по народному поверию, никуда ему не уйти. Как серпом острым, отсечет все его хождение на сторону.

— А с каким деревом связаны обряды в марте?

— В месяце марте природа только пробуждается. В это время распускается верба. Свойства вербы удивительные. Небольшое количество весеннего тепла дает ей рост внезапный, в эти дни она вбирает всю ценность еще не очень разгоревшегося солнца. За неделю до Пасхи есть Вербное воскресенье. День этот необычный. Вот смотрите, бывает, что живет в семье ребенок, а матери сторонится, неласков, невосприимчив. И мать его в этот день стегает вербой. Считается, что не женщина бьет, а Мать Пресвятая Богородица держит вербу, это она передает силы маленькому человечку, наделяет таким количеством тепла, что у него как будто открываются глаза на мать.

Вербе дает силу солнце весеннее да талая водица. О необычных свойствах талой воды сейчас заговорили, а ведь наши предки пользовались ею: выбеливали рубахи свои и белье. Да еще как! Никаких химикатов не нужно. Снежицей поливали цветы, и они быстрее распускались, поили кур, и они начинали нестись.

Женщины и себя выхлестывали вербой. Мы забыли, что с годами в землю врастаем, надо вытянуть себя из земли. Бабушка мне говорила, зачем ты на себя воду льешь, надо прежде всего поднять себя из земли. Для этого выхлестывают себя веником с ног до сердца, а потом спину, начинать всегда надо со стоп.

Попробуйте, начните, вы почувствуете себя так, будто заново родились.

— Говорят, что когда веточки вербы стоят в комнате, они как бы дезинфицируют ее?

— В старину был обычай очищать свой дом вербой. Кажется, что в доме чистота, и действительно, сколько раз подметаешь, моешь, трешь. Но возьмите веник из вербы и пройдитесь по углам. Чего только не прилипнет к нему. Это и волосья. Это и клочья черной паутины, то, что называется сметьем,— это считается пагубным сором, его надо вынести за дом и сжечь.

Почему волосья гулящей бабы считались пагубой, да потому что волос должен жить, хоть его и выдернули, но где-то ему надо питаться, и когда также волосья подбрасывали в какой-то избе, где хотели зла, они брали силу этого дома, его домочадцев, они питались живой силой: в доме начинали болеть, усыхать. Еще оторванные те волосья приносили большое горе, если они опутывали яйцо. Почему? А яйцо — это плодотворная сила, наша жизнь вся, почитание всей вселенной, всего рода человеческого. Мало того, что они вытягивают силу из яйца, можно представить себе, сколько они в себя втянули силы, они вплетали в себя всю животворную силу рода, и они стали сильными, и эта сила обрушивается на дом.

— В наше время, когда смена партнеров — явление обычное, слово «гулящая баба» кажется анахронизмом. Но много веков это слово для женщины имело силу проклятия. Вот вы упомянули про волосы «гулящей». Каковы истоки такого отношения?

— Раньше почитались родовые угорья — места обитания духов предков, Красная горка. Считалось, что надо не только побывать на могиле своих родственников, но и найти место, где обитают их души. Наши предки, считалось, наблюдают за нами. И им хочется, чтобы наша жизнь была радостной, чтоб мы достойно жили, потому что, когда мы умираем, мы тоже обретаем ту же невидимую плоть, и туда же к ним придем. А потом так произойдет, что сила тех предков вытолкнет одного из нас, и это будет тем семенем плодоносящим, которое ляжет в чрево, опять продолжающее род. В этом наши предки усматривали предназначение человека, его роль на земле.

Гулящая останавливала на себе род. В доме ведь что почиталось? Чистота, пусть небольшое богатство, но порядок — ряд, а ряд разрушен. Она пошла от мужика, пошла разрушать родовые гнезда. Предки наши с болью и отчаянием наблюдают за тем, что творится. В забвении дети, в слезах остаются жены. И получается, что идет опустение в деревне, забытье о роде человеческом, о предках наших. Одна баба может скосить несколько деревень, наделать много бед. Конечно, не почиталась гулящая баба, которая не думала о роде, не утворяла покой в доме.

Я как-то выступала на одном предприятии, и среди слушающих, увидела девушку, очень милую, но показавшуюся мне несчастной. По-видимому, не может

выйти замуж, хоть ей уж пора. Я обратила внимание, что она в очень короткой юбочке.

Я ей сказала, что в старину тебе ничего, возможно, не сказали бы грубое, но попрекнули бы, что не думаешь о роде своем.

— Но почему? — удивилась она.

— Очень просто, самое святое у бабы — это чрево. Она заслоняла его и как? Одежда ее была из льна. Холст — это оберег, животворная сила, которую земля питала, поднимала этот лен, потом солнце питало и водица, чтобы потом из этого растения соткать ткань, сшить одежду, да не простую, а обережную. Она защищала бабу от болезней, и особенно, самое уязвимое место — чрево, чтобы пустота его не заела, чтобы не завелся обробыдень. Что это? Вот баба забеременела, а ребенок начинает крутиться, вертеться, запутываться в пуповине. Чтоб не допустить беды, на подоле рубахи вышивали обережные знаки. Но какой же может быть оберег в коротенькой юбочке? Дума прежде всего должна быть о здоровье собственном, о том, как ты бережешь свой род, понесешь ли ты. В короткой юбке ты беззащитна от черноты, от болезней. Чем же можно заслониться?

Одень на себя платок в жаркий день, и ты будешь защищена от солнца. Одень на себя рубашку с длинным рукавом, чтобы не подвергаться облучению. Я хочу сказать, что мужчина — это зверь, ему нужна баба здоровая, по нюху он тянется к ней, она вызывает у него жадобу.

— А если все-таки заболел? Что бы Вы как травница посоветовали читателям?

— Сейчас, конечно, талую снежицу не принесешь, больного человека не оботрешь. Но тем не менее это весеннее время нельзя упускать. Вот постирала белье, вывеси его на солнышко, пусть вычистит нашу одежду, наши рубахи бабьи.

Еще что? Ну вот веточка вербы может снять головную боль. Разломи одну веточку вербы и положи ее на голову крест-на-крест. Или просто, веточку вербы размять и положить под платок: она вытягивает головные боли.

Ныне обезножевшее растет поколение: ноги слабые, не выносят долгой ходьбы, чувствуют погоду — все эти болезни лечит верба. Надо взять горсть сушеной коры, залить кипятком в ведре, дать остынуть и в теплый напар опустить ноги на полчаса, пока не станет едва теплым.

Верба вылечивает грибок, рожистые воспаления, которые только начинаются, тромбофлебиты всевозможные. Кора вербы, если ее потолочь мелко, до пыли, останавливает сильное кровотечение из носа у ребенка, лечит дыхательные пути, то есть верба — чудотворная.

И еще я давно уже говорю о силе угольков — березовых и липовых, вынутых из русской печи. Бабушки в деревнях часто прямо в миске на столе оставляют уголья. И дети особенно любят лакомиться ими.

В старину очищали кишечник, спасались от желудочных недомоганий, просто съедая по нескольку угольков в день. Уголь — это средство, которое спасало от солнечного удара, от головной боли, когда лето выдавалось знойным.

Мы гонимся за иноземными обрядами, растениями и забываем о своем, близком. К примеру, как умоляем порой привезти нам корень жень-шеня. А я всегда считала, с врачами спорила, что настойка из корня, способствует восстановлению сил человека, но она же увеличивает, если есть в организме злокачественные опухоли, их рост. И оказалась права.

Но есть ведь у нас, на нашей земле всем знакомая береза. Майские клейкие листочки березы восстанавливают силы человека и одновременно убивают злокачественные образования, чистят кровь.

— Полина, а что бы Вы посоветовали женщинам при отсутствии средств по уходу за лицом?

— Можно растолочь кору вербы, намочить в ее соке холщовую тряпочку и положить на лицо. Лицо оставляет старушечья дряблость, снимает аллергическую красноту. Глазам передается зоркость.

Вместо крема можно использовать такой состав: взять один стакан нутряного свиного несоленого сала, положить две ложки ромашки — все это варить десять минут, а затем процедить. Хорошее народное средство. Но главное, конечно, добрый настрой в душе.

Вот, к примеру, мы домовому приписываем недобрые качества, что он может серчать, набрасываться на хозяев, душить по ночам, но в старину считали, что это добрый дух дома. Вот мы с вами говорим спокойно, из этого спокойного слова родится добрая сущность. Именно из слова рождается невидимая для нас плоть, она, как говорят теперь, может быть и в другом измерении, но мы-то ее чувствуем. Да и входя впервые в незнакомый дом, мы тотчас угадываем дух дома. И он поселяется в этом доме, бережет детей наших, хранит спокойствие в доме, и мы его почитаем.

Уезжая надолго из дома, я вспоминаю о нем как о родственнике, не забываю оставлять ключи, чтобы проветривали стенки, ведь может задохнуться добрый дух.

Зато, когда приезжаешь, прямо слышишь какой-то шелест, кто-то прошелся, пролетел.

Мы вместе с дочкой варим кашу для батюшки домового. Он придет, посмотрит, что́ для него сварили, а потом уже семья заходит, садится за стол.

В дни почитания батюшки домового моя дочь просит всегда, чтобы я рано не укладывала ее спать, чтобы вместе сотворить обряд почитания. В Народном календаре отмечено несколько таких дней.

— Скоро выйдет в свет составленный Вами «Русский народный календарь». О каких наиболее значительных днях весны можно рассказать?

— Это свод всех 365 дней, где дается полная картина каждого дня. Каков человек, рожденный в тот или иной день, его характер, на что он способен. В старину никогда не ставился вопрос: «Кем быть?» Сам день определял его предназначение. Рожденного, например, 14 февраля нельзя делать пастухом: у него скот или разбежится, или увязнет в болоте. Человека этого в деревне считали не от мира сего: «в нем звезды переговариваются».

По календарю деревенские свахи подбирали пары. Зная календарь, можно было определить наилучшее время сева. И, конечно, по календарю совершались обряды, от которых порой зависела жизнь человека.

Одним из самых значительных дней марта считался 14 марта — день Евдокии-Плющихи.

Смотрели на Евдокию: «Омылся ли месяц снеговой водицей? Если омылся, то и в лето с дождем покатился.

Солнышко, говорят, в этот день Евдокией поглядывает: то снег зарядит, то дождь зазвенит. Ледяные наковаленки Евдокия ладит, Василию-капельнику угрожает. Но бывает, что на Евдокию снегом соба́ку встояч заносит. Метет так, что белые вихри меж землей и небом стоят».

Вот в этот день женщина, желающая забеременеть, совершала такой обряд. Она шла на Красное угорье, прихватив с собой чарочку с крапивной настойкой, брала три лучины и венок, который был сплетен из трав 15 августа. Сначала она венок должна положить, потом внутрь венка поставить три лучины и чарочку с настоем. Зажигала лучину — загорался венок, раскалялась скляночка. Баба тем временем каталась по Красной горке, повторяя заклинание, затем выпивала чарочку, одевалась и шла домой. От нее веяло вешней чистотой, снегом. Чрево ее разогрелось, она уверена, что бог плодородия ее увидел. И, когда она появлялась такая, с готовым понести чревом, то была очень желанна мужу и, естественно, беременела.

А вот 22 марта равноденствие будит природу. День с ночью мерится. По народному поверью, в этот день прилетает из-за моря кулик. Он отмыкает воду ключевую. Тропинки чернеют, снег тревожится. Медведь потягивается в берлоге. Косогоры взмокли. Угорья ждут — не дождутся, когда снеговая водица в низину сойдет. А у волчицы волчата щурятся на белый свет. Кукушка голос подает.

В марте глядят: «Ручьи маловодны, не поют солнечных песенок с утра — не миновать летом засухи. А если водополь велика, то и ноша хлебная будет велика».

Верная примета о птицах. Если они вьют гнезда на солнечной стороне, то выдастся лето холодным.

Каждый день русского народного календаря — это свои приметы, когда рядом с человеком действует все живое, видимое и невидимое, злое и доброе. И древняя заповедь такова: «Доброе бери в союзники, поклоняйся ему, а от злого уберегайся».

— Полина, кому как не Вам знать, сколько на каждого из нас наваливается проблем,

просто руки порой опускаются. Есть ли какой-нибудь заговор для восстановления сил?

— Говорят, что в день Ондроника 25 октября можно шестом до звезды достать. Совком звездной россыпи почерпнуть. Отсюда гадания, заговоры.

Свою звезду, коли остыла она, коль холод в себе чувствуешь и жизни тесноту, когда всутерпь жизнь идет, ты можешь согреть.

Возьми шест, обмотай ветошью, в полночь ту ветошь подожги, да встань в начертанный круг в чистом поле. Знать надо такой заговор:

«Отступи от меня,
вой да морок.
Выйди из меня, сухота сухоточная,
маята нечистая.
По руслу огня
войди в меня, сила небесная.
Нить серебряную звезды
обрати, Родиха-мать,
в силу красную да текучую
и в меня пролей!..
По руслу огня в меня».

— В «Русском народном календаре» расписан каждый день, но возможно ли в наше время соблюдать традиции такой не похожей на нашу жизнь? Вы ведете передачи на всесоюзном радио, участвуете в телепередачах и снимаетесь в кино, ведете занятия с детьми и выступаете с фольклорными музыкальными коллективами, имеет семью, не говоря уже о большой общественной работе в Союзе писателей, командировках... Как тут жить по календарю?

— Но только благодаря знаниям, накопленным нашими предками, используя их, я и могу осилить такую ношу.

СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ НЕБЕСНОГО ГРАДА

Продолжение. Начало в № 1—3, 1991.

Ступень двенадцатая. АМЕТИСТ

Порядок чередования месяцев в современном европейском календаре вынуждает нас опуститься к двенадцатой ступени основания Небесного Иерусалима, соответствующей зодиакальному знаку Овна. В «Откровении» Иоанна Богослова эта ступень таинственным образом связана с аметистом. В современных календарях камней (чей источник обычно неясен) аметист, как правило, называют талисманом февраля, так что здесь наше толкование расходится с общепринятым. Однако есть и такие календари, где аметист, как и у нас, связан со знаком Овна.

Аметист — фиолетовая или сиреневая разновидность кварца, нередко со скрытым слоистым строением. Цвет аметиста по-настоящему проявляется при свете солнца, при электрическом же освещении этот камень бледнеет. А при сильном нагревании аметист вообще утрачивает свою природную окраску и превращается в прозрачный зеленый камень, который называют празиолит. Впрочем, иногда аметист меняет цвет без всякой видимой причины. Считается, что это предвещает бурю, поэтому аметист часто брали с собой путешественники.

Название «аметист» — греческого происхождения. Amethystos переводят как «непьяный»: уже в античную эпоху бытовало мнение, что человек, носящий этот камень, не подвержен опьянению, а также влиянию злых мыслей. Поэтому аметистами украшали чаши для вина. Русское поверье об аметисте как средстве от «неплодия», возможно, восходит к древним месопотамским представлениям, согласно которым аметист изгоняет прежнюю любовь из сердца женщины, открывая его для новых привязанностей. Тем не менее в новое время аметист принято было дарить возлюбленным. Считалось даже, что он способен разгладить морщины. Только надевать его нужно было время от времени, так как при постоянном ношении его сила слабеет.

Плиний Старший в «Естественной истории» так писал об аметисте: «Название, которое носит этот камень, происходит, как говорят, от своеобразной окраски, которая приближается (хотя полностью и не соответствует, так как является фиолетовой) к цвету вина. Или, согласно мнению некоторых более сведущих людей, от того, что фиолетовый цвет этого камня несколько напоминает цвет пламени, однако этот оттенок скорее приближается к цвету вина».

Существует и другая версия происхождения названия аметиста. Она также связана с Древней Грецией. Предание гласит, что в кристалл аметиста была превращена нимфа Аметис, одна из спутниц Артемиды — целомудренной богини-охотницы. Таким способом богиня спасла Аметис от нескромных посягательств бога буйных мистерий — Диониса.

Античные представления о целебной силе аметиста перешли и на Русь. Интересно, однако, что родиной аметиста русские люди считали не Грецию, а Индию — былинную страну чудес (хотя прекрасные аметисты находили и совсем близко — на Урале).

Как мы видим, аметист не был символом каких-либо высоких богословских идей и образов (в отличие от сапфира, например). Тем не менее, этим фиолетовым камнем часто украшали христианскую церковную утварь. Перстни с аметистом носят католические епископы. Вообще, к рубежу XIX—XX веков распространяется мнение, что носить аметист достойны только люди очень высокой духовности. Даже после того, как они покидают земной мир, принадлежавший им аметист сохраняет силу их духа и впитывает дисгармоничные энергии других людей, когда они берут в руки этот камень. Недаром сказал Элифас Леви: «Камень — вещь живая»...

Завершая рассказ об аметисте, попробуем разобраться в одном противоречии, связанном с этим камнем. Получается, что аметист в «Откровении» Иоанна отмечает нижнюю ступень пирамиды, ведущей к Небесному Иерусалиму. Между тем в иерархии цветов радуги фиолетовый занимает самое высокое положение. Красный — наиболее земной, ибо это цвет крови и страданий; затем начинается восхождение к небу — голубому, синему, фиолетовому. В чем же дело? Может быть, в том, что радужная лестница ведет к небу мира дольнего? Тогда фиолетовый цвет связует его с горним миром, и, наверное, можно представить, что аметистовая ступень основания Небесного Града незримо покоится на фиолетовой беспредельности неба, доступного взору людей.

Продолжение следует

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

Карлос КАСТАНЕДА

— Разве нас направляют какие-то снлы? — спросил я.

— Разумеется.

— Что это за снлы?

— Этого не объяснншь. Просто снлы, двнжеиие, ветер...

Я хотел продолжнть расспросы, но дон Хуаи внезапио вскочнл иа ногн — одннм иеуловнмым, легкнм рывком, будто его подбросило невндимой пружниой. Я в изумлении уставнлся на него: все еще ие мог прнвыкнуть к его поразнтельной ловкостн. Дон Хуан же сухо велел поймать кролнка, освежевать его н поджарнть мясо — н все это до наступления сумерек. Взглянув иа небо, ои сказал, что, если поторопнться, времени хватнт.

Я тут же прнвычио прнступил к делу. Дон Хуан шел рядом н приднрчиво следнл за мной. Я был совершенио спокоен н скоро поймал кролнка.

— Теперь убей его,— так же сухо прнказал дон Хуаи.

Я запустнл руку в ловушку, схватил кролнка за уши, н тут на меня волиой накатнл страх. Я вдруг поиял, что дои Хуан ни разу не показывал, как убнвают днчь. Сколько мы броднлн по пустыне, н за все время ои сам, своей рукой, убнл только гремучую змею, кролнка да двух куропаток...

Я броснл кролика обратио в ловушку н взгляиул на доиа Хуана:

— Не могу...

— Почему?

— Ннкогда этого не делал.

— Но ты же много раз убивал птнц.

— В птнц я стрелял, а тут — рукамн...

— Какая разинца? У этого кролнка вышло время!

Дон Хуан говорнл уверенно, будто знал это абсолютно точно.

— Убей,— повторнл он, н глаза его сурово блеснулн.

— Не могу.

— Но этому кролнку время умереть! — крнкнул дон Хуан. — Отмеренный ему срок кончнлся, он не может дольше оставаться здесь, в этой прекрасной пустыие. И раз направляющий дух своей силой прнвел его в твою ловушку, и как раз на нсходе дня, ты не имеешь права медлнть!

Самые разнообразные чувства н мыслн вдруг лавиной обрушнлнсь иа меня. Я вспомнил, сколько раз в жизнн сам бывал в положеиин этого кролнка, остро почувствовал тоску н безысходность жертвы, представнл, как захлопывается ловушка....

Зверек забнлся в дальннй угол н сидел там оцепенело, свернувшнсь клубком. Я посмотрел на иего, а ои на меня. Его затравленный взгляд еще раз иапомннл мне, что н я не раз замнрал так, в безмолвном ужасе...

— К черту! Не буду убнвать! — громко сказал я. — Я его выпущу.

Я хотел схватнть кролнка за уши, но промахнулся: я весь дрожал от какого-то неведомого пронзнтельиого чувства. Снова запустнл руку, н снова мнмо — кролнк стрелой метиулся в другой угол. К горлу тошиотворно подкатывало, н в отчаяинн я стукнул кулаком по клетке, думая разломать. Но клетка выдержала, н я, ие помня себя, вскочнл н нзо всей снлы злобно пнул ее ногой. Прутья громко хрустнулн и я вытащнл, наконец, кролика. Но радость тут же угасла: кролик безвольно внсел в руках. Он был мертв.

Я в растерянностн повернулся к дону Хуаиу. Тот смотрел иа меня в упор, меня обдало днкнм страхом...

Я прнсел иа камень. Снльио болела голова, подташннвало. Дон Хуан прнложнл мне руку ко лбу н шепотом велел поскорее — сумеркн блнзятся — освежевать н зажарнть кролнка. Он уговаривал меня терпелнво, точно ребенка: снлы, управляющне людьмн и жнвотнымн, прнвели этого зверька ко мне, а когда-нибудь, точно так же, и меия прнведут к моей смертн. Смерть кролнка вышла подарком мне, а моя смерть, в свою очередь, выйдет подарком комуннбудь другому.

Меня по-прежнему мутнло. Я был совершенно подавлен, хоть н пытался уговорнть себя, что ннчего особениого ие пронзошло. Все чуднлось, что я сам попался в ловушку.

Дох Хуаи сказал, что я должен съесть хоть немного кроличьего мяса — иужио показать, что я оценнл подарок.

— Не могу... — жалобно пробормотал я.

— Мы — инчто по сравненню с этнмн снлами,— резко сказал ои. — Не преувеличивай собственную значимость н прнмн, что тебе подарено.

Я подобрал кролнка с землн; ои был еще теплый.

Дон Хуаи прошептал мие в самое ухо:

— Твоя ловушка оказалась для иего последней бнтвой. Я тебе верно сказал: ему нельзя было дольше оставаться в этой прекрасной пустыне, время его вышло.

Открыться силе

17 августа 1961 г., четверг

Выйдя нз машнны, я сразу пожаловался, что мне худо.

— А ты сядь, сядь... — мягко сказал дон Хуан н, чуть лн ие поддерживая под руку, повел к крыльцу. Улыбнулся, похлопал по спнне.

Две неделн назад, 4 августа, дон Хуан, как ои выражался, нзменнл тактику н дал мне попробовать пейотовые головкн. Вершнной галлюцинацин стала нгра с собакой, жнвшей прн доме, где проходнл иаркотнческнй сеанс. Дои Хуан счел эту нгру чрезвычайно важным событием. По его словам, в моменты снлы — а я тогда переживал нменно такой момент — ясный повседневный мнр исчезает, н та собака была вовсе не собака, а воплощеиие содержащейся в пейоте божественной снлы — Мескалнто.

Последствнем этой галлюцннацнн явнлнсь расслабленность н уиынне, а также необыкновенно яркне сны, кошмары.

— А где твоя пнсанина? — спросил дон Хуаи, как только я уселся у порога.

Тетрадь я позабыл в машнне. Дон Хуаи сам пошел к машине, осторожно вытащнл портфель н спросил, ношу лн я его с собой, когда хожу пешком. Я сказал, что да.

— Сумасшедший... Я же говорнл — не носн ннчего в руках. Купи себе рюкзак.

Я рассмеялся. Таскать тетрадн в рюкзаке! Я сказал, что обычно иа мне костюм, н выйдет иелепо — рюкзак поверх тройкн.

— Одень поверх рюкзака пальто,— посоветовал он. — Лучше казаться горбуном, чем иосить в руках портфель н разрушать свое тело.

Продолжение. Начало в № 7—9, 12, 1990 и № 2, 3, 1991.

Он заставил достать тетрадь и записывать беседу. Видимо, он хотел, чтобы я чувствовал себя привольно.

Я снова пожаловался: мне нехорошо, тоскливо...

— Начинаешь учиться,— улыбнулся дон Хуан.

Мы долго разговаривали. Оказывается, Мескалито, позволив играть с ним, указал, что я — «избранный». И теперь дон Хуан (хоть его этот знак не удивил, ведь я не индеец) передаст мне тайное знание. У него самого тоже был «благодетель», benefactor, научивший, как стать «знающим» (man of Knowledge).

Донхуановское намерение испугало меня. На меня так скверно подействовал пейот, а теперь к тому же я — «избранный», мне откроет нечто этот несомненно странный человек... Все это невыносимо угнетало и смущало. Но дон Хуан отвел мои опасения и посоветовал думать только об одном: как замечательно, что Мескалито играл со мной!

— Только об этом,— повторил он. — Остальное придет само.

Он поднялся, легонько погладил меня по голове и тихо сказал:

— Я научил тебя охотиться, я и научу, как стать воином. Но запомни: выучившись охотиться, еще не становишься охотником; и научившись, как стать воином — воином еще не становишься.

Я был подавлен и разочарован, к тому же мне было очень худо. Я снова пожаловался на яркие, страшные сны. Он как-будто подумал минутку и сел на место.

— Очень странные сны,— добавил я.

— У тебя все сны странные,— уколол он.

— Да нет же, эти действительно ни с чем не сообразны!

— Ничего, не тревожься. В конце концов, это всего лишь сны. Ты спишь, как все обыкновенные люди, и в твоих снах нет силы. Зачем же о них рассуждать, беспокоиться?

— Не знаю, мне что-то тревожно. Нельзя ли от них избавиться?

— Нет. Сами пройдут... А тебе пора открыться силе, и для начала ты как раз и займешься «сном».

Слово «сон» он произнес таким тоном, будто оно несло в себе особый смысл. Я задумался, как бы ловчее об этом спросить, но он заговорил первым.

— Я не рассказывал тебе о «сне», потому что доныне учил тебя только тому, как стать охотником. Охотник не управляет силой, и ему снятся обыкновенные сны, порой мучительные, но это еще не настоящий «сон». Воин же ищет силу, а «сон» — один из путей к ней. В этом и заключается разница между охотником и воином: воин находится на пути к силе, а охотник ничего не знает о ней. Человек сам не решает, может ли он стать воином, или только охотником; решается это в царстве сил, которые направляют людей. Именно эти силы привели тебя ко мне, на ту автобусную станцию, помнишь? Познакомил нас какой-то шут, а если человека приводит шут — это прекрасный знак. И я научил тебя, как стать охотником... И вот еще один прекрасный и важный знак — с тобой играет Мескалито. Понимаешь, к чему я?

Его своеобразная логика была, однако, неотразима. Я слушал его и гибельно углублялся в неведомый и жуткий мир — я не хотел туда проникать и никогда, даже в самых причудливых фантазиях, не смог бы даже представить его.

— Что, по-вашему, я должен делать? — спросил я.

— Открыться силе; заняться снами. Ты считаешь их игрой воображения, потому что у тебя нет силы. А воин, ищущий силу, считает их реальностью.

— Значит, он путает сон с реальностью?

— Он ничего не путает. Просто то, что ты считаешь сном, для воина — реальность. Воин — отнюдь не глупец, запомни. Он — отменный охотник, выслеживающий силу; он не пьян и не безумен, у него нет ни времени, ни возможности обманывать себя и других или ошибаться. Ставки слишком высоки. На карту поставлена его твердо устроенная, четкая жизнь, которую он так долго приводил в порядок, совершенствовал. Он не намерен потерять все это, и ни в чем не промахнется, и ничего не спутает... «Сон» воина — реальность, потому что в таком сне можно действовать по собственной воле, одно принимать, а другое отбрасывать, из многих событий выбирать те, что ведут к силе, управлять ими, использовать их. В обыкновенном сне действовать по собственной воле нельзя.

— И вы считаете, что такой «сон» реален?

— Конечно.

— Так же реален, как бодрствование?

— Если уж сравнивать, то пожалуй, даже реальнее. Во время «сна» у тебя есть сила; и можно изменить обстоятельства; и раскрыть множество тайн; и управлять событиями.

На утверждения дона Хуана во мне всегда что-то откликалось. Мысль, что во сне человек волен делать, что угодно, была мне по душе, и я его хорошо понимал. Но принять эту мысль всерьез... К такому рывку я был не готов.

С минуту мы разглядывали друг друга. Рассуждал он сейчас, как сумасшедший, однако, в принципе, более трезвомыслящего человека я в своей жизни не встречал.

— Я не верю, что вы считаете сны реальностью,— сказал я.

Он усмехнулся, словно бы и не сомневался в ущербности моих взглядов, молча поднялся и вошел в дом.

Я долго сидел в каком-то оцепенении. Наконец, он позвал меня в дом и протянул миску кукурузной каши.

Я спросил, чем он считает состояние бодрствования. Он не понял и не захотел отвечать.

— То, что мы сейчас видим перед собой,— что это? — Я имел в виду, что у нас перед глазами реальность, в противоположность сну.

— Это — еда,— сказал он, сдерживая смех.

— Это — реальность. Потому что мы едим по-настоящему.

— «Сны» мы видим тоже по-настоящему,— похохатывая, возразил он. — И охотимся по-настоящему, и гуляем, и смеемся.

Я не стал спорить. Принять его мысль я все равно бы не смог, как бы усердно ни старался. Он, казалось, с удовольствием наблюдал мое отчаяние.

Когда мы поели, он небрежно заметил, что сейчас мы пойдем в пустыню, но бродить, как прежде, больше не будем.

— Отныне все будет по-другому. Мы пойдем в место силы (place of power) ты должен научиться, как открываться ей.

Я в замешательстве пробормотал, что у меня ничего не получится.

— Не давай воли глупым страхам,— велел он, похлопывая меня по спине и добродушно улыбаясь. — Я взрастил в тебе охотничий дух. Тебе нравится бродить по этой прекрасной пустыне, ты ее уже не бросишь.

И он, кивком позвав меня за собой, пошел по тропинке. Я мог бы сесть в машину и уехать, но мне и вправду нравилось бродить с ним... Только с ним рядом я чувствовал, что мир и в самом деле страшен, загадочен и прекрасен; и чувство это мне тоже нравилось. Как выражался дон Хуан, я был на крючке.

Дон Хуан направился к далеким холмам, высившимся на востоке. День был жаркий; раньше я бы не вынес такого зноя, а теперь едва его замечал.

Мы долго шли по ущелью с высохшим речным руслом. Наконец, дон Хуан остановился и сел в тени валунов. Я достал было из рюкзака печенье, но он велел все убрать и сказал, что я должен сесть на видном месте. Указал на почти круглый валун, одиноко лежавший шагах в пяти от нас, и помог на него взобраться. Я думал, он и сам полезет следом, но он лишь немного поднялся, протянул мне несколько кусков вяленого мяса и совершенно серьезно предупредил, что это — мясо силы, жевать его нужно медленно и смешивать с другой пищей нельзя. Затем он отошел и сел в тени. Сидел он расслабленно, в полудреме, не шевелясь. Когда я доел мясо, он выпрямился, повернул голову направо и стал как будто прислушиваться. Взглянул на меня, вскочил и принялся внимательно осматриваться, как это делают охотники. Я машинально замер и лишь

неотрывно следил за ним с валуна. Он крадучись зашел за гряду камней и затаился, словно ожидая зверя. Я теперь только заметил, что остановились мы на закрытой круглой площадке, образованной поворотом ущелья и окруженной глыбами песчаника.

Внезапно дон Хуан, улыбаясь, выступил из-за камней, потянулся, зевнул и направился к моему валуну. Я успокоился, сел поудобнее и спросил, все ли в порядке.

Он прокричал, что тревожиться нечего.

У меня тут же схватило в животе. Странный ответ, и к тому же вряд ли он стал бы кричать без особой причины.

Я начал было сползать с валуна, но дон Хуан крикнул, чтобы я оставался на месте.

— Что у вас там? — спросил я.

Он устроился меж двух камней у подножья моего валуна и очень громко сказал, что просто осматривался — ему послышался какой-то треск.

— Может, это зверь?

Он приставил к уху ладонь и прокричал, что не слышит меня, нужно говорить громче. Мне казалось глупо орать, но он зычно настаивал, и я крикнул:

— Что происходит?

— Ничего особенного! А ты с высоты ничего такого не замечаешь?

Я ответил, что нет, и он так же громко попросил описать, что видно на юге.

Так мы перекрикивались, пока он не махнул рукой, разрешая слезть. Я присел рядом, и он шепотом объяснил, зачем нужно было кричать: так мы показали, что мы здесь, ведь я должен открыться силе, которая содержится в здешнем источнике.

Я огляделся, но источника не увидел.

— Он прямо под нами,— шепнул дон Хуан. — А в воде есть дух, вот его-то мы и выманиваем. Может, выйдет к нам...

Я принялся расспрашивать о таинственном духе, но дон Хуан запретил разговаривать даже шепотом: теперь нужно затаиться и ни в коем случае не выдать себя.

Ему, очевидно, не составляло труда не двигаться сколь угодно долго; я же скоро вконец измучился. Ног я совсем не чувствовал, ныли спина, шея, все тело затекло... Ожидание обратилось в пытку. Наконец дон Хуан поднялся: вскочил, как ни в чем не бывало, и протянул мне руку.

Я попытался встать и тут только понял, насколько поразительна его легкость; после долгой неподвижности ноги меня не слушались, и идти я сразу не мог.

Дон Хуан повернул назад, к дому. Мне он велел идти следом, в трех шагах. Он шел очень медленно и все крутился вокруг нашей обычной дороги — то вправо уйдет, то влево; мы ее раз пять пересекли, пока, уже к вечеру, добрались до дому.

Я приступил было к нему с вопросами, но он отказался отвечать о том, что сегодня с нами было,— разговаривать необязательно, и, пока не попадем опять в «место силы», спрашивать ни о чем не надо. Меня жгло любопытство, и я попытался шепотом расспросить про «место силы». Он глянул холодно и яростно, и напомнил, что не шутки со мной шутит, велено молчать — значит, молчи.

Мы долго сидели у порога. Я работал над записями, а он то и дело подсовывал мне кусок вяленого мяса... Стемнело, писать больше было нельзя. Я принялся было обдумывать недавние происшествия, но меня тут же сморил сон.

19 августа 1961 г., суббота

Вчера утром мы с доном Хуаном съездили на машине в город и позавтракали в ресторане. Он утверждал, что резко менять пищу нельзя.

— Твое тело еще не привыкло к «мясу силы». Поэтому ешь свою обычную пищу, иначе заболеешь.

Сам он уплетал за милую душу, и я пошутил по этому поводу.

— Моему телу нравится все,— ответил он просто.

К полудню мы снова вернулись в сухое ущелье. Как и в прошлый раз, громко переговариваясь, мы дали духу знать, что пришли, а потом долго и напряженно молчали.

Выйдя из ущелья, дон Хуан повернул не к дому, а в другую сторону, к горам. Окрестности пошли холмистые, и скоро мы одолели несколько по-настоящему крутых подъемов. Для отдыха дон Хуан выбрал открытый, залитый солнцем пятачок и сказал, что мы будем сидеть до самых сумерек, и вести себя я должен самым естественным образом, и спрашивать можно о чем угодно.

— Я знаю, дух прячется здесь, неподалеку,— шепнул он.

— Где?

— Вон там в кустах.

— А какой это дух?

Он лукаво глянул на меня:

— А они что, разные бывают?

Мы оба рассмеялись. Это я со страху глупил.

— Как стемнеет, он выйдет,— сказал дон Хуан. — Подождем.

Я не мог придумать ни одного вопроса и молчал.

— Сейчас нужно разговаривать,— сказал он. — Человеческий голос привлекает духов. Один дух прячется здесь, и нам надо объявиться, поэтому давай, спрашивай...

В голове у меня было пусто. Я тупо молчал. Он засмеялся и похлопал меня по спине.

— Ну, ты и тип! Как нужно поговорить, у тебя язык отнимается. Ну-ка, пошлепай губами!

И он энергично зашлепал губами, быстро открывая и закрывая рот.

— О некоторых вещах мы будем говорить только в «местах силы»,— продолжил он. — Сегодня первое твое испытание. Это — «место силы», и говорить здесь можно только о силе.

— Я не понимаю, что такое сила,— признался я.

— Сила — это то, с чем имеет дело воин. Вначале в нее верится с трудом, и представить ее невозможно — так она далека, непонятна. Твое отношение сейчас именно таково. Но потом начинаешь думать о ней всерьез; пусть пока сам не имеешь ее или даже не очень веришь, что она существует, но уже точно знаешь: есть в мире такое, чего ты прежде не замечал. А затем сила подступит к тебе, и ты будешь над ней невластен. Как именно подступит и что она такое — не могу сказать. Она — ничто, но творимые ею чудеса ты увидишь своими глазами. И наконец, сила войдет в тебя, будет властвовать над твоими поступками, но и подчиняться твоим решениям.

Он помолчал немного и спросил, понял ли я. Объяснение его было, конечно, нелепо, но я уныло сказал, что понял. Он усмехнулся и проговорил медленно и отчетливо, будто диктуя:

— Я покажу тебе первый шаг к силе. Научу «выстраивать сон».

Взглянул на меня и спросил, знаю ли я, что это такое. Я не знал, слова его были совершенно загадочны. Он принялся растолковывать: «выстраивать сон» — значит, жестко, в своих интересах управлять ситуацией во сне, как мы управляем ею, бодрствуя,— гуляем, скажем, по пустыне и выбираем, подняться ли на холм, остаться ли в тенистом ущелье...

— Начнем с самого простого: сегодня ночью во сне посмотри на свои руки.

Я расхохотался. Он говорил так легко — будто о чем-то обыкновенном.

— Почему ты смеешься? — удивился он.

— Да как же мне во сне посмотреть на руки?

— Очень просто: переведи на них взгляд, вот так. — Он наклонил голову и, открыв рот, уставился себе на руки. Вышло забавно, и я снова рассмеялся.

— Серьезно, как это сделать?

— Я показал,— отрезал дон Хуан. — Смотри на что хочешь — на ноги, на живот, хоть на дружка своего внсячего. Про руки я говорю, потому что лично мне на них смотреть легче всего. И не смейся, это не шутки. В этом страшном, таинственном мире все серьезно — и «сон»,

и «видение», и смерть... Относись ко «сну» как к занимательному упражнению. Только подумай, ты сможешь достичь самого невероятного! Во время такого «сна» охотящемуся за силой подвластно почти всё.

Я попросил более подробных указаний.

— Никаких указаний, просто смотри на руки.

— Но у вас наверняка есть, что добавить,— настаивал я.

Он покачал головой и, скосив глаза, бросил на меня несколько коротких взглядов.

— Мы все разные. Ты просишь указаний, но ведь я могу рассказать только как сам учился. А мы с тобой так несхожи — ты совсем другой.

— Быть может ваш рассказ упростит для меня дело.

— Все и так просто — смотри на руки и все.

Он надолго углубился в раздумье, изредка кивая самому себе.

— Во сне посмотришь на что-нибудь, и оно сразу меняет очертания, расплывается,— заговорил он. — Главное в «построении сна» — не просто смотреть, а удерживать образ предмета. Как научишься видеть четко, «сон» станет реальностью, и исчезнет разница между поступком во сне и поступком наяву. Понимаешь?

Понимаю, но принять это для себя не могу, ответил я. Множество людей страдает галлюцинациями, смешивает фантазии и реальность; в цивилизованном мире такие люди считаются душевнобольными, и мне, естественно, становится не по себе, когда мне советуют уподобиться сумасшедшему.

Дон Хуан, изображая отчаяние, обнял ладонями щеки и комически вздохнул.

— Оставь в покое цивилизованный мир. Бог с ним. Никто тебя не просит уподобляться сумасшедшему. Я говорил уже: воин, охотящийся за силами, должен быть совершенен — иначе с ними не справишься. Так неужели он будет «смешивать» разные вещи?.. Вот если отличить реальное от нереального придется тебе — в чем ты мнишь себя таким знатоком — ты, приятель, наверняка запутаешься и погибнешь.

Мне явно не удалось выразить свою мысль. А хотел я сказать одно: я не могу отстоять свою точку зрения, и мне от этого жутко...

— Я не собираюсь превращать тебя в сумасшедшего,— продолжал дон Хуан. — Сойти с ума ты можешь и без моей помощи. Направляющие нас силы привели тебя ко мне, и я попытался изменить твои глупые повадки и обучить тебя чистой и твердой охотницкой жизни. Затем силы снова направили тебя, и я понял, что ты должен обучиться и безупречной жизни воина. Судя по всему, ты на это не годишься. Но можно ли сказать точно? Как и этот непостижимый мир, мы — существа загадочные и страшные; кто возьмется утверждать, на что ты способен, а на что нет?

В голосе его явственно сквозила печальная нота. Я собрался было извиниться, но он снова заговорил:

— Смотреть можно на что угодно, не обязательно на руки. Выбери что-нибудь заранее, а во сне найди выбранное. Про руки я сказал, потому что вот они, их искать нечего. Как только они начнут расплываться, отведи взгляд, а потом — снова на руки. Обучаются этому приему очень долго.

Я увлекся записями и не заметил, как наступил вечер. Солнце уже исчезло за горизонтом Небо затянулось облаками, сумерки сгущались... Дон Хуан поднялся и несколько раз искоса взглянул на юг.

— Пойдем,— позвал он. — Будем идти на юг, пока нам не покажется дух источника.

Перевод Т. ТУЛЬЧИНСКОЙ

Продолжение следует

Мученик с соколом на руке

Александр ШАМАРО

Творения старинного зодчества в нашей столице терпят серьезный ущерб даже в тех счастливых случаях, когда они не только сохранены, но и прекрасно реставрированы: обступившая их со всех сторон многоэтажная, а то и «небоскребная», застройка навсегда лишила их того впечатления, которое производили они в стародавние времена. Их масштабы как бы уменьшились, снизилась их высота... И трудно найти в современной Москве какой-либо другой памятник архитектуры, который иллюстрировал бы это печальное обстоятельство лучше, нежели церковь Трифона-мученика неподалеку от Рижского вокзала, на улице «своего имени» — Трифоновской.

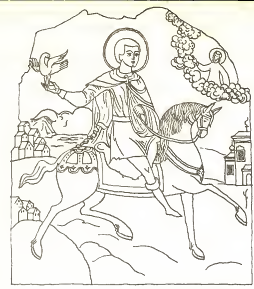
Церковь Трифона-мученика, что в Напрудном... Да, некогда здесь было село Напрудное.

Этот чисто русский топоним — Напрудное (то есть поселение на берегу пруда), оброс, если можно так выразиться, мхом семи столетий: впервые он упомянут был в завещательной грамоте московского князя Ивана Даниловича, по прозвищу Калита, который, отправляясь в 1328 году в смертельно опасный, смертельно рискованный путь — в нижневолжские золотоордынские столицы за ярлыком на великое княжение владимирское, распределил на всякий случай свои владения между сыновьями. Напрудное отписал старшему сыну Симеону (Семену), будущему великому князю московскому и великому князю владимирскому.

Если второй элемент в названии этой церкви уводит в глубины московской и российской старины, то первый (Трифона-мученика) — в далекую страну на северо-западе Малой Азии и во времена несравненно более давние — к середине III века новой эры. Это — страна Фригия, достигшая расцвета и могущества за десять веков до начала современного летосчисления и прославленная во Франции 18 веков спустя: головной убор фригийцев («фригийский колпак») послужил моделью для шапок участников Великой Французской революции.

Согласно житию, Трифон (имя это в переводе с греческого означает «живущий в роскоши», «изнеженный») был во Фригии простым крестьянином. С малых лет он помогал родителям по хозяйству — пас гусей (видимо, поэтому в прежние времена российский сельский люд и величал его Трифоном-гусятником). И «уже от младенчества был предызбран для Царства Небесного» (Журнал Московской патриархии, 1962, № 2) и посему с юных лет стал «распространителем христианской веры, ослушником царской воли (то есть воли императора. — **А. Ш.**) и презрителем богов»[1]. Презритель — от глагола «презирать», что значит, согласно словарю Даля, пренебрегать, считать ничтожным, подлым, недостойным внимания, ниже всякого уважения. Вот именно так, точнее и не скажешь, фригиец Трифон как истинный

Церковь Трифона в Напрудном (справа) со всеми пристройками, сооруженными в прошлом веке. Из путеводителя по Москве, изданного в начале нашего столетия.



Св. мученик Трифон. Фреска XVI века из церкви Трифона в Напрудном.

и ревностный христианин относился к богам римского пантеона, ко всяким языческим идолам. И, разумеется, это ему даром не прошло.

Трифон предстал пред судом грозного и беспощадного правителя тамошней провинции, предстал смиренно, в полной покорности воле божией. Его подвергли трехчасовому бичеванию, прерываемому лишь для кратких и неизменно безуспешных увещеваний. От бичей перешли к еще более страшным истязаниям — вбивали гвозди в ноги, подвешивали на дереве и опаляли бока свечами. «После сих истязаний, отправляясь на охоту, велел он (наместник-правитель.— **А. Ш.**) вести за собою и Трифона, привязанного к коню». В конце концов Трифон был предан казни усекновением главы, причем, как сообщает житие, по неизреченной милости господней он «умер прежде, чем коснулся его меч».

Обратим внимание на некоторые детали житийного повествования. Гуси, которых Трифон пас в детстве и отрочестве... Охота, которая была для него истязанием... Конь, который, по земле, по камням тащил за собой привязанного к нему мученика... Возможно, детали эти как-то преломились в чисто русском предании о святом Трифоне и Трифоновской церкви в примосковных лесах, простиравшихся здесь несколько веков назад... В предании этом есть и птица, и охота, и конь. Но совсем не та птица, совсем не такая охота и конь совсем в иной роли.

Трифоновская церковь не только редкостный памятник древнерусского зодчества. Этот белокаменный храм увековечил одно из трогательных устных преданий отечественной старины. Героями его стали два Трифона — фригиец Трифон-мученик, упомянутый в православных житиях, и боярин Трифон Патрикеев, упомянутый (но с другим именем) в русских летописях. Есть там и птица — охотничий сокол, или кречет, как называли самую ценную породу ловчих птиц.

Взглянув на план Москвы, вы увидите, что бывшее Напрудное (в память о нем, кстати, остался и по сей день существующий переулок) расположено по пути из Кремля в Сокольники — традиционные охотничьи угодья великих московских князей и царей. Первобытно-дремучие леса, от которых остался ныне весьма чахлый островок, исполосованный так называемыми лучевыми просеками и основательно застроенный, тогда вплотную обступали Напрудное. Далеко окрест разносились удалые возгласы сокольников-кречетников. Одним из этих удальцов — согласно преданию — и был молодой боярин Трифон Патрикеев, служивший при великокняжеском дворе в годы правления Ивана III (1462—1505).

Трифон пользовался, наверное, особым благорасположением великого князя: его попечению доверен был лучший государев кречет... И надо же было так случиться, что в одну из охот в Сокольниках Трифон упустил и потерял в лесу этого сокола. Огорченный и разгневанный князь дал ему три дня на поиски: не найдет — голова с плеч.

Понапрасну блуждал Трифон трое суток по лесу, без отдыха и сна, высматривая кречета на ветвях, в густых кронах. Мысленно уже расставаясь с жизнью, присел он на поваленный бурей ствол и забылся на минуту... И тут возник перед ним вдруг его небесный покровитель, восседающий на белом коне с соколом на поднятой правой руке. Он возвестил молодому боярину, где и на каком дереве найдет он утраченную птицу. Так сокольничий был спасен от гибели. И в благодарность за чудесное избавление он в том самом месте, где нашел сокола, поставил часовню, а некоторое время спустя, как рассказывают, при содействии самóго великого князя, прослышавшего о чуде, заменил ее каменным храмом во имя мученика Трифона. Такие храмы на Руси назывались обетными. Это поэтичное предание вам наверняка знакомо. Во всяком случае, тем, кто читал роман А. К. Толстого «Князь Серебряный». Алексей Константинович перенес это предание из времен княжения Ивана III Васильевича во времена царствования его внука Ивана IV Васильевича, в которые и разворачивается действие романа. Откройте главу 23-ю — «Дорога»... Никита Романович Серебряный разговорился в пути с царским сокольничим Трифоном или попросту — Тришкой, и тот поведал ему, как во время очередной «птичьей потехи» исчез сокол Адраган[2], как царь пригрозил ему плахой, как шесть дней он разыскивал его и отыскал лишь благодаря явившемуся во сне святому Трифону.

Незадолго до выхода романа в свет, в августе или сентябре 1860 года, А. К. Толстой послал императору Александру II, с которым был близко знаком еще в бытность того наследником престола, письмо, проникнутое глубокой тревогой за судьбы великолепных творений древнерусского церковного зодчества.

«...На этих днях,— прочтем мы в этом письме,— я просто не узнал в Москве прелестную маленькую церковь Трифона Напрудного, с которой связано одно из преданий об охоте Ивана Васильевича Грозного. Ее облепили отвратительными пристройками, заново отделали внутри и поручили какому-то богомазу переписать наружную фреску, изображающую святого Трифона на коне с соколом в руке».

«Облепили отвратительными пристройками» — слова эти отнюдь не были сгущением красок, а отражали печальную реальность. Взгляните на рисунок, позаимствованный на-

Св. мученик Трифон. Иллюстрация из книги «Жития святых» (СПб., 1892).

[1] *Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский, Жития святых, чтимых православной церковью. Т. «Февраль». СПб., 1891. С. 1.*

[2] *Русские цари давали своим соколам имена или клички. Память об этом, кстати сказать, уцелела на современном московском плане: улицы Ширяево Поле и Большая и Малая Ширяевские в районе Сокольников названы так по кличке Ширяй, которой нарекли любимого сокола царя Алексея Михайловича; на этом поле он разбился насмерть. (Прим. автора).*

Автопортрет.

НЕ ЗНАЯ ТЛЕНЬЯ

Судьба отмерила ему для жизни немногим менее тридцати трех лет. Родился Александр Исачев в селе Озаричи Калинковичского района, на Гомельщине. Семейная жизнь у родителей не сложилась, и мальчик долгое время воспитывался вне дома — сначала в Мозырской школе-интернате, а затем, с пятого класса, когда ярко проявились его творческие способности — в Минской республиканской школе-интернате по музыке и изобразительному искусству.

Однако из школы-интерната для одаренных детей его исключили за невинную шалость — выкрасил волосы хной. Скитания, безденежье, работа грузчиком... Отторгнутый официальными кругами, Исачев ищет душевного приюта и находит его в среде ленинградских неформалов, непризнанных художников. В 70-е годы, когда Исачев вернулся в свой родной город Речицу, определяется его творческое кредо. Считая своими учителями старых европейских мастеров, он разрабатывает преимущественно библейские сюжеты, пишет иконы для церквей. Сфера его интересов стремительно расширяется. Как рассказала журналу «Огонёк» (1989, № 24) жена и ближайший друг художника Наталья Николаевна Исачёва, круг его чтения включал труды А. Ф. Лосева и С. С. Аверинцева, публикации ленинградского Института востоковедения, мифы и эпос народов мира, поэзию Индии, Китая, Японии... Работал очень много, но труд его не называли «общественно-полезным», даже пытались привлечь художника к ответственности за «тунеядство».

И всё-таки признание пришло при жизни. В конце 1987 года в Речице открылась первая выставка его работ. Два дня спустя Исачев скончался от сердечного приступа возле мольберта в своей мастерской. Сказались годы изнурительного труда, годы унижений, непонимания, равнодушия.

Его творческий метод можно сравнить с загадочной «игрой в бисер» из одноименного романа Германа Гессе. Художник реализует свои замыслы, используя бесценный опыт прошедших эпох. Обращаясь к мифам и легендам, к величественным творениям древних мыслителей, он ищет разгадку вечных таинств бытия. Что есть истина и ложь, добро и зло, любовь и ненависть, красота и уродство, юность и старость? Как бы ни отвечали мы на эти вопросы, они никогда не исчезнут. А значит, останется и то, что создал Александр Исачев.

Из серии «Магия».

МУЧЕНИК С СОКОЛОМ НА РУКЕ

Начало на с. 62

ми из путеводителя по Москве, выпущенного в свет в 1914 году (изначальный храм на рисунке справа). Новые пристройки «лепили» в течение почти всего прошлого столетия. В 1825 году был сооружен южный, Никольский придел, к которому три с половиной века спустя был добавлен северный придел во имя Филарета Милостивого (святого VIII века). В 1890—1895 годах построен обширный трапезный храм с куполом и трехъярусной колокольней... Представьте себе, что «Слово о полку Игореве» несколько членов Союза советских писателей дополнили обширным продолжением...

Церковь Трифона в Напрудном хранит память еще об одном чуде. Это, второе, случилось через несколько столетий после чудесного отыскания сокола в лесных дебрях. По свидетельству ветеранов реставрационного дела, произошло оно всего несколько десятилетий назад: при сносе всего, что было пристроено к древней церкви, сама она уцелела: ученым-историкам архитектуры удалось уговорить «храмоборцев» сохранить ее. Повезло церкви в Напрудном и далее, когда в первые послевоенные годы научную реставрацию его поручили-доверили прекрасному мастеру этого дела — Льву Артуровичу Давиду. (Еще в 1934 году он начал обследовать этот памятник по заданию Государственного Исторического музея. В ту пору возник проект перенести церковь в Коломенское. К счастью, от этого отказались.)

Продолжились реставрационные работы под руководством Петра Дмитриевича Барановского. Ему посчастливилось обнаружить на южном фасаде храма фрагмент вырезанной по белому камню надписи: «лета 7000»... 7000 лет от ветхозаветного «сотворения мира» в пересчете на летосчисление «от Рождества Христова» соответствуют 1492 году. Так что есть основания в следующем году отметить 500-летие «одного из интереснейших памятников рубежа XV—XVI веков», как назвал церковь Трифона в Напрудном крупный исследователь русского зодчества Михаил Андреевич Ильин...

В ходе предвоенной реставрации с церкви была удалена обезобразившая ее четырехскатная кровля, которая хорошо видна на рисунке.

Художественная ценность этого храма не ограничивалась лишь его архитектурным обликом — алтарная стена была украшена снаружи фреской, изображавшей святого Трифона верхом на коне и с соколом на руке. Ту самую упомянутую А. К. Толстым в его письме государю фреску, на которую три века спустя после ее создания поднялась рука какого-то бездарного богомаза. Но, к счастью, ее удалось спасти, воскресить в первозданной красе и передать в Третьяковскую галерею. Графическую копию ее мы воспроизводим. Жаль, что по независящим от редакции обстоятельствам мы не можем дать цветной репродукции — с голубым небом, с пурпурным плащом...

В заключение еще раз обратимся к преданию, в этой фреске отразившемуся...

Несколько слов о Трифоне-кречетнике. Патрикеев — фамилия отнюдь не легендарная, а в историческом плане совершенно реальная, более того, высокородная и знатная. По летописным источникам известен боярин Иван Юрьевич Патрикеев, племянник великого князя Московского Василия II Васильевича (Темного). Он попал в опалу со стороны великого князя Ивана III Васильевича

(сына Василия Темного), был даже приговорен к казни, но избавлен от нее благодаря заступничеству московского духовенства: его помиловали «с пострижением». Пóстриг Иван Патрикеев принял в Троице-Сергиевском монастыре (нынешней Троице-Сергиевской лавре); там он и скончался в 1499 году (как видите, церковь в селе Напрудном он вполне мог успеть построить). Ко всем этим историческим реалиям, совпадающим с деталями легендарного сюжета о потерянном и чудесно найденном царском соколе, можно добавить, что на одной из семи привешенных к духовной грамоте (завещанию Ивана Патрикеева) восковых печатей изображен всадник с птицей, распростершей крылья на его поднятой руке.

«В житии Трифона из Фригии...— писал Л. А. Давид в статье, посвященной истории реставрации храма в Напрудном (Архитектурные памятники Москвы XV—XVII в. М., 1947. С. 38),— нет ни слова о соколах или соколиной охоте, так же как нет и эпизода, дающего повод изображать святого на коне с соколом...»

Все так, но устное народное поэтическое творчество следует своей логике, своему воображению. Позаимствовав раннехристианского мученика из православных святцев и реальное лицо из московской старины,— оно, переименовав Ивана в Трифона, создало самостоятельное поэтическое произведение. Один из бесчисленного множества примеров ассимиляции православно-христианских образов и преданий гениальным русским фольклором.

Александр ШАМАРО